М. В.
ИСАКОВСКИЙ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

М.В. ИСАКОВСКИЙ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

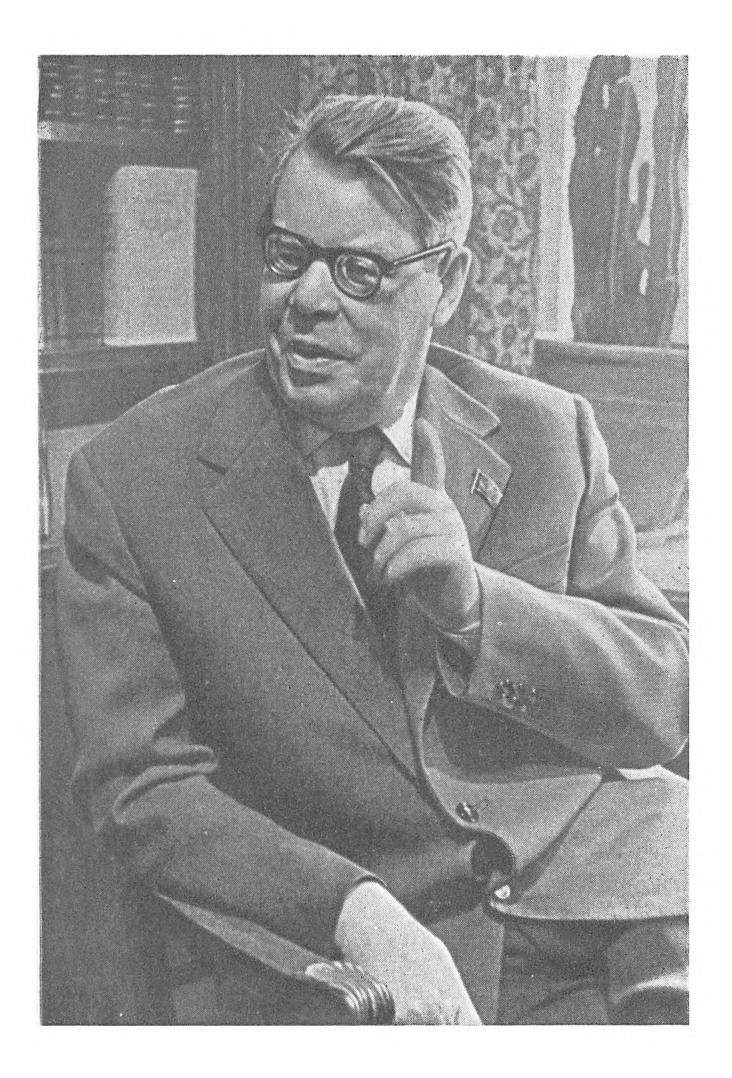
М. В. ИСАКОВСКИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья,
составление и примечания
В. С. Бахтина

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД · 1965

М. Исаковский — один из виднейших советских поэтов, стихи и песни которого («Катюша», «Провожанье», «И кто его знает...», «Огонек» и многие другие) знает вся страна. Эта книга является наиболее полным собранием стихотворений Исаковского. В особом разделе помещены избранные переводы поэта. В книгу включено несколько неопубликованных и малоизвестных произведений.

М. В. ИСАКОВСКИЙ

Около сорока лет назад, размышляя над тетрадью своих стихов, молодой Исаковский спрашивал себя:

Сумеют ли они
в такой суровый век,
В такое трудное,
ответственное время
Пробиться в глубь больших библиотек
И покорить читательское племя?

(«Командарм»)

Трудно представить сегодня любую сельскую и городскую библиотеку без книг Михаила Исаковского. В век всеобщей грамотности лучшие стихи его шагнули за пределы печатной страницы и, став, подобно произведениям фольклора, общенациональным достоянием, живут и распространяются в устной форме.

Когда героям фильма «Судьба человека» понадобилось доказать, что они помнят родину и верны ей, они, не сговариваясь, запели песню Исаковского. Польский поэт Крыштоф Гущинский, взявший в качестве эпиграфа строку Исаковского, негры, запевшие «русскую „Катюшу“, ту, что Исаковский написал», японцы, разучивающие в профсоюзных хорах «Под звездами балканскими», чешские, румынские, венгерские, английские поэты, переводящие стихи Исаковского, — фактов и имен тут не перечесть! — все они видят в творчестве советского автора выражение каких-то основных черт национального характера. Поэзия Исаковского стала для них символом советского и русского.

1

Михаил Васильевич Исаковский родился 6/19 января 1900 года в глухой деревне Глотовке Ельнинского уезда Смоленской губернии. Семья была большая и очень бедная. Впрочем, и у соседей дела шли ненамного лучше. Недаром о ельнинских мужиках говорили: «оглоблю облапил и ездит в побирашки».

«Своего хлеба у нас никогда до «нови» не хватало, его приходилось покупать, — вспоминал впоследствии поэт. — Поэтому с осени, когда кончались сельскохозяйственные работы, отец вынужден был уходить на заработки...»[1] Позднее в течение пятнадцати лет Василий Назарович Исаков (такова его настоящая фамилия) был почтарем Осельского волостного правления. На своей лошади он еженедельно ездил на станцию Павлиново, что в двадцати верстах от Глотовки, и привозил оттуда почту. Сам немного грамотный, Василий Назарович приносил иногда домой газеты и журналы, которые любил рассматривать сын. Так, незаметно, самоучкой, овладел будущий поэт грамотой.

В 1910 году неподалеку от Глотовки, в соседнем селе Оселье, в специально нанятой крестьянской избе открылась начальная земская школа. Как умеющего читать и писать Михаила приняли сразу во второй класс. Однако от ученья вскоре пришлось отказаться. Мешало не только отсутствие зимней одежды, но и болезнь глаз. Тогда пришла на помощь учительница Е. С. Горанская. Она прислала все необходимые учебники на дом. С осени следующего года мальчик стал посещать занятия регулярно; весной 1913 года он успешно сдал все выпускные экзамены.

С детства был окружен поэт стихией народного творчества. «Смоленский этнографический сборник» В. Н. Добровольского показывает, что к началу нынешнего столетия в деревнях Смоленщины еще сохранились основные богатства русского фольклора. Молодежь собиралась на гулянки, распевала частушки; по обычаю, со всеми обрядами, песнями, причитаниями и заговорами справляли свадьбы, крестины, похороны, провожали рекрутов, начинали и заканчивали полевые работы.

Даже в наши дни на родине М. В. Исаковского можно записать немало старых припевок и плачей, прекрасных лирических и свадебных песен...

Не река ли моя речушка,
Не река ли моя быстрая.

---

[1] М. Исаковский, Краткая автобиография. — Сочинения в двух томах, т. 1, М., 1959, с. 5.

Течет речка — не волнуется,
С бережками не сравнуется,
С желтым песком не смешается...[1]

Трудно, разумеется, говорить сейчас о том, какие именно песни слышал подросток. Но то, что народное поэтическое слово широко вошло в его сознание с самых первых лет жизни, — несомненно.

Сочинять Михаил начал рано, и «сочинительство» это шло сразу, так сказать, в двух жанрах.

«Из окрестных деревень ко мне приходили отцы, матери, жены писать письма своим близким, уехавшим в города, «на заработки». За письмо мне платили три или пять копеек. На эти деньги в соседней лавчонке покупалась обычно селедка или четверть фунта сахару, и тогда в семье наступало торжество».[2]

Писал Михаил и стихи. В 1913 году по просьбе учительницы мальчик прочел на выпускном экзамене в начальной школе такое стихотворение:

В бедном уголочке
На краю села
Со внуком Ванюшей
Бабушка жила.

Хижину плохую
Имели они —
Прозябнут, бывало,
В ненастные дни.

Дровец у них нету, —
На чем привезешь?
На себе из леса
Много ль принесешь?[3]

Через год один из учителей послал в московскую газету «Новь» его стихотворение «Просьба солдата», которое и было напечатано.

Стихи и письма по своему содержанию не слишком, вероятно, отличались друг от друга. Нужда и забитость, горечь разлук и потерь (шла первая мировая война), родительские и сыновние чув-

---

[1] Записано автором настоящей статьи в 1959 г. в Глотовке.

[2] М. Исаковский, Краткая автобиография. — Сочинения в двух томах, т. 1, с. 6.

[3] А. Дерман, Михаил Исаковский. — «Новый мир», 1945, № 9, с. 103.

ства — с какой поразительной глубиной и чуткостью говорится о них в «Просьбе солдата»! — все это была сама жизнь.

Книга, с которой довольно рано подружился Исаковский, дала ему немало. Она раздвинула границы его знаний, познакомила с миром больших человеческих чувств и исканий.

Хотелось учиться дальше. И тут снова пришли на помощь отзывчивые люди. Несколько лет, страшно нуждаясь и тяготясь непривычной обстановкой и одиночеством, провел деревенский парень в гимназии (сначала в смоленской, а затем в ельнинской). Но окончить ее не удалось. Небольшое пособие, которое выплачивала ему земская управа, в результате инфляции военных лет превратилось буквально в ничто...

Некоторое время восемнадцатилетний юноша учительствовал в той самой глотовской школе, в которой когда-то занимался сам.

Октябрьская революция явилась для Исаковского, как и для миллионов других людей из народа, не только освобождением от нищеты и гнета, но и открыла путь к знаниям, к полной и богатой духовной жизни, к утверждению собственной личности.

Недавний гимназист и учитель становится редактором и почти единственным сотрудником ельнинской уездной газеты. Молодежь избирает его секретарем ельнинской организации РКСМ. В 1918 году он вступает в партию. Если бы кто-то за год, за два до революции предположил, что крестьянский сын Исаковский в 21—22 года будет редактором, скажем, официальных «Смоленских губернских ведомостей», это было бы воспринято как нечто невероятное. Но в начале 20-х годов Исаковский действительно возглавлял (хотя, из-за болезни, и недолго) губернскую газету — только это была советская, коммунистическая газета. В «Рабочем пути» он писал фельетоны, очерки, передовые статьи. Он стал убежденным пропагандистом и строителем новой жизни. О значении Октября для него как для человека и поэта лучше всего сказал А. Твардовский: «Всем своим творчеством... Исаковский как бы заявил во всеуслышание: «Самым дорогим для меня является то новое, светлое, передовое и по-новому красивое, что принесла с собой советская власть в темный, убогий и горький мир старой деревни. Я люблю это, и это пою, и на это положу всю душу, в этом вижу призвание моей жизни, и вне этого не могу представить себя как художника».[1]

С 1921 по 1931 год проработал Исаковский в смоленской областной газете. Он принимал активное участие в местной литера-

---

[1] Поэзия Михаила Исаковского. — А. Твардовский, Статьи и заметки о литературе, М., 1961, с. 25.

турной жизни, где в малом масштабе повторялось все, что происходило в большой литературе. Смоленские газеты тех лет пестрят сообщениями о его выступлениях перед читателями; на «литературных страницах» неизменно появлялись его стихи и критические заметки.

Смоленский период был хорошей подготовкой для поэта. Здесь в боях с мелкобуржуазными и декадентскими взглядами (которые культивировались в местной группе «Арена») прояснились его собственные литературные воззрения, сложилась собственная манера письма.

Самые ранние стихи Исаковского вышли отдельными брошюрами в местном издательстве в 1921 году («По ступеням времени», «Взлеты», «400 миллионов»). Справедливо признавая эти сборники художественно неполноценными, автор не включает их в библиографию своих произведений. Таким образом, его литературным дебютом принято считать сборник «Провода в соломе», вышедший в 1927 году в Москве.

Критика встретила книгу довольно холодно, но ее заметил Горький, живший тогда в Сорренто. В начале 1928 года в «Известиях» (от 27 января) и одновременно в журнале «Сибирские огни» (№ 1) появилась его очень одобрительная «Рецензия». Растерявшийся, обескураженный было молодой автор почувствовал себя гораздо увереннее.

Затем вышел его сборник «Провинция» (Смоленск, 1930), а через год — сразу два: «Мастера земли» и — как первый итог — «Избранные стихи» (оба в Москве). Смоленский поэт предстал перед всесоюзным читателем. Тем не менее долгое время — вплоть до конца 30-х годов — критика писала об Исаковском очень мало.

В 1931 году по приглашению издательства «Крестьянская газета» он переезжает в Москву и в течение года редактирует журнал «Колхозник». Однако болезнь глаз прогрессировала, и работу пришлось оставить.

С этого времени М. Исаковский целиком отдается творчеству.

2

Два фактора обусловили характер ранних произведений поэта: книга и жизнь. «Мое знакомство с поэзией было крайне ограниченным, — вспоминает он о своих детских годах, — я лишь прочел несколько случайно попавших ко мне стихотворений, в которых фигурировали Музы, Фебы и т. д. ... И у меня в то время сложилось

такое мнение, что стихи без Муз, Фебов, Вакхов и проч. — это не стихи и что для стихов требуются слова необыкновенные, красивые и проч.».

«Справедливость требует сказать, — пишет Исаковский далее, — что Фебами... я увлекался недолго и перешел на вещи, более мне близкие и понятные».[1]

Тематически поэт действительно отошел от литературных образцов. В своих стихах начала 20-х годов он агитирует за помощь голодающим крестьянам Поволжья, призывает к участию в субботниках, он говорит о дружбе с революционной Германией, рассказывает о поездке в дом отдыха, борется с неполадками в деревне и т. д. и т. п. Но избавиться от литературщины в стиле, от искусственной усложненности, вычурности Исаковский смог далеко не сразу. Однако работа в газете, активное отношение к жизни, сама действительность потребовали от поэта произведений другого характера — боевых, острых и понятных для любого неискушенного читателя.

Если лирические стихи в большинстве своем появлялись в результате субъективных размышлений и переживаний автора («Ель», «Двенадцать трав», «Подснежники» и другие), то в основу каждого публицистического и сатирического стихотворения, как правило, положен факт, взятый из жизни, но непосредственно не связанный с внутренним духовным опытом поэта. И те и другие произведения создавались параллельно, но вскоре ведущими в творчестве Исаковского стали произведения иного характера.

В новых стихах Исаковского личная, лирическая тема неотделима от общественной, публицистической. Это свойственно и некоторым вещам переходного периода, но для произведений, созданных после 1924 года, — типично.

Теперь поэт редко и неохотно покидает в своих стихах деревню. Тематика его творчества даже как будто сужается. Однако именно в этих стихотворениях молодой автор выходит на самую стремнину жизни. Он пишет о главных событиях эпохи. Но делает это по-своему, на том материале действительности, который ему ближе всего.

Вот, к примеру, стихотворение «Ореховые палки» (1925). Точными словами рассказывает здесь автор о старой деревне, об осенней рабочей поре... Все шло по заведенным порядкам. И вдруг, возвращаясь в родные места, герой замечает: орешник, который из года в

---

[1] А. Дерман, Михаил Исаковский. — «Новый мир», 1945, № 9, с. 104.

год шел на изготовление цепов, стоит нетронутый. Раз не нужны цепы, значит нечего молотить...

Ужели голод в этой стороне?
И сердце дрогнуло
И вдаль рванулось пылко...
. . . .
За речкой
На общественном гумне
Отчетливо стучала
Молотилка.

Нет тут ни единого слова об отсталости, бедности, примитивности старого крестьянского хозяйства, ни слова о революции, о коллективизации. Но все это высказано, выражено с помощью одной детали. И никак не отделить здесь переживания героя от большой жизни страны.

«Началом своей сознательной деятельности я считаю 1924 год, — говорит поэт, — именно в этом году я написал несколько стихотворений, которые хоть и были далеко не совершенными, но заключали в себе определенный поэтический замысел, определенную идею... Я как бы впервые почувствовал, что такое поэзия, и понял, какой линии мне надо держаться, к чему стремиться, по какой дороге идти».[1]

В своих стихотворениях Исаковский обращается к мелким, незаметным, повседневным фактам. Вот ребята-подпаски заиграли на пастушьем рожке вместо старой песни — новую, революционную («Подпаски»); вот «от избы и до избы зашагали торопливые столбы» («Вдоль деревни»); мужики слушают радио, и этот день, замечает автор, «деревню поднял ввысь» («Радиомост»); в поле вышел первый трактор, и — «здесь окончила свой век однолошадная Россия» («Утро»).

Мало ли было других фактов! Но Исаковский все наше внимание сосредоточивает именно на этих, казалось бы не слишком существенных, но на самом деле многозначительных деталях нового.

20-е годы — труднейшее для страны время. Листаешь «Рабочий путь» — и видишь статьи о товарном голоде, об отсутствии кирпича, о шайках недобитых кулаков, наводящих ужас на отдаленные уезды (за короткое время только на Смоленщине было раз-

---

[1] М. Исаковский, Краткая автобиография. — Избранные стихотворения, М., 1947, с. 9.

громлено тридцать девять банд и выловлено двести с лишним участников этих банд!); еще обсуждается вопрос: построим ли мы социализм?.. И в той же самой газете читатель находил уверенные, полные оптимизма строки Исаковского. В отличие от многих крестьянских писателей поэт в годы нэпа не растерялся, не растратил революционного энтузиазма.

Удивительна чуткость Исаковского к самым незаметным, к самым изначальным, еще далеко не массовым проявлениям нового. Пусть в 1925 году только начиналась электрификация деревни, — стихотворение-песня Исаковского тотчас рассказало об этом всей стране. Пусть в 1928 году единицы из единиц колхозов могли заниматься преобразованием природы хотя бы в местном масштабе, — Исаковский опоэтизировал труд колхозников, и это делает его стихотворение актуальным, злободневным в продолжение нескольких десятилетий.

«Сила настоящего искусства, — говорил Горький, — в том, что оно, взяв простейшее, обыденное явление, вскрывает его глубокий социально-драматический смысл, показывает его крепкую зависимость от общих условий жизни, от ее коренных основ».[1] Эти слова имеют прямое отношение к творчеству Исаковского. Но главная заслуга поэта все-таки не в следовании за внешним ходом истории. Исаковский шаг за шагом прослеживает внутреннюю историю советского человека. Его стихотворение каждый раз было художественным выражением новых чувств и мыслей, которые порождались новыми условиями, новой обстановкой.

Его герои — крестьянин, раздумывающий о необходимости вступить в колхоз; тракторист, радующийся тому, что он проведет сегодня первую борозду на общественном поле; девушка-комсомолка, борющаяся с кулаками. Автор воссоздает обстоятельства, где прямо сталкиваются старые и новые представления.

Солдатчина... Сколько сложено о ней горестных песен, сколько слез выплакали матери! А тут сама мать обижена: почему ее сына не берут в армию? («Как вошла в приемный зал...»).

«Моя хата с краю» — говорили раньше... А вот загорелась собственная хата, полыхает на глазах у хозяина — колхозного сторожа, а он все-таки не оставил поста, не побежал спасать свое имущество («География жизни»).

Подобный взгляд на проблему личного и общественного, когда одно как бы поглощалось другим, характерен для психологии лю-

---

[1] А. М. Горький, Собр. соч. в 30-ти томах, т. 25, М., 1953, с. 267.

дей, начинавших творить новый мир в условиях, которые требовали от них непрестанного самопожертвования. Но Исаковский чувствовал и другое: революция совершилась для того, чтобы каждый член общества был счастливым.

Стихотворение «В лесном поселке» — своего рода литературный манифест Исаковского. Медвежий угол... Все детали, подчеркнуто наводящие грусть: «Завяли травы. Лето миновало. Лесные тропы осень замела...» Но люди полны иными чувствами:

А мы живем. А нам и горя мало.
А наша радость мимо не прошла.

...И угол наш не тесен,
И плечи нам не давит небосклон,
И много есть еще не спетых песен,
И много есть не названных имен.

О том же — стихотворения «Девушка из Всходского района», «Ой вы, зори вешние...». Никто не отторгнут, не должен быть отторгнут от большой, настоящей жизни. Нет тут и отречения от самого себя. Эти мысли и эти герои нисколько не утратили своего значения сегодня.

Исаковский обращается не к исключительным судьбам, не к выдающимся примерам доблести и геройства. Заурядная девушка, рядовая колхозница, трудовой люд — это-то как раз и есть самая глубь, самый корень жизни. Народ.

Внешне непохожие, герои Исаковского — люди одного склада. Где увидел поэт именно такие характеры — цельные и естественные, небойкие, мягкие и одновременно твердые? Конечно, в родных деревнях, на скудных полях старой Смоленщины. В их обыденности столько человечески привлекательного, многоцветного... Сохраняя что-то, какую-то трудно определяемую словами основу (это, по-видимому, и есть национальный склад характера), они меняются, распрямляются под влиянием новой действительности, обретают силу и уверенность в себе. Исаковский поэтизирует своих героев, нисколько и ни в чем не прикрашивая их. Он знает, что народ состоит из непохожих друг на друга людей. Но он видит и воспевает лучших. Это с самого начала было его сознательным устремлением, и это вытекает из всей его идейной и эстетической концепции.

С середины 30-х годов одна за другой разнеслись по стране песни поэта — «Вдоль деревни», «И кто его знает...», «Прово-

жанье», «Катюша». Чувства, которые переполняли сердце художника, обрели свои крылья в музыке.

В конце 30-х годов, когда в Европе уже полыхала вторая мировая война, Исаковский с какой-то поистине одержимостью писал о советской родине, о том счастье, которое пришло к людям. Вероятно, есть известная односторонность в том, что автор стихотворений «Вишня», «Морячка», «Я глядела в озеро...», «Что за славные ребята...», «В гости приехала дочь...» замечал только светлое, только солнце и радость: было в жизни и другое. Но понять его можно:

Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий,
Где в каждой хате — может, тыщу лет —
Нужда сидела на почетном месте.

Это было живым ощущением поэта. И именно потому, чувствуя надвигающуюся грозу, он не устает повторять: «всё, что нынче держим мы в руках, Мне с каждым днем становится дороже» («Я вырос в захолустной стороне...», 1941); «всего дороже сторона родная...» («Пели две подруги...», 1941).

Война заставляет его искать новые действенные формы стиха: он создает ряд публицистических писем-посланий, обращенных к бойцам на фронте («Наказ сыну», «Одна дорога есть у нас...»), к героям рабочего тыла («Припомним, друзья и подруги...»), к жителям временно оккупированных мест, к землякам, к партизанам («Украина моя, Украина!..», «Здравствуй, Смоленск!..» и другие). Многие его стихотворения имеют сюжетную основу. Это как бы рассказы в стихах («Старик», «Поросята», «Рассказ про Степана и про смерть»).

И с первых дней войны зазвучали прекрасные песни Исаковского: «Походная», «Ой, туманы мои...», «Огонек», «Слушайте, товарищи...», «В прифронтовом лесу». В этих песнях было все, чем жил народ, — и горе его, и ненависть, и великая любовь к отечеству, и тоска по оставленным близким, по погибшим...

Одно из лучших стихотворений Исаковского — глубокое и скорбное «Враги сожгли родную хату...». Когда говорят, что литература — совесть народа, нельзя не вспомнить этих строк:

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего...»

И этих:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Если бы в хоре радостных стихов, встретивших нашу победу, не было этих горестных слов, народ никогда не простил бы этого поэзии. Но они прозвучали, и прозвучали именно тогда, когда должны были прозвучать. И совсем не случайно их выговорил Исаковский — в те трудные военные годы один из самых близких народу поэтов. Точно так же не случайно и то, что это стихотворение сразу подверглось осуждению: трагедия личного, по мнению тогдашней критики, была совсем неуместна в пору торжества государства.

А ведь тут нет ни слабости, ни пессимизма, а есть лишь подлинная любовь к человеку, к людям, с великими жертвами спасшим свою страну. Эта же важная мысль, это же чувство восхищения и благоговения перед подвигом народа одушевляли Шолохова, когда он писал «Судьбу человека».

Образ русской женщины — один из центральных в поэзии Исаковского.

В своих переложениях фольклора («Песня о девушке», «Песня о несчастной любви», «Песня о замужестве») он обращается только к прошлому. В других стихах — и это чаще — поэт сопоставляет старую и новую судьбу женщины-труженицы («Настасья», «Разговор на крыльце»). Но еще чаще в стихах Исаковского мы встречаемся с образом девушки нового поколения, милой и скромной, вроде Любушки, Катюши. Со временем меняется ее облик. Еще недавно она билась над букварем, училась жить по-новому («Первое письмо»). А теперь она уже вовлечена в малые и большие дела страны («Уезжает девушка»).

Война...

А тучи свисают всё ниже,
А громы грохочут всё ближе,
Всё чаще недобрая весть.
И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

(«Русской женщине», 1945)

Поэт не просто продолжает некрасовскую тему. Героиня его — не только верная жена и мать, не только хозяйка в поле и дома...

Исаковский всегда был чуток к настроениям своих современников. Еще шли бои...

Еще и артиллерия гремела
И мины рвались на краю села,
А ласточка уже взялась за дело
И, хлопоча, гнездо себе вила.

(«Ласточка», 1944)

В людях, окаменевших от горя на целые годы, стали просыпаться обычные, естественные чувства. Они опять увидели солнце и небо над головой; весна, нерастраченные молодые силы рождали какие-то новые ощущения и стремления. «Девичья песня» («Не тревожь ты себя, не тревожь...»), «Живет у нас в поселке...», «Лучше нету того цвету...» — задушевные песни, в которых нет ни одного слова о боях и даже о победах, — написаны в 1944 году. А в 1945 году, когда большинство других авторов по-прежнему продолжало говорить о войне, поэт создает стихотворение-песню «Услышь меня, хорошая...» и поразительные по своему лиризму строки «Одинокой гармони».

Первое послевоенное пятилетие отмечено новым творческим взлетом поэта. Активно продолжается его переводческая работа, начатая еще в середине 30-х годов. К переводам из Т. Шевченко, Л. Украинки, И. Франко, Я. Купалы, Я. Коласа, белорусских и украинских песен прибавились переводы произведений А. Кулешова, А. Малышко, П. Воронько, К. Хетагурова, Ш. Петефи, польских, словацких, венгерских народных песен и баллад. Прекрасный пример общественного и культурного значения переводческой деятельности поэта — песня «Будьте здоровы...», написанная А. Русаком, но облетевшая всю страну лишь после того, как ее представил русскому читателю Исаковский.

Здесь нет возможности разбирать мастерство Исаковского-переводчика.[1] Заметим только, что его работа над драмой «Лесная песня» Л. Украинки, над стихами и поэмами Т. Шевченко и А. Кулешова стала значительным явлением в русской поэзии.

Знакомство с художественным опытом других литератур — и в первую очередь славянских — обогатило и самого Исаковского (например, популярнейшая песня «И кто его знает...», как свидетельствует сам автор, связана с одной украинской песней). Но вопрос этот гораздо сложнее, и, к сожалению, он еще совсем не разработан.

Интересны теоретические и критические выступления Исаковского — статьи о работе над песней, о поэтическом мастерстве, заметки о языке, литературная полемика.

То, что направление послевоенного творчества Исаковского как нельзя лучше отвечало вкусам и потребностям народа, доказывает беспримерная популярность его песен в это время. Именно тогда были созданы превосходная «Песня о Родине», песни «Летят перелетные птицы...», «Каким ты был, таким остался...» и многое другое. От самой дальней деревни до аудитории столичного вуза — везде знали, любили и постоянно пели песни, созданные поэтом и композиторами М. Блантером, Б. Мокроусовым, В. Захаровым и другими. Конечно, огромное значение имела и прекрасная музыка этих композиторов. Но то, что песенная лирика Исаковского сама по себе была важна для слушателей и исполнителей, — тоже несомненно. Ничье творчество не вызывало прежде такой могучей волны ответного творчества безымянных авторов. «Катюша», «Морячка», «Огонек», «Девичья песня», «Прощальная» породили и в годы войны, и

---

[1] О деятельности Исаковского как переводчика см.: Д. Политыко, О мастерстве поэтического перевода. Поэзия А. Кулешова в переводах М. Исаковского («Советская Отчизна», 1952, № 2, с. 133—143); В. Глотов, Співдружність двох поетів («Жовтень», 1952, № 11, с. 108—111); И. Козлова, Стихи поэтов Украины в переводах М. Исаковского и А. Твардовского («Лит. Смоленск», 1954, кн. 13, с. 199—203); А. Белецкий, Новый перевод «Лесной песни» («Лит. газета», 1954, 20 мая); В. Петровский, Стихотворения А. Малышко «Ленінське слово» и «Весна цього року» в переводе на русский язык М. Исаковским («Вопросы русского языкознания», издательство Львовского университета, 1956, кн. 2, с. 80—88); В. Адамович, Михаил Исаковский — переводчик белорусских поэтов («Дружба народов», 1957, № 3, с. 200—207); А. Молчанов, Украинская поэзия в переводах М. Исаковского («Советская Украина», 1958, № 8, с. 154—158); В. Кириленко, Поэма «Катерина» в русских переводах Н. Гербеля и М. Исаковского (в кн.: «Голос Шевченко над світом», Київ, 1961, с. 34—40).

после войны великое множество подражаний, переделок, «продолжений», «ответов». Голос поэта и голос народа сливались и расходились и снова сливались в одну песню.

В последнее время поэт, который и раньше писал не слишком много, печатает свои новые произведения совсем редко. Зато все большее значение приобретает его литературно-общественная деятельность. Исаковский стал одним из самых уважаемых наставников молодежи. К нему обращаются за советом, поддержкой. Велики его личное обаяние, авторитет честного и принципиального писателя.

3

Новаторские, всецело принадлежащие нашей эпохе, стихи Исаковского неотделимы от традиций русской классической литературы. Не подражая, но с любовью и благоговением изучая, общался поэт с Пушкиным, Некрасовым, Кольцовым, с бессмертным украинцем Шевченко. Нет нужды приводить здесь многочисленные высказывания Исаковского о писателях, чьи стихи сопровождают его на протяжении всей его творческой жизни. Важно только напомнить, что Пушкин и Некрасов явились для него ориентирами, по которым он находил свою дорогу, продираясь, по его собственным словам, сквозь дебри формалистической зауми, неоправданной сложности, непонятности.

«Живая и ясная поэзия» Пушкина (название статьи Исаковского о поэте) учила простоте и точности, чувству слова и соразмерности. Некрасов показал ему пример «умелого, умного, творческого использования фольклора».[1] В своих беседах с начинающими авторами Исаковский постоянно ссылается на опыт Некрасова. Он говорит о его сердечной отзывчивости, о понимании поэтом души народа, об умении взволновать читателя, вызвать его гнев и любовь. Некрасов и Шевченко, пишет поэт, еще со времен сельской школы «стали для меня близкими, родными. И у того и у другого я учился и учусь глубокому проникновению в народную жизнь, в человеческую душу, простоте, лиричности и музыкальности стиха».[2]

Есть немало работ, исследующих взаимосвязи поэзии Исаков-

---

[1] М. Исаковский, О советской массовой песне. — О поэтическом мастерстве, М., 1952, с. 19.

[2] М. Исаковский, Высокий пример. — «Правда», 1961, 10 марта.

ского с классической поэзией.[1] Но как бы ни сближали авторы художников века нынешнего и века минувшего, все они обязательно подчеркивают конечную самостоятельность советского поэта, современный характер его творчества. И дело не в том, что он может сказать «застыло у ворот Стриженое детство», как никогда не сказали бы ни Пушкин, ни Некрасов. Дело в неповторимом жизненном опыте поэта, в его мировоззрении, в его индивидуальности, во времени, в которое он жил и живет.

Когда Исаковский входил в литературу, Владимир Маяковский и Демьян Бедный продолжали оставаться самыми влиятельными поэтами. Их боевая партийность, страстная публицистичность, всегдашняя злободневность служили примером для молодых писателей, в том числе и для Исаковского. Еще в 1927 году Исаковский называл Маяковского «большим поэтом нашего времени» и советовал начинающим авторам изучать его опыт.[2]

Позднее в своей публицистике, в фельетонах начала 30-х годов, обращаясь к темам города и рабочего класса, Исаковский иногда близко подходил к манере Маяковского. Но это не более чем эпизод в его творчестве, — он искал свой путь.

Главное в стихе Маяковского — непосредственное выражение общественных эмоций. Это стих ораторский, рассчитанный в большинстве случаев на громкое чтение, тысячную аудиторию. Между тем Исаковский шел к стиху напевному, к стиху песенного склада. Его лирика, раскрывающая ясные и простые чувства людей, требовала совсем иных интонаций, разговора доверительного, как бы с глазу на глаз.

Как любил массовый читатель 20-х годов Демьяна Бедного! Однако не странно ли, что современные ему талантливые молодые поэты так мало взяли из его художественного опыта? Ленин ценил Д. Бедного, но он же, как вспоминает Горький, сказал о нем: «Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди».[3] Этот недостаток, не слишком опасный в первые послереволюционные

---

[1] Т. Беседина, О некрасовских традициях в творчестве М. Исаковского и А. Твардовского. — «Ученые записки Вологодского гос. пед. института», т. 7, 1950, с. 91—134; Н. Ровенский, Традиции Некрасова в творчестве Исаковского. — «Советский Казахстан», 1953, № 1, с. 127—134; Т. Акимова, Народные основы песенного творчества М. Исаковского. — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. 11, Саратов, 1954, с. 31—66.

[2] М. Исаковский, Как надо и как не надо писать стихи. — «Рабочий путь», 1927, 4 декабря.

[3] М. Горький, В. И. Ленин. — Собр. соч. в 30-ти томах, т. 17, М., 1952, с. 45.

годы, оборачивался все большей, все более видимой слабостью. Читатель, гигантски выросший за какое-то десятилетие, обгонял поэта.

Исаковский довольно рано сформулировал свое «первое правило» — «писать в максимальной степени просто и понятно, не спускаясь, однако, до примитива».[1] Он сознательно старался не повторить ошибки Д. Бедного, и не его ли имел в виду Исаковский, когда писал в одной из статей 20-х годов: «Дать произведения, которые были бы понятны для *всех* слоев деревенских читателей и в то же время высокохудожественны, дело невозможное или почти невозможное... Здравый смысл подсказывает, что мы должны ориентироваться только на передовую, наиболее культурную и развитую часть деревни — на молодежь. Иначе мы будем плестись в хвосте у малограмотной массы, а не тянуть ее за собой».[2]

Разумеется, можно найти и переклички в стихах обоих поэтов (ср., например, строки «Разгадки» Бедного и «Радиомоста» Исаковского, напечатанных в одном и том же году). Их роднит общий интерес к фольклору, к Некрасову, к теме новой деревни. Исаковский учел песенный опыт Демьяна Бедного.[3]

Критика 20-х годов справедливо относила молодого Исаковского к группе крестьянских писателей. Но вот стихи Н. Клюева, одного из видных и талантливых крестьянских поэтов:

Как ярый спрут, ползет по свету
Слепая мертвенная сталь.
Ужели вам, как мне, поэты,
Цветка измятого не жаль?

Одно — железные колеса,
Другое — радуга равнин.
Что ж слаще чувственному носу:
Черемуха или бензин?

Клюеву вторит С. Клычков: «Не за горами пора, когда человек в лесу всех зверей передушит, из рек выморит рыбу, в воздухе птиц переловит и все деревья заставит целовать себе ноги —

---

[1] М. Исаковский, Заметки о моем творчестве. — Избранные стихи, М.—Л., 1931, с. 13.

[2] М. Исаковский, Еще о крестьянской поэзии. — «На литературном посту», 1928, № 24, с. 52.

[3] М. Исаковский, О советской массовой песне. — О поэтическом мастерстве, М., 1952, с. 22.

подрежет пилой-верезгой: тогда-то и отвернется бог от опустелой земли и от опустелой души человечьей, а железный черт... привертит человеку на место души какую-нибудь шестерню или гайку с машины... С этой-то гайкой заместо души человек, сам того не замечая и ничуть не тужа, будет жить и жить до скончания века!»[1]

Ни под одним из этих слов никогда не подписался бы Исаковский! Ему чуждо, враждебно было стремление многих так называемых поэтов деревни идеализировать старую сермяжную Русь с ее патриархальным укладом. Он никак не мог согласиться с тем, что город, машина убивают красоту природы и живые человеческие чувства. Они замыкались в себе, грустили, приходили в отчаяние от того, что рушится вековое, а Исаковский радовался: «В Москве звенят такие ж песни, Такие песни, как у нас...»

Очень сложную позицию занимал С. Есенин. В его символических образах трогательного тонконогого жеребенка и бездушно мчащегося поезда заключена мысль о неотвратимой гибели старой деревни. Всей душой стремился Есенин слиться с новой жизнью. Но это оказалось выше его сил. Есенин был не в состоянии порвать с прошлым, где, как ему казалось, только и могло жить его искусство. Здесь истоки трагедии одного из самых больших поэтов России: «Отдам всю душу Октябрю и Маю, Но только лиры милой не отдам».

Могучий дар Есенина не мог не заворожить и Исаковского. В его ранних стихах мы найдем немало подражательных строк. И тем не менее сначала робко, а потом все смелей и смелей Исаковский вступает в открытый спор с «последним поэтом деревни». Для Есенина «железный гость» на полях имел «неживые, чужие ладони»; Исаковский, конечно, не случайно используя схожую метафору, писал: «Здравствуй, город, — наш железный брат!» Даже говоря о сборнике «Провода в соломе», автор с полным основанием утверждал: «Если в моем творчестве и были какие-нибудь отдельные черточки «от Есенина», то общие тенденции его (творчества) ничего общего с Есениным не имели».[2] Есенин все-таки ярче всего рассказал о Руси уходящей, о герое, далеко еще не определившем своего отношения к изменениям в жизни. Исаковский, нужно опять подчеркнуть это, стал выразителем новой дей-

---

[1] С. Клычков. Чертухинский балакирь, Роман, М.—Л., 1926, с. 158.

[2] М. Исаковский, Заметки о моем творчестве. — Избранные стихи, с. 13. О связи поэзии Есенина и Исаковского см.: Е. Наумов, Сергей Есенин. Жизнь и творчество (Л., 1960, с. 281—285).

ствительности, певцом нового, идущего навстречу ветрам революции человека.

Горький рецензию о «Проводах в соломе» начал именно с противопоставления творчества Есенина и Исаковского: «Вероятно, и еще не один талантливый человек погибнет, если не сумеет понять, почувствовать глубокое и всем ходом истории обусловленное значение того, что называется «смычкой» города и деревни», — писал он. Исаковский, «мне кажется, хорошо понял необходимость и неизбежность «смычки», хорошо видит процесс ее и прекрасно чувствует чудеса будних дней». [1]

Именно в силу остро ощущаемых идеологических различий молодой смоленский поэт не поддался сколько-нибудь заметному влиянию своего знаменитого современника. Более того, художественная система Исаковского, его «объективная» лирика (был такой термин в 30-е годы) складывалась в процессе преодоления субъективной поэтики, субъективной лирики Есенина. Сложная метафоричность, олицетворения, чаще всего именно есенинского склада, постепенно уступают в его стихах место простому слову, образу с прямым смыслом.

Отчасти были близки к Исаковскому некоторые молодые крестьянские поэты, например Иван Доронин, писатель, несоизмеримый по своему дарованию ни с Бедным, ни тем более с Есениным, однако для того времени примечательный. Доронин еще в середине 20-х годов написал поэму «Тракторный пахарь». Его песня «Ой цвети, цвети, кудрявая рябина...» — о любви деревенской девушки к посланцу города («он из города Ко мне пришел, Я — с полей») — сразу же стала популярной. Это одна из первых советских лирических песен. Доронин писал просто, особенно часто обращаясь к песне, частушке. Он именует себя «советским Кольцовым». Но у него не хватило таланта, художественного вкуса и чувства меры.

Внимательно приглядывался молодой Исаковский к тому, что создавали его современники. Он учился у них — главным образом, общим принципам творчества. Еще чаще он спорил с ними — и это тоже была учеба. Ни к кому из тогдашних поэтов Исаковский особенно не тяготел. И тут нет ничего удивительного. Советская литература только еще рождалась, и сам он явился одним из тех художников, творческая индивидуальность которых формировала ее облик, ее направления и стили.

---

[1] М. Горький. Рецензия, — Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, М., 1953, с. 310.

4

Нигилистический взгляд на фольклор, на старые традиции, столь характерный для многих деятелей литературы 20-х годов, не был воспринят Исаковским. Правда, его отношение к содержанию и идеям народной поэзии тоже было подчас отрицательным. Но лирическая стихия, поэтика фольклора с самого начала воспринималась им как нечто живое, близкое его собственным устремлениям. В дальнейшем народное творчество привлекает поэта все больше и больше. Этому способствовал и общий ход развития советского искусства.

Советский строй, рожденный народной революцией, как ни один другой строй, выражает самые коренные интересы народа. Человек труда стал хозяином своего государства. Социалистическое искусство с первых дней своего существования обратилось к изображению этого нового героя. Интерес к человеку из народа, внимание к народу в целом должны были породить и действительно породили усиленный интерес и внимание и к народной культуре.

Еще в 1929 году в речи на Всероссийском съезде крестьянских писателей А. М. Горький подчеркнул, что у фольклора учиться необходимо. Старое народное творчество он назвал первоисточником литературы. Особенно важное значение в этом смысле имел Первый Всесоюзный съезд советских писателей и знаменитое выступление Горького на этом съезде. После 1934 года фольклорная работа в центре и на местах резко активизировалась. Ясно обозначился общий поворот советской литературы к народному творчеству.

Писатели самых различных взглядов принимаются собирать фольклор, изучают его, подражают ему, по-своему перелагают песенные, сказочные, легендарные сюжеты (вспомним «Страну Муравию» А. Твардовского, «Золушку» С. Кирсанова, стихи И. Сельвинского, А. Прокофьева, первые сказы П. Бажова). Смоленский поэт Д. Осин задумал создать поэму, построенную на основе подлинных частушек, — Горький одобрил и этот замысел. Рассказывая о своей работе, Д. Осин писал: «Сколько можно сделать интересного! Во-первых, сюжетная лирическая поэма-частушка; во-вторых, песни, сделанные опять-таки из отдельных частушек, композиционно связанных между собой; в-третьих, обработка лирических народных песен... Так давайте же, — звал поэт, — станем не только собирать, изучать и любить наш фольклор, но и обрабатывать его грамотно, культурно, талантливо». [1]

[1] Д. Осин, Поэма-частушка. — «Большевистский молодняк», 1935, 6 января.

Это было напечатано в той самой смоленской газете, где — в то же самое время! — были опубликованы стихотворная сказка Исаковского «Царь, поп и мельник», его же переделки народных песен, напоенная фольклором поэма «Четыре желания».

Таким образом, фольклорные интересы Исаковского должны рассматриваться как часть очень широкого явления в советской поэзии. Не случайно один из видных критиков тех лет писал в 1935 году: «Фольклор сейчас не только объект научного изучения, не только документ массового творчества, — но и потенциальная часть «большой литературы», и задача советского поэта — в том, чтобы ускорить переход возможности в действие».[1]

Каковы бы ни были теоретические предпосылки, из которых исходил молодой Исаковский, в его творчестве песня всегда занимала большое место.

Уже в середине 20-х годов он опубликовал несколько стихотворений народно-песенного склада («Двенадцать трав», «Где ты, лето знойное?..»). Но автор, по собственному позднейшему признанию, слишком перенасытил их образами. Ни одно из них не стало популярной песней.

В 1927 году Исаковский написал стихотворение «Я не клала в печку дров...» (подзаголовок: «Песенные мотивы»):

Я не клала в печку дров, —
 Писем не жалела,
Наша прежняя любовь
 Хорошо горела.

Плакал Ваня у огня,
 Словно речка хлынула:
— На кого же ты меня,
 На кого покинула?

... — Не тумань, Ванюша, глаз,
 Не суши сердечка, —
Не течет назад у нас
 Никакая речка.

Хорошо с тобой ходить
 По деревне с песней,
Но учителя любить
 Много интересней.

---

[1] А. Селивановский, В литературных боях, М., 1963, с. 581.

А за два года до этого в литературно-художественном крестьянском сборнике «Целина» (1925) в анонимной заметке «О частушках» было напечатано такое четверостишие:

Печку письмам истопила,
Не подкладывала дров,
Хорошо, милой, горела
Наша прежняя любовь.

Первые строки стихотворения Исаковского могли быть взяты отсюда: поэт был участником этого номера журнала.[1] Однако возможно, что автор знал частушку и раньше, так как она вообще имела широкое бытование.

Народный текст послужил здесь исходным пунктом для написания сюжетного произведения. Хотя близость остальных строф к частушке очевидна, все они подчинены определенному замыслу. Этот прием поэт иногда использовал впоследствии. Так, известная песня «Лучше нету того цвету...» тоже начинается с подлинной народной частушки (кстати, поэт сам и записал ее на Смоленщине). Однако прямое усвоение народных текстов — не главный и далеко не единственный путь. Исаковский, разумеется, понимал это. Он стремился по-разному подойти к художественным богатствам фольклора.

Наиболее крупным произведением Исаковского, написанным по мотивам народного творчества, является стихотворная сказка «Царь, поп и мельник».[2] Сюжет ее довольно точно повторяет сюжет народной сказки.[3] При всем том акценты здесь другие. Так, разъевшийся на даровых хлебах поп, резко отрицательный персонаж

---

[1] «Целина», 1925, № 1. Интересно, что заключительная строфа стихотворения «Я не клала в печку дров...» по построению напоминает частушку, приведенную в статье Александра Мигунова «Лицо деревни» («Жернов», 1927, № 2):

Хыть ты в колокол звони,
Хыть кол и ты тресни,
Мне в народный дом идти
Много интересней.

В этом же номере «Жернова» напечатал Исаковский свое стихотворение «Родное».

[2] В. Сидельников сообщает, что сказку «Царь, поп и мельник» Исаковский слышал от своего отца («Смоленский альманах», 1951, № 8, с. 144).

[3] См.: Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края, СПб., 1915, с. 174—175.

фольклора, под пером Исаковского стал просто славным, хотя немного и хитроватым, стариком, нечаянно попавшим в беду. Царь в народной сказке — положительный образ (недаром он иногда фигурирует под именем Петра I). У Исаковского же царь не вызывает никакой симпатии.

До некоторой степени этот случай кажется закономерным. Общественные отношения, не имеющие связи с нашей современностью, точность их воспроизведения здесь не так уж важны. Главное, что привлекает автора, — остроумный сюжет. Недаром столько внимания уделяет он юмору. Большинство комических эффектов построено на внутреннем противопоставлении современности и прошлого (особенно в языке). Вот, например, как изъясняются царь и мельник:

— Я тебя с твоей расценкой
В подземелье заморю!..
— Зря вы лезете на стенку, —
Мельник вымолвил царю...
и т. д.

В том же 1935 году Исаковский создал цикл «Из песен прошлого». Поэт попытался здесь содержание старинных текстов облечь в более современную литературную форму. Но позднее сам Исаковский сказал о подобной работе: «Некоторые товарищи просто копируют народную песню... Я думаю, что это труд бесполезный. Надо не копировать, не подделываться... Надо создавать свои, новые и по замыслу и по выполнению произведения».[1]

Пробовал поэт и стилизовать свои произведения под фольклор. Такова поэма «Четыре желания», стихотворения «Настасья», «Белорусская песня», лирическая песня «Услышь меня, хорошая...» и другие. Некоторые из них имеют искусственный характер, например стихотворение «Калина». Тема его — трагическая судьба советского человека, попавшего в фашистское рабство. Но «калина и соловей», «девушка и змея» — эти образы применительно к данной ситуации воспринимались как чисто условные, литературные.

Там, где речь идет о прошлой жизни, нарочитое обращение к тематике, а вместе с тем и поэтике старого фольклора художественно оправдано. Стихотворение «Настасья» (1935) построено на символическом сопоставлении старой жизни русской крестьянки с ее новой жизнью:

---

[1] М. Исаковский, О советской песне. — «Октябрь», 1944, № 9, с. 119.

Ой, не про тебя ли пели скоморохи,
Пели скоморохи в здешней стороне:
«Завяла березонька при дороге,
Не шумит, зеленая, по весне»?

Поэма «Четыре желания» насквозь пронизана старой фольклорной традицией. Образы народной поэзии воссоздают здесь картину безрадостной жизни батрака. Но что такое эти старые образы, как не художественное обобщение той же самой прошлой жизни того же угнетенного и забитого крестьянина:

Хоромы ему не построены,
    хлеба для него не молочены,
Хмельная не сварена брага,
    на свадьбу не звана родня...

...Холодный, голодный —
    я в людях зимую и лéтую,
Чужие поля убираю,
    чужую скотину пасу.
А где мое счастье — не знаю,
    а где моя радость — не ведаю, —
В каком они скрылись
    дремучем лесу?

Слова и образы народной поэзии так органично связаны с общим тоном рассказа, что почти невозможно сказать, чтó в нем исконно народное и чтó принадлежит автору.

В дореволюционном фольклоре есть много песен о разлуке с милым, отправляющимся в солдаты. Солдатчина была ненавистна народу. С горечью пела крестьянская девушка:

...Разлучили нас люди сильные,
Увезли его, сдали в рекруты.
Во солдатках я одинешенька
Буду век свой коротать.
Знать, в чужой избе состарюся
Я без молодца суженого,
Знать, то доля моя, сиротинушки,
Вечно плакать и рыдать! [1]

---

[1] Е. Блинова, Сказы, песни, частушки, Челябинск, 1937, с. 206.

Тема «Катюши», на первый взгляд, старая, традиционная — любовь и разлука. Но Катюша говорит: «на дальнем пограничье» —

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную, —

и с этими словами она сразу же обретает черты нашей современницы, советской девушки.

Фольклорные краски (психологический параллелизм, повторы и т. д.) придают песне аромат народного текста. Но впечатления старой народной песни стихотворение все-таки не производит, потому что герои его — современные люди, потому что идея сознательного, советского патриотизма по-новому осветила старые традиционные личные взаимоотношения. Здесь нет ложного в своей основе стремления дать текст, похожий на фольклорный.

Если мы обратимся к лексике, то увидим, что ни одного слова, которого мы не могли бы употребить в разговорной речи, тут нет. Нет здесь и архаичных фольклорных образов.

К 1941 году фольклорная стихия в творчестве Исаковского значительно ослабевает. Таковы «Зимний вечер», «Вишня», «Что за славные ребята...», «У самой границы». Все менее заметной становится грань между «городской» и «деревенской» тематикой. В стихотворении «Морячка» вообще нет указаний на место действия этой песни.

Отечественная война, всколыхнувшая все Советское государство, вызвала к жизни и воспоминания о героическом прошлом народа. Вместе со старыми национальными и патриотическими традициями на службу народу был поставлен фольклор. Возросла роль старого фольклора и в литературе. Известные и неизвестные нам создатели песен гражданской и Отечественной войн должны были и действительно обратились к старой военной песне. Героические стихотворения, опирающиеся на фольклор (в частности, на солдатские песни), пишет и М. Исаковский.

Походная песня «До свиданья, города и хаты...» (1941) по теме очень традиционна. Только одно слово (отряд — «комсомольский») говорит о том, что она написана в советское время. Однако те приемы использования фольклора, которые в некоторых песнях (например, «Калина») отмечались как неплодотворные, здесь, наоборот, весьма уместны. Главное в этой песне — бодрый воинский дух, как бы подготовляющий бойца к подвигу в близком бою.

Сама тема, традиционный строй стиха помогают автору вы-

звать это чувство у читателя. В таком контексте нарочитые неопределенности, мешающие точному историческому восприятию стихотворения, также художественно оправданы: «враг», «вражеские тучи», «нас дорога дальняя зовет» и т. д. Здесь автору важно подчеркнуть преемственность героических традиций народа, напомнить о прошлом и подчеркнуть общее, а не говорить о различии старого и нового строя и т. п.

Творчески, каждый раз по-новому, подходит поэт к старой народной традиции.

5

У Исаковского есть такие строки:

Я потерял крестьянские права,
Но навсегда остался деревенским.

Критики, писавшие о поэте, часто цитировали эти слова. Однако они упускали из виду замечание Горького о том, что Исаковский — поэт смычки города и деревни. Исаковский не отошел от старой деревенской тематики, он не стал поэтом-урбанистом, но эта тематика изменилась, расширилась; сама деревенская тематика стала отражать судьбы всей страны.

Как видите, не так уж мы просты,
И не по дедовским живем уставам.
У нас и бабы ткут теперь холсты,
Чтоб Чемберлену
Подарить на саван, —

пишет Исаковский в стихотворении 1927 года.

Именно в силу объективного развития нашего общества, в силу все большего сближения городской и сельской жизни, «городской» и «деревенской» психологии, творчество Исаковского, сохраняя «деревенский» колорит, смогло удовлетворять духовные запросы всего народа, иными словами — стать общенародным.

Такой широкий смысл имеет и песня «Летят перелетные птицы...». Автор и здесь близок к народной поэзии, но он преимущественно использует лишь приемы фольклорной поэтики (повторы, параллелизмы), не прибегая к традиционным фольклорным образам, поскольку элементы устной поэзии не несут здесь основной смысловой нагрузки (как в «Калине»). Тема, легшая в основу стихотворения, потребовала соответствующего языкового оформле-

ния: здесь использованы только те понятия и слова, которые являются общими и для колхозника, и для рабочего, и для интеллигента. Все понятия (слова) подобраны именно такие, которые были бы на месте и в фольклорном произведении, и в произведении литературном, и в живой разговорной речи:

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона! —
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

Если мы обратим внимание хотя бы на эпитеты приведенной строфы, то увидим, что некоторые из них непосредственно взяты из устно-поэтического обихода. Но фольклорная окраска этих строк мало ощутима. И именно поэтому они могут быть восприняты как обычное стихотворение. Неизменная любовь народа к своей родине, отразившаяся в старом фольклоре и отлившаяся в привычные формулы (родная сторона, чужая земля), как бы растворилась в содержании современного стиха, усилив тем самым его патриотическое звучание.

Однако элементы фольклора выполняют в песне не только роль средства, повышающего идейно-художественный уровень произведения, — этого можно было бы достичь и иным путем. Главная заслуга автора состоит в том, что он создал подлинно национальное, именно русское стихотворение. Но национальная форма — это еще не все. Тема стихотворения — опять-таки тема традиционная, то есть национальная. И здесь автор снова взял такую тему, которая может быть и современной и традиционной, но которая не имеет черт архаики (как, например, в песне «Что же ты, лучинушка, не ясно горишь...»).

Обращаясь к событиям Отечественной войны («Немало я стран перевидел, Шагая с винтовкой в руке...»), Исаковский незаметно осовременивает эту тему, но повторение первого куплета в конце как бы снова возвращает песню в рамки традиции.

В «Катюше», в «Любушке», в песнях «Где ж вы, где ж вы, очи карие?..», «Ой, туманы», «Огонек» и в других произведениях песенного жанра свое поэтическое задание Исаковский в общем выполняет теми же средствами.

В 1944 году, обращаясь к советским поэтам-песенникам, Исаковский писал: будут ли ваши произведения «построены на фольклорной основе или на какой-либо другой — это роли не играет. Важно, чтобы они обогащали песню, а не перепевали то, что уже пето и перепето».[1]

Стихотворение Исаковского «Снова замерло всё до рассвета...» отстоит от фольклора еще дальше. Но и оно написано в своеобразной манере, имеющей все признаки национальной. Это достигается прежде всего мастерским выбором лирической темы, которая опять-таки может иметь и традиционный и самый современный смысл. Место действия, картина вечера, детали, образы — все это имеет именно национальную окраску: «дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь», «на улице где-то одинокая бродит гармонь», «словно ищет в потемках кого-то», «ты признайся, кого тебе надо, ты скажи, гармонист молодой». «Ты признайся, ты скажи», «гармонист молодой» — эти еле заметные остатки старой поэтической традиции (повтор; сам герой — гармонист; постоянный эпитет «молодой») придают стихотворению какой-то едва уловимый оттенок старой народности. «Потемки», «гармонь» — слова и понятия живого разговорного языка; в то же время это традиционная, привычная народно-поэтическая лексика. Эти же слова входят в состав литературной речи. Не говорю здесь о прозрачности мысли и настроения, вложенных в песню, об удачно найденном размере и ритме, о замечательно простом синтаксисе (тот же принцип отбора, что и в лексике) — все это делает песню Исаковского образцовым произведением, в котором сочетаются простота и народность, художественность и глубина.

Сам поэт считает, что его обращение к песне произошло случайно, но нам кажется, что этот поворот вытекает как из всего хода развития советской литературы, так и из творческой индивидуальности Исаковского.

Народная песня как жанр в наше время еще достаточно продуктивна. Важно и то, что лирические народные песни — один из самых реалистических жанров устного народного творчества. Содержание старой песни (лирической) — разлука с милым, неудачная любовь, шуточное — звучит сегодня более современно по сравнению, скажем, с содержанием былины или сказки. Наконец, песня (а еще более частушка!) является одним из немногих жанров народного творчества, который сохранил, хотя и не в таком

---

[1] М. Исаковский, О советской песне. — «Октябрь», 1944, № 9, с. 119.

объеме, как прежде, устную форму передачи и, разумеется, устную форму исполнения. А из этого вытекает устойчивость ее традиционных особенностей. Чтобы хорошо запомниться, песня должна иметь простой текст, небольшое число куплетов, повторы как строф, так строк и слов; постоянные эпитеты, привычные сравнения, символику.

«Известная часть композиторов считает, что главную роль в песне играет музыка, а слова — дело десятое, — пишет Исаковский. — А ведь это глубоко ошибочно... Текст песни должен иметь самостоятельное художественное значение».[1] А раз так, то он не может излишне осложняться специально песенными приемами, которые способны помешать восприятию песенного текста в качестве стихотворного.

Но, — говорит Исаковский, — «стихи ... предназначенные для песни, наряду со своими поэтическими качествами должны заключать в себе и некоторые песенные особенности: простоту, напевность и прочие вещи, свойственные песне».[2]

К простоте и доступности Исаковский стремился постоянно. В этом направлении он добился больших успехов. Возрастало и мастерство поэта. Его песни становятся по-настоящему напевными.

Исаковский не из тех поэтов, что добиваются удач ощупью, стихийно. Он много размышляет над творческими проблемами.

Излагая свои споры с композитором Захаровым, поэт пишет: «Я ... отдавая должное художественным достоинствам народно-песенной классики, доказывал, что следует более пристально вслушиваться и в то новое, что возникает в быту современной деревни. Ведь все на свете непрерывно меняется, и нынешняя сельская молодежь уже не поет, а зачастую и не понимает старинных песен. Я утверждал, что надо смелее искать новые выразительные средства для воплощения современного содержания».[3]

Исаковский отказывается от традиции, от фольклора? Конечно же нет! Есть другой возможный путь его усвоения.

Исаковский не раз настаивал на том, что текст песни должен быть сюжетным. В качестве авторитетного свидетельства поэт ссылается на старую песенную практику: «Все или почти все народные песни, — пишет он, — имеют свой сюжет, они о чем-то рас-

---

[1] М. Исаковский, О песне. — «Правда», 1944, 4 сентября.
[2] М. Исаковский, О советской песне. — «Октябрь», 1944, № 9, с. 120.
[3] М. Исаковский, Из воспоминаний о В. Захарове. — «Советская музыка», 1958, № 12, с. 44.

сказывают, и это повышает интерес к песне».[1] Так родились сюжетные стихи самого автора, частью ставшие популярными песнями, не имеющими внешних (тематических и формальных) признаков близости к фольклору.

Исаковский постоянно говорит о том, что поэзия должна быть действенной, а следовательно, общедоступной. Имея в виду художественные средства стиха, образ в частности, он пишет: «Образ должен быть простым, непосредственным, искренним. Только тогда он сразу будет укладываться в сознании. Возьмите, например, такой чрезвычайно простой, но в то же время глубокий образ деревенской частушки:

За окном стоит береза,
Всем ветрам покорная.

Здесь нет никакой фальши. Здесь все естественно и в то же время художественно. Именно к такой естественности и должны стремиться крестьянские „образотворцы"».[2]

Юмор многих песен и стихов М. Исаковского близок по духу народному юмору. Отстаивая право на жизнь подобных стихов, он пишет: «В деревне много недостатков и смешных сторон. Их не только надо бичевать и «проклинать»... но, может быть, в большей степени умело высмеивать. Высмеивание вовсе не чуждо деревне. Это можно видеть на примере частушек, добрая половина которых составлена в юмористических и сатирических тонах».[3]

По такому пути, по пути усвоения мастерства, усвоения принципов художественного творчества народа и шел Михаил Исаковский в своих лучших произведениях.

* * *

Индивидуальная поэтическая манера Исаковского сложилась, как мы видели, в результате соединения богатейшего опыта художественной культуры прошлого с опытом советского писателя, активного участника новой жизни. Основные особенности этой манеры выявились довольно рано. С годами она менялась мало. Точ-

---

[1] М. Исаковский, О советской песне. — «Октябрь», 1944, № 9, с. 120.

[2] М. Исаковский, Еще о крестьянской поэзии. — «На литературном посту», 1928, № 24, с. 52.

[3] Там же, с. 53.

нее сказать, она обогащалась, дополнялась. Поэт овладевал новыми формами, жанрами, темами. Но главное, то, что присуще именно произведениям Исаковского, оставалось.

Оставалась неповторимая интонация Исаковского — задушевная и чаще всего спокойная, повествовательная, чуждающаяся внешней аффектации. Не услышишь в стихах поэта громового голоса — даже там, где он стремится к этому (например, в финале поэмы «Четыре желания»), нет в них кипящих страстей. Они горят ровным, добрым и теплым светом.

В полувековой истории советской литературы эти стихи занимают особое место. Талант Исаковского признали самые авторитетные современники — Горький, Фадеев, Шолохов, Твардовский. Но дело не только в его собственных достижениях: Исаковский — родоначальник целого направления в советской литературе. В русской поэзии последнего тридцатилетия оно несомненно было одним из ведущих.

Разговор о художественных течениях в советской литературе еще до войны начал А. Фадеев. Он отметил тогда творческую близость, родство таких поэтов, как Исаковский, Твардовский и Сурков. В послевоенные годы этот разговор был продолжен, но редко завершался удачно. Попытки разобраться в своеобразии одного направления вызывали обвинения сторонников другого направления в желании кого-то выделить, кого-то кому-то противопоставить. При этом смешивались широкие понятия, скажем, влияния Маяковского на советскую поэзию со школой Маяковского в узком смысле. Направлению Исаковского — Твардовского посвящена специальная работа А. Македонова. [1]

Учеником Исаковского считает себя А. Твардовский. На стихах Исаковского выросли смоленские поэты Н. Рыленков, Д. Осин, С. Фиксин и другие. Возникла школа, которую условно называют «смоленской». Позднее ее особенности находим в стихах А. Яшина, С. Викулова и других поэтов-вологодцев, в стихах А. Недогонова, отчасти Н. Грибачева, Вас. Федорова и других. Если говорить кратко, общность названных поэтов простирается на основные элементы художественного творчества, составляющие специфику поэтического искусства: выбор темы, героев, образную систему, ритм, язык, склонность к определенным жанрам, обращение к одним и тем же традициям.

---

[1] А. Македонов, О «смоленской» поэтической школе, о ее месте в развитии советской поэзии и о трех юбилеях. — «Очерки советской поэзии», Смоленск, 1960, с. 3—33.

Творчество Исаковского, общественное и литературное значение многолетнего подвига поэта невозможно переоценить. На протяжении нескольких десятилетий в его стихах находили себя, выражение своих чувств не отдельные читатели — народ. Недаром его стихи с 1925 года вошли в школьные хрестоматии.

Исаковский возвысил жанр массовой (профессиональной) песни, бывший до него в некотором небрежении, до уровня подлинного искусства, вызвал уважение и невиданный интерес к нему. Русская советская песня с ее новым миропониманием и мироощущением, начиная с Исаковского, впервые так широко и свободно шагнула за рубежи нашей страны. Создатель народной лирики, поэт-песенник, один давший народу целую книгу песен, больше, чем любой другой русский поэт, — Исаковский воспроизвел в своих стихах привлекательный образ нашего современника. В этом образе не только живые черты эпохи, но и качества, которые для многих поколений войдут в понятие нравственного идеала.

Душевная чистота, благородная сдержанность, жизнерадостность и юмор... Песня и Родина — вот что такое поэзия Исаковского.

Голос поэта услышали, усилили миллионы людей. Вот оно — еще одно чудо искусства!

Владимир Бахтин

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ПОДПАСКИ

Рассекая тишь хлыстом,
В тень ушли подпаски.
Свежий ветер из кустов
Говорил им сказки.

Солнце сыпало овес
Из горячей печи.
Клял жару лохматый пес
На своем наречье.

Все коровы через луг —
В лес поодиночке.
Утомился дед-пастух
И заснул на кочке.

Уж давно сошла роса,
Торопиться надо.
«Протирай-ка, дед, глаза,
Да погоним стадо!

Ждут в деревне молока
Свежего к обеду...» —
И подпаски в два прыжка
Подскочили к деду.

Ванька вмиг трубу схватил,
Сжал губами туго;
Звонкий, радостный мотив
Забурлил над лугом.

В такт Алешка бил кнутом,
Надрывая глотку:
«Эй, гражданки, из кустов
Выходи на сходку!»

Лес, оторванный от сна,
Эхом взвыл протяжно.
На поверку, как одна,
Шли коровы важно.

Дед смеется: «Ей-же-ей!
Музыка что надо.
Хорошо, Ванюша, к ней
Приучил ты стадо.

Заиграешь — враз придет
Из лесу буренка, —
Ведь коровы, что народ,
Понимают тонко».

Солнце сыпало овес...
По дороге, рядом,
Шли подпаски, дед и пес
Со своим отрядом.

1924

2. НА УЛИЦЕ

Апрель ударил голубым крылом
О городскую черствую дорогу.
И вот со звоном выкатился лом
Из шумной двери солнцу на подмогу.

И целый день в руках играет сталь,
Вздыхают глухо ледяные глыбы.
Сегодня день — прозрачный, как хрусталь.
Сегодня день приветливых улыбок.

Весь город напоен ласкающим теплом.
Неугомон у каждого порога...
Апрель ударил голубым крылом
О городскую черствую дорогу.

1924

3. ШКОЛЬНЫЕ НОЧЕВКИ

Припомнишь всё — и сердце радо,
И вновь возникнут в тишине
И снег, и школьная ограда,
И перелесок в стороне.

Как хорошо, оставив дроби,
Бежать от грифельной доски
Туда, где месяц на сугробе
Рассыпал звездные пески;

Идти знакомыми местами
Всё дальше, дальше от жилья
И в полный голос петь с друзьями:
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя»;

Подобно путникам усталым,
Кого застигла ночь в пути,
Наметить место для привала,
Охапку сучьев принести;

Извлечь кусок газеты старой
Из-под худого зипуна,
Чтоб не истратить спичку даром —
Она всего у нас одна;

Потом стоять у тихой елки,
Глядеть в огонь, на лунный свет
И ждать — вот-вот завоют волки,
Хотя волков в округе нет;

Мечтать о радостях нежданных,
Нагнувшись, руки согревать

И говорить о дальних странах,
Где нам вовеки не бывать...

Но вот костер шипит и тухнет,
Набился в лапти колкий снег,
И мы несемся к школьной кухне,
Где на полу у нас ночлег;

Где по ночам темно и тихо,
Где нет ни елки, ни костра
И где на печке сторожиха
Ворчит о чем-то до утра.

1924

4. ДВЕНАДЦАТЬ ТРАВ

Хорошо походкой вялой
Мять в лугах шелка отав,
Под Ивана под Купала
Собирать двенадцать трав.

Под подушку — тра́вы в клети,
И в прохладной тишине,
Может статься, на рассвете
Милый явится во сне...

Ночь проходит. День стучится.
Просыпается народ.
Только суженый не снится,
Только ряженый нейдет.

Небо радостно над хатой,
А на сердце — грусть-тоска.
Знать, напрасно были смяты
Те отавные шелка.

1924

5. МОЛЕБЕН

Вся деревня за околицу
Вышла с низкими поклонами,
Вся деревня богу молится
И с попами и с иконами:

«Долети до божьей пристани,
Наше горе непокрытое,
Прошуми ты, дождь, монистами
Над полями позабытыми;

— Сохрани от года черного
Край наш, солнцем отгороженный, —
Бился дед в траву покорную
Головою нескороженной.

— Унеси беду народную,
Пронеси беду крестьянскую...»
На молитву хлебородную
Гром ответил перебранкою.

И когда попы с иконами
На другое поле ехали, —
Молотила рожь зеленую
Туча белыми орехами.

1924

6. РОДНОЕ

Сыплет спелые орехи
Мне орешник в кузовок.
Лес рябиновые вехи
Расставляет у дорог.

По оврагам, по обрывам,
Через пальцы ивняка
Льется тихо и пугливо
Желтолистая река.

На ветвях танцуют белки,
Лес обветренный молчит.
Солнце в облачные щелки
Шлет раскосые лучи.

У опушки дремлют кони,
Подпирая боком ель.
Снится им, что в поле стонет
Безголосая метель.

Школьный дом одноэтажный
Улыбается окном.
Грач по нивам бродит важно,
Словно сельский агроном.

Гусь степенный в луже моет
Свой гусиный красный нос... —
Всё мое и всё родное,
Чем я жил и где я рос.

1924

7. «ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА»

(Деревенская быль)

У нас в районе и сейчас
Живет и будет жить вовеки
Простой, бесхитростный рассказ
О справедливом человеке.

Его припомнит вам любой,
Расскажет тихими словами,
И Ленин — близкий и родной —
Как будто сядет рядом с вами.

1

В тот боевой и славный год,
За тыщи долгих лет впервые,
И власть, и землю брал народ,
И счастье в руки трудовые.

А здесь, в глухом селе Ключи,
Лишь с кривдой были мы знакомы,
А здесь творили богачи
Свои особые законы.

У них во всем — своя рука,
Они везде найдут основу.
И сельсовет у мужика
Забрал последнюю корову.

Остался двор совсем пустой, —
Один петух стоит на страже...
Хозяин ходит сам не свой, —
Куда пойдешь, кому расскажешь?

Его и слушать не хотят:
Мол, хватит нам с тобой возиться...
Да тут в село один солдат
Пришел с передовых позиций.

— Я, — говорит он, — научу,
Где правду отыскать людскую.
Ты, — говорит он, — Ильичу
Пиши записку докладную.

Пиши подробно: так и так,
Мол, всё пошло бы в лучшем виде,
Да власть у нас забрал кулак,
И мужики — в большой обиде.

Товарищ Ленин разберет
И в долгий ящик не положит.
Горой стоит он за народ
И мужику всегда поможет.

Он — человек такой души,
Какой не сыщешь в целом свете.
Ты только сядь да напиши,
А он уж знает, что ответить.

А если сам ты не горазд,
Пера не брал, быть может, в руки,

Так я тебе составлю враз,
Как полагается в науке.

Недаром я на свете жил,
Понятна мне твоя кручина...—
Солдат писал, мужик светил
Сухой березовой лучиной.

Он так и так возился с ней
И повторял всё ту же фразу:
— Ты не мельчи... Пиши крупней,
Чтоб Ленин всё увидел сразу...

2

Заглянет вечером сосед,
Поговорит про то, про это
И спросит вдруг: «Ну, как ответ?
Да и не зря ль ты ждешь ответа?

Не выйдет, видно, ничего,—
Поторопился ты некстати:
Без нас с тобою у него
Про каждый день заботы хватит...»

А богачи, срывая злость,
Заводят речь при всем народе:
— Смотри, запеть бы не пришлось,
Как солнце всходит и заходит.

Товарищ Ленин — главный вождь,
За всю державу отвечает,
А ты с коровой пристаешь,
А что корова означает?

И сердце падает опять,
Опять сомненье душу гложет:
Быть может, лучше б не писать,
Себя напрасно не тревожить?

Но на своем стоит солдат,
Не уступает, не сдается:

— Готов я биться об заклад,
Что молоко к тебе вернется!

Товарищ Ленин — он такой,
Что силы слабому прибавит,
А кто упал — своей рукой
Поднимет, на ноги поставит...

Но дни идут, проходят зря,
Летят вперед неудержимо.
Взойдет заря, зайдет заря,
А почта проезжает мимо...

8

Это явь или только во сне?
Всё село говорит об этом:
Нарочный, в ночь, на коне
Прискакал из уезда с пакетом.

Ленин прислал приказ —
Строгий, короткий, точный:
«Корову вернуть тотчас
И донести мне срочно.

Всех виноватых — под суд,
Раз не по-честному жили.
Пусть, — говорит, — понесут
Всё, что они заслужили».

Ходят весь день мужики,
Словно на праздник, по хатам,
Стали и ноги легки,
Стали и думы крылаты.

Те, что молчали весь век,
Сделались вдруг говорливы:
«Вот он, родной человек,
Вот он какой справедливый!»

4

Так говорят у нас в селе
Про Ильича, про жизнь былую...

В какой стране, на чьей земле
Вы правду сыщете такую?

1924

8. ПОДСНЕЖНИКИ

Я сегодня буду очень нежным
И, к тебе прильнувши головой,
Расскажу про синие подснежники,
Улыбающиеся на мостовой.

Мы вот жили и совсем не знали,
Что весна на поле расцвела, —
Маленькая девочка в сандалиях
Нам ее в корзинке принесла.

Ах, апрель, апрель голубоглазый —
Не дает он спать мне по ночам,
Хоть его веселые рассказы
Только отголосками звучат.

Где-то там звенят лесные чащи
И по пашне прыгают грачи.
Здесь весну большую, настоящую
Лишь пожарник видит с каланчи.

Я пойду на городскую площадь,
Где чрез камни прыгает ручей,
И скажу: «Свези меня, извозчик,
Погостить немного у грачей...»

Он в порыве гневного припадка
Пустит ругань колкую по мне
И ударит, просто для порядка,
Кнутовищем лошадь по спине.

Отойду. И стану грустным, нежным
И, к тебе прильнувши головой,
Расскажу про синие подснежники,
Что грустят на пыльной мостовой.

Апрель 1925

9. РАЗДУМЬЕ

Дом у Вани с железною крышей,
Сапоги у него под лак.
А за что же любить мне Мишу,
Если Миша простой батрак?

Знает сердце, что он хороший
И не сгубит моей красы.
Но зато у Ивана — калоши,
Но зато у Ивана — часы.

Я и Миша — хорошая пара,
Если б только земля да кров...
Но у Вани ведь два самовара,
Но у Вани ведь столько коров!

И во всем у него излишки,
Всё в избытке — куда ни взгляни.
А у Миши лишь только книжки,
Да и то без картинок они.

И приходят к нему по делу
Всё такие ж, как он, голыши,
У Ивана же — пять наделов,
А семья-то — четыре души.

Полон сад его яблонь и вишен,
Кошелек у него не пустой.
А за что же любить мне Мишу,
Если он комсомолец простой?..

Разрываются мысли на части,
Навалилось раздумье вдруг:

Ну, какое тут выбрать счастье,
Ну, какое же взять из двух?

Сердце девичье правду слышит
И цветет, словно алый мак:
Я люблю, я люблю тебя, Миша,
Я люблю ни за что тебя, так!

1925

10. ОРЕХОВЫЕ ПАЛКИ

Когда июль раскидывал навес
И золотилась рожь
От солнечной закалки,
Отец мой шел по воскресеньям в лес
И вырубал
Ореховые палки.

Он гладил их ножами по коре,
Чтоб стали ровными, как детские ручонки.
Он их сушил под солнцем на дворе,
Чтоб стали палки
Веселы и звонки.

А после к ним дубовые бичи
Привязывал ременною полоской.
И цеп готов.
Он скоро застучит
По кудрям ржи
Уверенно и хлестко.

И под крылом овинной тишины,
На старом развалившемся помосте,
Нетерпеливо ждал он у стены,
Пока снопы к нему
Приедут в гости.

Пока возьмут его две крепкие руки,
В которых много силы и смекалки...

Так каждый год
Ходили мужики

Рубить в лесу
Ореховые палки.

Но вот теперь я очень удивлен,
Как будто сын родителей нездешних:
Я был в лесу,
И мне со всех сторон
Спокойно кланялся
Нетронутый орешник.

Он позабыл набеги топоров,
Его лишь ветры теплые качали.
И в полусумраке овинов и дворов
Цепы заброшенные
Замолчали.

Ужели голод в этой стороне?
И сердце дрогнуло
И вдаль рванулось пылко...
. . . .
За речкой
На общественном гумне
Отчетливо стучала
Молотилка.

1925

11. «БОЛЬШАЯ ДЕРЕВНЯ»

«Москва — большая деревня»
(Старинная крестьянская присказка)

...И всё слышней и всё напевней
Шумит полей родных простор.
Слывет Москва «большой деревней»
По деревням и до сих пор.

В Москве звенят такие ж песни,
Такие песни, как у нас;
В селе Оселье и на Пресне
Цветет один и тот же сказ.

Он, словно солнце над равниной.
Бросает в мир снопы лучей,
И сплелся в нем огонь рябины
С огнем московских кумачей.

Москва пробила все пороги,
И по зеленому руслу
Ее широкие дороги
От стен Кремля текут к селу.

И оттого-то всё напевней
Шумит полей родных простор,
Что в каждой маленькой деревне
Теперь московский кругозор.

Москва в столетьях не завянет
И не поникнет головой,
Но каждая деревня станет
Цветущей маленькой Москвой.

1925

12. ХУТОРА

Проплывали дни и вечера
Без больших забот и без тревоги.
И стояло сорок три двора
По обеим сторонам дороги.

Жили вместе. Было всё с руки.
Только вдруг — скандал из-за покоса.
И тогда решили мужики
Каждый двор поставить на колеса.

Был поселок — сорок три двора,
А теперь — такая перемена! —
На полях застыли хутора,
Как стога несвезенного сена.

Кто куда — рассыпались они
В полевом мужицком океане.
Редкие неясные огни
В одиночку светятся в тумане.

Здесь и плачь и радуйся один,
Что ни делай — сам себе вояка...
Здесь у каждого земли свой клин
И своя сердитая собака.

«Дескать, нас не беспокой, не тронь, —
Нам плевать на суету мирскую...»
Отчего ж вечерняя гармонь
О широкой улице тоскует?

Отчего ж, когда падет роса
И закат раскинется над лугом,
Звонко молодые голоса
Созывают в тишине друг друга?

И спешат из темного угла,
Из глухой и одинокой хаты,
В те места, где улица была,
Где поселок высился когда-то.

И я знаю, что придет пора,
И ее я праздником отмечу:
Снимутся с причалов хутора
И друг другу полетят навстречу.

1925

13

«Я целый год живу в такой глуши,
Где даже песни бойкой не услышишь.
Болото. Лес. Речные камыши
Да серые соломенные крыши.

Порой медведь, как закадычный друг,
Придет, в калитку постучит от скуки.
У нас считали самодельный плуг
Последним достижением науки.

А то недавно бились об заклад:
Как домовой — в рубашке или голый?
Но ничего. Три месяца назад
Мы создали ячейку комсомола.

В ячейке десять молодых ребят
Работают и учатся бессменно.
Теперь бюро ребята теребят
Насчет динамо, трактора, антенны.

У них большая дума об одном:
Освободиться из медвежьей шкуры.
В четверг сюда приехал агроном,
Читал доклад про новые культуры.

Но сразу всех не убедишь никак, —
Легко ль сквозь лес прокладывать дорогу?
Вот если б ты, окончивши рабфак,
Приехала весною на подмогу!

Согласна ль ты? Немедленно пиши.
Я буду ждать вестей твоих упрямо».

Болото. Лес. Речные камыши.
Деревня. Трактор. Радио. Динамо.

1925

14. ВДОЛЬ ДЕРЕВНИ

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода, —
Мы такого не видали никогда;

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне,

Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого — звезда под потолком.

Небо льется, ветер бьется всё больней,
А в деревне — частоколы из огней,

А в деревне и веселье и краса,
И завидуют деревне небеса.

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода, —
Мы такого не видали никогда.

1925

15. РАДИОМОСТ

Каждый день суров и осторожен,
Словно нищий у чужих ворот...
Был наш край от мира отгорожен
Сумрачным безмолвием болот.

Эта глушь с тоскою неразлучна:
Ветер спал на старом ветряке,
Падал дождь, и было очень скучно,
И дремали мысли в тупике.

Но взметнулись, вспыхнули зарницы, —
Чрез болота, пашни и кусты
К деревням и селам из столицы
Протянулись радиомосты.

И в углу прокуренном Нардома,
Сбросив груз соломенной тоски,
Вечером доклад из Совнаркома
Слушали, столпившись, мужики.

Грудь полна восторженного гула,
Но кругом — такая тишина,
Будто всех внезапно захлестнула
Голубая радиоволна.

А когда невидимые скрипки
Зазвенели струнами вдали,
Теплые широкие улыбки
На корявых лицах зацвели.

Этот день никто не позабудет,
Этот день деревню поднял ввысь.
И впервые неохотно люди
По своим избушкам разбрелись.

1925

16. У НАС В ДЕРЕВНЕ

Сентябрь окно через леса просек
И хмурым взглядом посмотрел на ниву...
У нас в деревне восемь человек
Уходит по осеннему призыву.

Их ждет шинель, казарма и ружье,
Шум городов и белые палатки;
Им сестры шьют дорожное белье,
Отцы готовят новые укладки.

По крашеным доскам ложится ровно жесть
Блестящими полосками в обтяжку.
И только мать, давая сыну есть,
Слезу роняет в глиняную чашку.

У ней о сыне дума есть одна,
Чтоб здесь он был — у своего окошка,
И всё, что начинается за полосою льна,
Ей страшноватым кажется немножко.

Ее пугают по ночам, в бреду,
Огни далеких городов и станций...
У нас в деревне в нынешнем году
Большой почет имеют новобранцы.

Им всюду лучший подают кусок,
Их не посадят на плохое место.
И каждому каемчатый платок
На память вышивает нежная невеста.

Когда же осень срежет без ножа
Лесные кудри с яркой позолотой,

Их вся деревня выйдет провожать
До дальнего крутого поворота.

И под гармонь, под мерный скрип телег
Они споют: «Прощай, родная хата...»
У нас в деревне — восемь человек,
И все они — хорошие ребята.

1925

17. МАТЕРИ

Не думай, мать, об убежавшем сыне, —
Я лучших дней у жизни не прошу.
Всегда, всегда к Октябрьской годовщине
Я благодарные стихи пишу.

Пишу про те скрипучие полати,
Где по ночам ворочалась нужда.
Пишу о том, что к нашей низкой хате
Плывут огни по медным проводам;

Пишу о том, как межи нас душили,
Как ставил голод серые кресты,
И что теперь в поля идут машины,
И что хлеба высоки и густы.

Родная мать, молящаяся небу!
Родная мать, покорная судьбе!
Скажи, не ты ль приклеивала хлебом
Портреты Ленина в своей избе?

И вечерами, примостившись к свету,
Не ты ль стыдливо просишь у снохи
Прочесть тебе ту самую газету,
В которой сын печатает стихи?

И если б старость утопить в пучине,
Ты побежала бы за мною вслед.
Вот почему к Октябрьской годовщине
Я каждый раз пишу тебе привет.

1925

18. В ДНИ БОЛЕЗНИ

Комсомольцам

Мне не встречать закатов у ручья,
Не рвать весной ромашек на поляне.
Ты пролетела, молодость моя,
Как пролетают гуси над полями.

Я в мир возил бы радость на возах,
Да вот настало время роковое —
И меркнет свет и гаснет свет в глазах,
Что так любили в мире всё живое.

И черств мой хлеб, и горек мой рассказ, —
Я болен, слаб и так немного значу...
Но всякий раз, когда встречаю вас,
Я радуюсь, я радуюсь и плачу.

Мне больно потому, что от своей судьбы
Не получил закалки я железной,
Что сил не остается для борьбы,
Что дни мои проходят бесполезно.

Недугом тяжким к месту пригвожден,
Я думаю, что всё мое пропало,
Что та земля, которой я рожден,
И без меня беднее бы не стала.

Но нет же, нет! Не рано ли, друзья,
Склоняться мне в печали неизбывной?
И легче боль и меньше скорбь моя,
Когда я слышу голос ваш призывный.

Любую ношу в силах вы снести,
Друзья мои, товарищи, соседи!
Вы наизусть запомнили пути,
Пути борьбы, ведущие к победе.

Идете вы, куда зовет вас цель,
Позабывая и покой и отдых,
И в летний зной, и в зимнюю метель
Готовые на труд и на бессмертный подвиг.

Хвала вам всем! Великая хвала!
Вы в жизнь вошли бушующим прибоем,
И всё, чего нам жизнь недодала,
Вы у нее теперь возьмете с боем.

1925

19. В НАШЕЙ ХАТЕ

За окном опять метель метет
И, видать, не скоро перестанет...
Зимний вечер. Мать холстину ткет
На старинном самодельном стане.

До полу́ночи не спит она,
А когда забудется немного, —
Перед нею вместо полотна
Белая расстелется дорога.

Та дорога от родных полей
В дальний край зовет ее куда-то,
Хорошо бы побежать по ней,
Да под старость как-то страшновато.

Жизнь прошла. Недалеко конец, —
От него — попробуй — убеги-ка!..
На скамье усевшийся отец
Для лаптей обделывает лыко.

Он то молча глянет на окно,
То вздохнет — и за работу снова, —
Будто всё уж сказано давно,
Будто больше нет уже ни слова.

Так идут, проходят вечера
В нашей старой, в нашей хате темной,
И всю ночь тропинки у двора
Заметает ветер неуемный.

1925

20. ПАМЯТИ Н.

Расскажи, далекая моя,
По какой дороге, у какого дерева
Русая головушка твоя,
Умная головушка потеряна?

Ночь росу на травы нанизала,
Сумрак плыл — застенчивый и кроткий.
В этот сумрак ты пришла с вокзала
Тихою усталою походкой.

Сколько было песен перепето!
Как смеялась старая гармошка! —
Ты сюда приехала на лето
Отдохнуть от города немножко.

А как только ласточки к отлету
Соберутся стройной вереницей,
Полетишь, помчишься на работу
В шумную далекую столицу.

Ты не шла к богатым на поклоны,
К тем, что прячут ложь за образами.
И они следили неуклонно
За твоими ясными глазами.

В праздники под липою тенистой
Потекла беседа с мужиками —
Как договорились коммунисты
На селе бороться с кулаками;

Как деревне выбиться из мрака,
Чтоб поля без хлеба не грустили, —
В светлый дом московского рабфака
Мы тебя недаром отпустили.

Молодым дыханием согрета,
Жизнь шумела радостным прибоем...
Проплывало голубое лето,
Уходило лето голубое,

Заклубились белые туманы
По ночам над скошенной травою.
И следила злоба неустанно
За твоею русой головою.

Но по-прежнему смеялись лица
На зеленом дедовском кургане.
Кто же знал, что для тебя хранится
Семь смертей в заржавленном нагане?

Кто же думал о такой разлуке,
Кто же знал, что к нам идет невзгода,
Что в кустах сжимают чьи-то руки
Мертвую прохладу самовзвода?..

Плакал лес над русой головою,
Плакал до холодного рассвета,
Прошумело лето голубое,
Отшумело голубое лето.

Затрубили ветры на просторе,
На деревьях листья пожелтели.
Ласточки, собравшись на заборе,
Без тебя, родная, улетели.

1925

21. ГДЕ ТЫ, ЛЕТО ЗНОЙНОЕ?..

Где ты, лето знойное,
Радость беспокойная,
Голова курчавая,
Рощи да сады?..
Белая метелица
За окошком стелется,
Белая метелица
Замела следы.

Были дни покосные,
Были ночи росные,
Гнулись ивы тонкие
К светлому ручью;

На лугу нескошенном,
На лугу заброшенном,
Встретила я молодость,
Молодость свою.

Встретила нежданную,
Встретила желанную
Под густою липою,
Под копной волос.
Отчего горела я,
Отчего хмелела я —
От зари малиновой
Аль от буйных рос?

Разожгла головушку,
Разбурлила кровушку,
Думы перепутала
Звездная пурга...
До сих пор всё чудится —
Сбудется, не сбудется —
Белая рубашка,
Вечер и луга.

По тропе нехоженой
Дни ушли погожие,
Облетели рощи,
Стынут зеленя.
Саночки скрипучие
Да снега сыпучие
Разлучили с милым
Девушку, меня.

Разлучили-бросили
До весны, до осени.
До весны ль, до осени ль,
Или навсегда
Закатилась, скрылася,
Скрылась, закатилася
Молодости девичьей
Первая звезда?

Ласковый да радостный,
Молодой да сладостный,

Напиши мне весточку —
Любишь или нет?..
А в ответ метелица
По дорогам стелется,
Белая метелица
Заметает след.

1925

22. У СТУДЕНЧЕСКИХ ОБЩЕЖИТИЙ

Без всяких планов и программ
Я, бывший деревенский житель,
Люблю бродить по вечерам
У закипевших общежитий.

Люблю, зайдя в густую тень,
Ловить отрывистые звуки.
Сюда из сел и деревень
Сошлись просящие науки.

Течет и льется разговор
Про урожай и про экзамен.
И снова полевой простор
Встает, встает перед глазами.

И снова хата в два окна,
И вечер тих, и запах трав густ,
И вновь в груди моей весна,
Хотя уже проходит август.

И мысли жарки, как огонь,
И пьяно сердце без похмелья.
А в общежитии — гармонь
И деревенское веселье.

За переплетом старых рам
Мелькают молодые лица...
Люблю бродить по вечерам,
Где жизнь поет и веселится.

1925

23

Не прошу иного, не гонюсь за славой, —
Хорошо с тобою под сосной кудрявой.

Хорошо смеяться солнышку навстречу,
Русую головку класть себе на плечи;

Хорошо тихонько слушать шелест лета,
Знать, что наша песня до конца не спета,

Что для нас немало будет дней веселых,
Дней неповторимых, в городах и селах.

Так зачем же гнаться за ненужной славой?
Хорошо с тобою под сосной кудрявой.

1925

24. ХОРОШО В ЗАСТЕНЧИВОЙ ПРОХЛАДЕ...

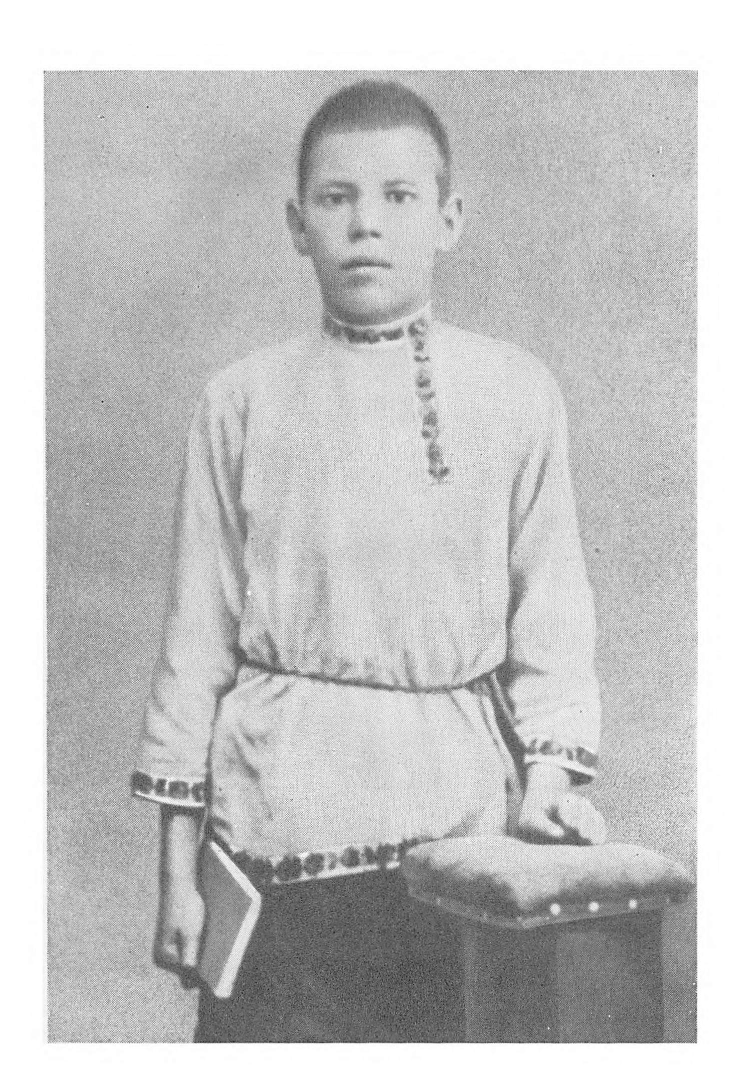
Хорошо в застенчивой прохладе
Слушать шелест дальних голосов.
Задрожали золотые пряди
В волосах притихнувших лесов.

Стали сосны сдержанней и глуше,
Всё о чем-то шепчутся во сне,
Словно чьи-то старческие души
Загрустили о былой весне.

Я стою и вслух слагаю строчки —
Как чеканит осень пятачки,
Как брусника спелая на кочке
Открывает нежные зрачки.

А вверху, над сонными лесами,
Далеко от вянущей земли,
Облака плывут под парусами,
Словно в синем море корабли.

1925

25. ПОПРОЩАТЬСЯ С ТЕПЛЫМ ЛЕТОМ...

Попрощаться с теплым летом
Выхожу я за овин.
Запылали алым цветом
Кисти спелые рябин.

Всё молчит — земля и небо,
Тишина у всех дорог.
Вкусно пахнет свежим хлебом
На току соломы стог.

Блекнут травы. Дремлют хаты.
Рощи вспыхнули вдали.
По незримому канату
Протянулись журавли.

Гаснет день. За косогором
Разливается закат.
Звонкий месяц выйдет скоро
Погулять по крышам хат.

Скоро звезды тихим светом
Упадут на дно реки.
Я прощаюсь с теплым летом
Без печали и тоски.

1925

26. В ГЛУШИ

В сентябре не скроешься от хмари
Даже днем, в двенадцатом часу.
Догорают в медленном пожаре
Клены в мокром и пустом лесу.

Лес шумит задумчиво и строго,
На веселье сделался он скуп.
Гонит ветер по глухим дорогам
Желтую осеннюю тоску.

Дождь, который никому не нужен,
Беспрерывно хлещет, как назло,
И в туманы по холодным лужам
Уплывает к вечеру село.

Утопают в океане мрака
И огни, и люди, и слова,
Разве только чья-нибудь собака
Лаем скажет, что она жива,

Да от скуки друг мой на гитаре
Пробренчит про девичью красу...
В сентябре не скроешься от хмари
Даже днем, в двенадцатом часу.

1925

27. ВЕСНА БУШЕВАЛА...

(Рабфаковское)

Весна бушевала метелью черемух.
    Сошлись мы с тобой невзначай.
В тяжелых альбомах
                искали знакомых
    И пили без сахара чай.

Читали стихи под мигающим светом,
    Какие-то споры вели...
Мы оба любили. Но только об этом
    Не смели сказать, не могли.

И мы промолчали, и мы не сказали,
    И полночь меж нами легла...
Я утром билет покупал на вокзале,
    Ты утром на лекцию шла.

С тех пор мы не видим друг друга,
                не слышим,
    По разным дорогам идем.
Ни писем друг другу с тобой мы
                не пишем,
    Ни даже открыток не шлем.

Но часто, в глуши деревенских просторов,
Лишь вспыхнет весенний ручей,
Мне хочется снова простых разговоров
У лампы в шестнадцать свечей.

1925

28. У РЯБИНЫ

Смотрит дед на дальние овины,
На лесную желтую кайму.
Скучно деду у своей рябины
Поджидать холодную зиму.

Не понять, что сделалось на свете, —
Всё взметнулось, вышло за предел:
Сын сидит за главного в Совете,
А сноха вписалась в женотдел.

Тут бы дома приложить старанье,
Чтобы шло не со двора — во двор.
А у них — доклады да собранья,
О кружкáх да школах разговор.

Видно, им своей заботы мало, —
О других задумали радеть.
А того уж и совсем не стало,
Чтоб со старым в хате посидеть...

Дед один. И взгляд у деда дымный,
Как туман на утренней заре.
Был у деда пес старорежимный,
Да подох недавно в конуре.

Дед могилку на задворках вырыл,
Схоронил питомца своего.
И теперь у деда в этом мире
Не осталось больше ничего.

Вот и холодá не за горами, —
Залезай на печку, за трубу,

Кирпичи приглаживай боками,
Молча думай про свою судьбу.

Да клубком заматывай кручину
На погибель сердцу своему...
Скучно, скучно деду у рябины
Поджидать холодную зиму.

1925

29. АПРЕЛЬ В СМОЛЕНСКЕ

Прокатилась весна тротуаром,
Расколола суровые льды.
Скоро, скоро зеленым пожаром
Запылают на солнце сады.

Всё шумнее ватага воро́нья,
Всё теплей перелив ветерка,
И в квадрате ожившего Блонья [1]
Зашумела людская река.

А вдали — за стеной крепостною,
У сверкающей солнцем стрехи,
Петухи опьянились весною,
И поют о весне петухи.

1926

30. ВСЁ ТА ЖЕ ДАЛЬ...

Всё та же даль. Всё та же синева.
Но болен я утратою вчерашней:
Я потерял крестьянские права
И на луга родные, и на пашни.

В какую бы ни постучался дверь,
В какой бы суд ни обратился с иском —

---

[1] Блонье (теперь сад им. Серафимовича) — название городского сада в Смоленске.

Везде одно: душа моя теперь
В родном селе не значится по спискам.

Мне говорил на сходке бородач:
«Тебе не быть уж больше деревенским,
Без черного труда и неудач
Ты проживешь, Васильич, и в Смоленске».

В ответ ему я тихо бросил: «Пусть!
Я знаю сам, что мне не сеять хлеба!..» —
И закачалась пред глазами грусть,
Такая грусть — широкая, как небо.

И вот теперь — иду ли я межой,
Иль слушаю в лесу зеленый шелест —
Мне всюду кажется, что я чужой,
Что будто я непрошеный пришелец.

Когда же в ночь над городом луна
Гудит широким полевым набатом,
Меня зовет родная сторона,
Опять зовет к дымящимся закатам.

И сердце жадно ловит этот зов,
И у смоленских каменных порогов
Я слышу звон косы и дальний скрип возов
По запоздалым луговым дорогам.

В лицо мне дышит свежая трава,
И теплой песнею струится голос женский...
Я потерял крестьянские права,
Но навсегда остался деревенским.

1926

31. УЖЕЛИ?

Борису Бурштыну

Ужели в сердце нету браги?
И как мне это всё понять,
Что лишь казенные бумаги
Теперь ты можешь сочинять?

Ужели ленты строк иссякли,
Иссяк порыв карандаша?
Ужели вытекла по капле
Твоя прекрасная душа?

Я знаю, что ты чутко слышишь
Весенний шорох на лугу
И что тоска четверостиший
В твоем качается мозгу.

Но отчего ж, склонившись низко
И погасив тревожный жар,
Ты продиктуешь машинистке
Всего лишь новый циркуляр?!

1926

32. О ГИБНУЩИХ ЛЕСАХ

Самовольные порубки приняли массовый характер. Часто уничтожаются целые рощи.

(Из смоленской хроники)

Словно слезы, капает смола,
Грустен шум зеленокудрой сходки:
По ночам жестокая пила
У деревьев разгрызает глотки.

Каждый раз — до утренней поры —
Стонет лес от нестерпимой муки:
Жадные шальные топоры
У берез отхватывают руки.

До утра стоит и шум и гром —
Великаны падают лесные,
Будто грозный ветер-бурелом,
Разошлась крестьянская стихия.

Был здесь лес. И больше нет его,
Только пни печальные белеют.
И никто не скажет ничего,
И никто о нем не пожалеет.

Лишь порою, в лунную метель,
Забредет нахмуренный лесничий,
Где стоит оставленная ель
И другую безответно кличет.

Бросит он неторопливый взгляд
На туман, повисший над лугами,
И бессильно побредет назад
Тихими, беззвучными шагами.

1926

83. ТЕМНОЙ НОЧЬЮ

Солнце село в тучу за оградой,
Ночь пришла — без песен и огня.
В эту ночь решили конокрады
Увести крестьянского коня.

Конь был дружный, послушно́й и пегий,
Жил на свете пятую весну.
Он шагал безропотно в телеге
И таскал и плуг, и борону.

За его надежною спиною
Дом не знал ни голода, ни слез.
И хозяин меркой расписною
Иногда давал ему овес.

На лугу, где серебрится речка,
От людского говора вдали,
На коня накинули уздечку
И в кусты зачем-то повели.

Было их, неторопливых, двое,
Не привыкших голоса ронять.
Крутит конь покорной головою
И не может ничего понять.

Он идет и думает с укором:
«Словно деготь, эта ночь темна.

Для чего же в этакую пору
Увели меня из табуна? ..»

Привязали пегого в овраге,
Где стоит корявая лоза.
В небе молния стелила флаги,
И гудела гулкая гроза.

Конь не знал, что человек лукавил,
Что в крови его горела ложь,
И послушно голову подставил
Под широкий конокрадский нож.

И не вышел больше из засады,
Не услышал шелеста полей.
Ободрали шкуру конокрады
И продали за десять рублей.

1926

34—36. *РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ*
(Наброски)

1

В ДЕРЕВНЕ СЛОБОДЕ

В ручьях и речках отгремела
Весенняя вода.
И ожидает землемера
Деревня Слобода.

Земли прибавилося много, —
Пахать бы без забот.
Но поделить никак не могут
Уже который год.

Не раз весной ее топтали
И вдоль и поперек,
Не раз размерили шестами,
Да только всё не впрок.

Не раз, не два о ней судили,
Вели горячий спор:
И по скоту ее делили,
И — поровну на двор;

По едокам, и по наделам,
И даже просто так...
Но как ни мерь и что ни делай, —
Не делится никак.

Тут и такой нашелся кто-то:
Мол, раз пришла земля,
То хорошо б на ней работать
Всем миром, не деля.

Ему ж кричат: мол, эти штуки
Известны нам давно!
Нет, лучше дай нам землю в руки, —
Надежнее оно, —

Чтобы своей, навеки данной,
Она была у нас...
Ну, вот и делят беспрестанно
Ее и посейчас.

Весною ранней выйдут в поле,
Разделят, а глядишь —
То тот, то этот недоволен, —
На всех не угодишь.

И распря новая готова, —
На сходках шум, галдеж.
И как весна наступит снова,
Так снова и дележ...

Земля! Да нету с ней порядка,
И нет, и не слыхать...
А может, правда, — в том разгадка,
Чтоб сообща пахать?

2

ПОКИНУТЫЕ НЕВЕСТЫ

В деревне землю решили делить по едокам. На каждого предполагалось по две десятины.

Почти что у каждого парня у нас —
В своей же деревне зазноба.
И каждый зазнобу уверил не раз,
Что будет ей верен до гроба.

И кажется — свадьбы совсем уж близки.
И счастье гадалка пророчит...
И вдруг объявили отцы-старики,
Что замуж не выдадут дочек:

Какая, мол, польза от вашей любви?
На землю ж — высокие цены,
И лишние две десятины земли
Дороже любви и измены...

И девушки грустно выходят на крест,
Одни вечера коротают.
И сватают парни нездешних невест,
А их навсегда покидают...

3

НА СЕЛЬСКОМ СХОДЕ

В деревне Загорье — сугубая глушь,
Ее не пробить и из пушек.
В деревне Загорье — сто семьдесят душ,
Считая детей и старушек.

Молчало Загорье — ни «против», ни «за»,
Застыло в порядках нестройных
И лишь недовольно косило глаза
На всяких людей беспокойных.

Однако ж сегодняшний день не в пример:
Сегодня приехал сюда землемер.

А раз человек заявился такой,
Тогда уж прощай тишина и покой!

И к школе Загорье спешит прямиком, —
Всех жажда одна обуяла.
И школа в Загорье набита битком,
Как раньше едва ли бывало.
И бабы, и дряхлые деды пришли,
И всем обязательно надо земли!
Шумят у окошек, галдят у дверей, —
Попробуйте всех их уймите!
Грудные и те — на руках матерей —
Кричат: мол, и нас наделите!..
Сидит землемер молчаливо в углу
Над картой земельных угодий
И видит: всё ближе подходят к столу
Две бабы — беременных вроде.

— Любезный товарищ, послушай-ка ты, —
Кричат они громко и смело,
Потом выставляют свои животы
И требуют по два надела.

И сход, удивленный, мгновенно притих,
Но кто-то заметил спокойно:
«Просили б уж сразу земли на троих,
А вдруг да народится двойня?!»

И хохот пошел от стены до стены —
Задорный, безудержный, едкий...
Но тут землемер попросил тишины
И встал не спеша с табуретки.

Он стал говорить о земле, о весне,
И люди почти не дышали.
И сделалось слышно, как мухи в окне,
В стекло ударяясь, жужжали.

1926

37—45. *МИНУВШЕЕ*

Минувшее проходит предо мною.
А. С. Пушкин

1

В НАШЕЙ МЕСТНОСТИ

В нашей местности — ни весною, ни летом —
По вечерам нигде не увидишь огней.
Люди ужинают, не зажигая света,
И ложатся, калитки закрыв поплотней.

В нашей местности — песни на зорях редки,
А гармошки и вовсе нет ни одной.
Иногда соловей, пригорюнясь на ветке,
Разговаривает вполголоса с тишиной.

Иногда перепелка загрустит одиноко
И во ржи затеряется без следа,
И где-то за лесом — далёко-далёко —
Падает чья-то неосторожная звезда.

Стоишь — ни ответа тебе, ни привета,
Только ночь надвигается — темней и темней...
В нашей местности — ни весною, ни летом —
По вечерам нигде не зажигают огней.

2

НУЖДА, НУЖДА...

Нужда, нужда нас режет без ножа
И гонит всех валандаться по свету.
Земля теперь скупа на урожай,
Да и земли-то этой самой нету.

Болота топкие пошли на нас войной,
Деревню обложили полукругом.
И стало в поле тесно с бороной,
И стало негде развернуться с плугом.

И каждый год у нас одно и то ж:
Мы нищи, как бродячие собаки.
С травой, с мякиной смешиваем рожь
Да шьем себе смерётные рубахи.[1]

Бывало, лес за всё держал ответ,
Он награждал нас щедрою рукою.
Теперь леса посведены на нет
И только пни чернеют за рекою.

Кого просить? Кого в беде винить?
За лучший день никто не даст поруки.
И некуда нам голову склонить,
И не к чему приткнуть незанятые руки.

И оттого из наших деревень,
Где нищета орудует безбожно,
Уходят все, кому уйти не лень,
Уходят все, кому уйти возможно.

И каждый раз — всё новых провожай,
Своих сынов распихивай по свету...
Земля, земля скупа на урожай,
Да и земли-то этой самой нету.

3

РАССКАЗ О СИБИРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Осенний день свернулся и погас,
Ночь подошла и стала на пороге.
Григорий вел медлительный рассказ,
Рассказ о том, что слышал он в дороге:

«В Сибири счастье многие нашли,
В Сибири — жизнь совсем иного рода:
Там не народ страдает без земли,
А там земля тоскует без народа.

---

[1] Смерётные рубахи — рубахи, приготовленные на случай смерти. Обычно они шились заранее.

Куда ни глянь, куда ни кинь рукой —
Не попадешь в чужую подворотню.
Там от одной деревни до другой,
Пожалуй, будет верст около сотни.

Мы здесь, в болоте, каторгу несем
И про удачу никогда не слышим.
А там земля — отборный чернозем,
А там хлеба — один другого выше.

Там так ведется испокон веков —
Ни в чем не знают люди недостачи.
И если есть на свете рай для мужиков,
То этот рай — в Сибири, не иначе...»

Сосредоточенно молчали мужики,
Не двигаясь, сидели на скамейке
И лишь сильней сосали мундштуки,
Окутываясь дымом самосейки.

Как будто в этом медленном дыму
Они искали мудрого ответа
И видели сквозь призрачную тьму
Сибирское желтеющее лето.

4

КРАЙ ЛЮБИМЫЙ...

Край любимый, ты совсем зачах, —
Ни огней, ни говора, ни стука.
И в твоих соломенных ночах
Шелестит лишь горькая разлука.

Вот стоят забытые дворы —
Тихие и темные, как старость.
В каждом был хозяин до поры,
А теперь и крысы не осталось.

Только старый одинокий пес,
Позабывший, как его — по кличке,
Охраняя собственный погост,
На прохожих лает по привычке.

Он всю ночь дежурит у окна,
Угодить хозяину желая...
Далека сибирская страна,
И хозяин не услышит лая.

Извела хозяина нужда,
И от доли злой и неуемной
Убежал хозяин навсегда —
Поискать удачи черноземной.

Что он встретил? Радостную ль весть?
Хорошо ль у нового порога?
Или псу, оставленному здесь,
Он теперь завидует немного?

5

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

У заколоченных халуп
Собрались изгнанные семьи,
Потом пошли, как шел Колумб,
Искать неведомые земли.

Из года в год велась война
За каждый клок земли голодной,
И вот родная сторона
Им стала мачехой безродной.

Скрипит и плачет на ходу
Обоз по выбитой дороге, —
Вся жизнь сегодня на виду,
Вся жизнь положена на дроги...

У этих сел, у этих рек
Уже нельзя найти причала,
И прожитой впустую век
Начать приходится сначала.

Куда ж бежать? — Какой вопрос! —
Они согласны хоть на полюс,
Лишь только был бы там покос,
Лишь только было б хлеба вволю.

6

НОЧЬ МОЛЧИТ...

Ночь молчит. Ни песен, ни огней.
Петухи — и те поонемели.
Словно стая белых голубей,
За окном колышутся метели.

Вот она — глухая сторона,
Вот она — забытая деревня!
Есть у нас всего одна луна,
Да и та горит не ежедневно.

Где ж за жизнь великая борьба? —
Ждали мы и не дождались нови.
Оттого-то каждая изба
Хмурит так соломенные брови.

Оттого и вечера глухи́,
И не льются бойкие припевки.
В города сбежали женихи,
И тоскуют одиноко девки.

Денег ждут суровые отцы,
Ждут подарков матери родные,
Но везут почтовые гонцы
Только письма, письма доплатные:

Дескать, сам хожу почти с сумой, —
Позабудьте про мою подмогу.
Я теперь подался бы домой,
Только нету денег на дорогу.

И коль скоро не найду работ,
То, минуя всякие вокзалы,
Мне придется двинуться в поход —
Посчитать несчитанные шпалы.

7

ОТЪЕЗД

Последнему сыну настала пора
Попробовать горькую ношу.
Понуро ждала седоков у двора
Голодная серая лошадь.

Замерзшие окна родного жилья
Глядели с тоской на дорогу.
И, став на колени, усердно семья
Молилась всевышнему богу.

Беззвучно шептала несчастная мать
Под выцветшими образами,
Что будет без сына она тосковать
И плакать большими слезами.

Она ему жизнь молодую дала,
Дала ему крепкое тело,
И больше она ничего не могла,
И большего дать не умела.

И вот он за то покидает ее
И должен, скитаясь по свету,
Разыскивать счастье и место свое,
Которых на родине нету.

Куда приведет его эта стезя,
В какие края — неизвестно...
«Прощайте, родные!
Прощайте, друзья!
Прощай, дорогая невеста!»

8

ПРОДАЖА КОРОВЫ

Голод глух, и голод слеп,
Он не верит слову.
И приходится на хлеб
Разменять корову.

Под осенним холодком,
В сумрачном рассвете,
Попрощаться с молоком
Молча вышли дети.

Вот оно сейчас уйдет, —
Надо наглядеться.
И застыло у ворот
Стриженое детство.

А хозяин, словно вор,
Пойманный в дороге,
Всё рассматривал в упор
Собственные ноги.

Мать корову обняла
С горестною речью,
И корова поняла
Горесть человечью.

Ей лишь мудрость не дана,
Чтоб ответить словом,
И ревет, ревет она
Безнадежным ревом...

На жену, на детвору
Посмотрел хозяин:
— Что стоите на ветру,
Светите глазами?!

И, прошлепав по грязи,
Сел и дернул вожжи:
— Ну-ка, Чалый, вывози!
Помоги нам, боже!

9

НА ПОГОСТЕ

Здесь, под тенью вековых берез,
Не найти веселого рассказа.
Деревенский сумрачный погост
Заселен народом до отказа.

Жизнь не всех лелеет под луной.
И, глаза накрывши полотенцем,
Каждый год — и летом и зимой —
Шли и шли сюда переселенцы.

Каждый год без зависти и зла
Отмерялись новые усадьбы,
И всегда сходилось полсела
Провожать безрадостные свадьбы.

Словно лодки по морским волнам
На какой-нибудь спокойный остров,
Гроб за гробом плыли по полям,
Приближаясь медленно к погосту.

И земля, раскрыв свои пласты,
Им приют давала благосклонно.
Свежие сосновые кресты
Поднимали руки удивленно.

По весне убогая трава
Вырастала на могилах черствых. . .
Целый век, а может быть, и два
Здесь живые хоронили мертвых.

И, отдавши долг последний свой,
На деревню молча уходили,
Ели хлеб, замешенный с травой,
Били жен да подати платили;

Звали счастье под свое окно,
Только счастье не спешило в гости.
И надежным было лишь одно —
В три аршина место на погосте.

1926—1927

46. ТАМ ЛИ, ЗДЕСЬ ЛИ. . .

. . .Там ли, здесь ли — не было житья,
Словно ты на этом свете лишний,
А теперь — особая статья,
Жизнь теперь становится затишней.

Мы не мечемся во все концы,
Как застигнутая вьюгой птица.
Все спокойны — дети и отцы, —
Есть за что руками ухватиться,

Есть земля!
И кто живет с умом.
Тот немалого добьется толку,
И тому — ни летом, ни зимой —
Не придется зубы класть на полку.

Нынче жизнь расценивает в грош
Разве только лодырь да калека.
Вон какая уродилась рожь,
Что за ней не видно человека.

А смотри — какие клевера!
Это, брат, не затхлая солома.
Знать, не зря проводят вечера
Наши мужики у агронома.

Он сказал, что мы должны дерзать,
Что идет наука на подмогу...
Хорошо бы книгу написать —
Как мужик выходит на дорогу.

Есть немало интересных тем,
И не тем, а прямо самоцветов!
Сколько б можно сочинить поэм,
Только жаль, что нет у нас поэтов.

Тянут где-то песенку одну:
Дескать, мир тебе, родная хата;
Дескать, мы у города в плену
И в поля не может быть возврата;

Дескать, жизнь — полнейший кавардак,
А душа безрадостна и мглиста...
И поэты шествуют в кабак,
Чтоб всю ночь рыдать под гармониста.

Впрочем, это не поэты — тля,
Это люди с мертвыми глазами...
Есть у нас прекрасная земля,
Остальное
вырастим мы сами!

24 апреля 1927

47. ВЕСНА

Растаял снег, луга зазеленели,
Телеги вновь грохочут по мосту,
И воробьи от солнца опьянели,
И яблони качаются в цвету.

По всем дворам — где надо и не надо —
С утра идет веселый перестук,
И на лужайке принимает стадо
Еще зимою нанятый пастух.

Весна, весна кругом живет и дышит,
Весна, весна шумит со всех сторон!..
Взлетел петух на самый гребень крыши
Да так поет, что слышит весь район.

Раскрыты окна. Веет теплый ветер,
И легкий пар клубится у реки,
И шумно солнцу радуются дети,
И думают о жизни старики.

1927

48. ВЕТЕР

Осторожно ветер
Из калитки вышел,
Постучал в окошко,
Пробежал по крыше;

Поиграл немного
Ветками черемух,
Пожурил за что-то
Воробьев знакомых

И, расправив бодро
Молодые крылья,
Полетел куда-то
Вперегонку с пылью.

1927

49. ПИСЬМО

У хаты сумрачная елка
Стоит и смотрит на зарю.
И пишет, пишет комсомолка
Письмо в райком —
Секретарю.

И льет заря огонь прощальный
Из-за реки и дальних нив. . .
«Пишу тебе
Официально
И жду
Дальнейших директив.

С работой здесь пришлось мне круто, —
Не то, что было по весне.
И я не знаю, почему-то
Тебя увидела
Во сне.

И вновь меня сомненье гложет,
Берет отчаянье и злость:
Пойми — собранье молодежи
Созвать никак не удалось.

Но не суди ты слишком строго, —
Всему виною — хутора:
Своя,
Особая дорога
Почти у каждого двора.

«Нам, говорят, не нужно басен,
Нам лозунг ваш давно знаком. . .»
К тому же, мне вопрос не ясен —
Кого считать середняком.

Какая разница и сходство —
Не понимаю, хоть заплачь.
Твое
Живое руководство
Спасло б меня от неудач.

Тебе политика знакома,
А я —
Могу ударить в грязь. . .
И вообще у нас с райкомом
Совсем слаба
Живая связь.

Вопрос большой и актуальный.
Пора бы взяться за него.
Но это всё
Официально,
И ты не думай ничего. . .

Еще одно. Мы ставим пьеску.
Приди и сделай нам доклад.
У нас теперь по перелескам
Такой хороший листопад.

Приди! Докладчик ты отличный.
А нет —
Попробую сама. . .»
Но секретарь бюрократичный
Не понял женского письма.

Он надписал на нем сердито,
И больно скрипнуло перо:
«Опять с работой волокита,
Поставить срочно на бюро!»

И в папке,
Где бумаг господство,
Где протоколы держат власть,
Слегло
Живое руководство
И умерла
Живая связь.

1927

50. Я НЕ КЛАЛА В ПЕЧКУ ДРОВ...

Я не клала в печку дров, —
Писем не жалела,
Наша прежняя любовь
Хорошо горела.

Плакал Ваня у огня,
Словно речка хлынула:
«На кого же ты меня,
На кого покинула?

Никому меня не жаль
Ни душой, ни телом...»
Вытирала я печаль
Полотенцем белым.

«Не тумань, Ванюша, глаз,
Не суши сердечка, —
Не течет назад у нас
Никакая речка.

Хорошо с тобой ходить
По деревне с песней,
Но учителя любить
Много интересней».

1927

51. ПЕСЕНКА

Губы — словно вишенка,
Вся — как цветик аленький.
Говорила: «Мишенька»,
Называла: «маленький».

По росистой роздыми
Шел к тебе дубравами.
Ночь горела звездами
И шумела травами.

У порога лунного,
На скрипучей лесенке,
Близкая и юная,
Ты мне пела песенки.

Брала в руки голову, —
Пальцы — словно таяли,
И мечты, как голуби,
Колыхались стаями. . .

Но дорожка торная
Грустью задымилася,
Но хвороба черная
Над тобой склонилася.

Бродит лихо-лишенько
По твоей завалинке.
«Ну, прощай, мой Мишенька. . .
Ну, прощай же, маленький. . .»

И под лунной заметью
Опустела лесенка,
И осталась в памяти
Только эта песенка.

1927

52. БАБЬИ РАЗГОВОРЫ

По деревне с шумным интересом
Бабы много говорят такого. . .
Будто Таню
Видели за лесом
С комсомольцем Мишей Казаковым;

Будто в полночь месяц на откосе
Растерял серебряные кольца,
И взасос
На скошенном покосе
Целовала Таня комсомольца. . .

Только где же это было видно,
Чтобы Таня уходила зá лес?

Это бабам
Попросту завидно,
Что они
Свое отцеловались;

Что теперь привязаны к ухватам,
Что мужьям достались на издевку, —
Вот они
И шляются по хатам
И порочат
Молодую девку.

Бабьи сплетни надоели Тане:
Не гуляла Таня
По покосам,
Целовалась Таня
На кургане,
Да и то
Без всякого засоса...

А еще такое вышло дело:
Слух проплыл без лодки и без весел —
Будто Таня
С горя похудела,
Будто Таню
Комсомолец бросил.

И теперь, немыми вечерами,
Их не ждет березовая заросль...
Но ведь это
Бабы понаврали,
Но ведь это
Бабам показалось.

Бабы просто видели повозку,
Остальное —
Бабам незнакомо,
А ведь он
Поехал в переброску
По решенью своего губкома.

Пред отъездом, на душистом сене,
С ним прощалась Таня до рассвета...

Обещал
Писать по воскресеньям
И жениться обещал на лето...

Только как же,
Как же это вышло? —
Бабы снова
Шепчут у колодца,
Будто Миша
Ничего не пишет
И назад к Танюше
Не вернется;

Будто Таня от любви-присухи
Позабыла девичью запевку...
Ах вы, бабы, старые квакухи,
До чего ж вы
Доведете девку?!

1927

53. ПИСЬМО ДРУГУ

Далекий друг!
Товарищ от сохи!
Ты от меня
Словесных ждешь открытий
И снова просишь
Написать стихи
По поводу
Нахлынувших событий.
На твой призыв я отвечаю:
«Нет!
Я не могу
Твоей исполнить просьбы:
Страна давно
Сказала свой ответ,
И мне его
Лишь повторить пришлось бы».
Я никогда
С уныньем не дружу;

Уверенность
В моих струится жилах.
И всё же, всё ж
Я крепче не скажу,
Чем говорил
Товарищ Ворошилов.
Я, может быть,
На многих непохож,
Что не беру
Сегодняшнюю тему. . .
Теперь в деревне
Поспевает рожь,
А я —
Пишу крестьянскую поэму.
Тебе и мне —
Нам нужен мирный день,
И дело тут
Совсем не в разговорах.
Мы знаем всё:
Для наших деревень
Враги усиленно
Готовят порох.
Но я о том
Сегодня не кричу,
Я делом встречу
В жизни перемену
И ни за что,
Конечно, не прощу
Такую наглость
Лорду Чемберлену.
В своей стране
Мы любим все Совет
И не потерпим
Никакого плена.
И если хочешь
Слышать мой ответ, —
Прочти его
В речах Наркомвоена!

1927

54. ОТВЕТ ЛОРДУ ЧЕМБЕРЛЕНУ

Дошла и к нам, до наших скромных стен,
Парламентских речей высокопарность:
У нас в деревне
Остин Чемберлен
Завоевал
Большую популярность.

У нас в деревне — вечером и днем,
На каждой сходке,
Нá поле
И в хате,
Все поголовно говорят о нем —
Об этом
Знаменитом дипломате.

Какой успех!
Какой большой успех
Судьба любимцу своему послала!
Ведь даже в Лондоне,
Наверно, не у всех
Такая
Сногсшибательная слава.

Вот он нашелся, дипломат какой,
Какую он задумал перемену!..
И мужики
Спешат наперебой
Хоть чем-нибудь
Ответить Чемберлену.

И их ответ совсем не так уж плох, —
Всё происходит
В самом лучшем виде:
Один везет
До срока сдать налог
(Чтоб не остался Чемберлен в обиде!);

Другой — отстать не хочет от людей, —
Он тоже не забыл о Чемберлене! —
Поспешно в город гонит лошадей,

Чтобы заём
Купить без промедленья.

Как видите, не так уж мы просты,
И не по дедовским живем уставам.
У нас и бабы ткут теперь холсты,
Чтоб Чемберлену
Подарить на саван!..

Так отвечают наши мужики
Сиятельному лорду джентльмену.
И даже школьники, играя в городки,
Кричат: «А ну!
Ответь-ка Чемберлену!»

А два вихрастых наших паренька,
Чтоб не забыть о лорде о почтенном,
Соседскую собаку — Колчака —
С недавних пор
Прозвали Чемберленом.

Какой успех!
Вся наша сторона
Твердит о нем налево и направо.
Ведь даже в Англии
Не всякому дана
Такая
Сногсшибательная слава.

Таких вещей еще не видел свет,
Такого света
Не было по хатам.
Нет, мы не зря
Учились десять лет
Давать ответы
Наглым дипломатам!

1927

55. ЕЛЬНЯ

1

Я ельнинский ельник
Увидел во сне
И сонную Ельню
На сонной Десне.

У каждого дома,
У каждых ворот
Стоял на часах
Девятнадцатый год.

На русских равнинах
Дымилась война,
И в едком дыму
Задыхалась страна.

И мертвые люди
Катились в овраг,
И нервно ночами
Стучал телеграф.

И в медном гуденье
Ночных проводов
Мне слышались стоны
Степных городов;

Мне слышались вопли
Расстрелянных хат
Под натиском белых
Наемных солдат.

Казалось, кричала
Тревожная медь:
«Товарищ, повсюду
Ты должен поспеть!

Ты видишь — над городом
Мертвая хмарь,
Погас на Советской
Последний фонарь.

Ты чувствуешь — город
Озлоблен и хмур.
Ты знаешь, что снова
Упал Реомюр».

2

Испуганно жмутся
Друг к другу дома.
В застывшие ставни
Стучится зима.

По улицам бродит
Полунощный мрак,
На улицах нет
Ни людей, ни собак.

И только уком
С тишиной незнаком,
Тревожно всю ночь
Заседает уком.

Суровое время —
Суровый вопрос!
На станции Ельня
Замерз паровоз;

Покрылись бока
Ледяною корой;
На станции Глинка
Замерз и второй.

И две машинистки
В четыре руки
Стучали, что нету
Ни дров, ни муки;

Что просит поддержки
Измученный фронт,
Что черною тучей
Грозит горизонт.

И тот, кто живет,
О былом не скорбя,
Отдать революции
Должен себя.

3

Морозное утро
Сказало в ответ:
«Готовы на всё,
Уклонившихся нет».

Путевка в кармане,
Наган в кобуре,
И бодрая песня —
«Навстречу заре».

Одни уходили
В туман деревень,
Где в тесных амбарах
Запрятан ячмень;

Где в жадном подполье
Зарытая рожь,
Где злобные взгляды
Похожи на нож;

Другие с пилою
Спешили в леса,
Где мерзлые ветки
Стучат в небеса.

Кипела работа,
Дымились костры.
И вот — паровозы
Разводят пары.

А третьи под ливень
Шального свинца
Бесстрашно бросали
Живые сердца

И мчались, во имя
Прекрасной поры,
Сквозь бури,
Сквозь штормы,
Сквозь тартарары.

4

Я снова, как прежде,
В уезде родном,
И прошлые годы
Мне кажутся сном.

Иная теперь
Наступила пора, —
Чумалова Глеба [1]
Я встретил вчера.

Склонившись над грудами
Планов и смет,
Просил передать он
Гладкову привет;

Просил рассказать,
Что за нынешний год
Он в Ельне построил
Отличный завод;

Что в Ельне всю ночь
От зари до зари
В высокое небо
Плывут фонари.

И мимо проносятся
Вдаль поезда.
И кажутся сном
Прожитые года.

---

[1] Глеб Чумалов — герой романа Федора Гладкова «Цемент». В образе Чумалова Гладков показал передового рабочего нашей страны, занятого восстановлением промышленности (после гражданской войны).

Но если нам скажут:
«Товарищи, в путь!
В военном барометре
Падает ртуть», —

Мы снова уверенно
Бросим в ответ:
«Готовы идти.
Уклонившихся нет».

1927

56. ШУБА

1

Пугливо на запад летят флюгера
Над крышами сумрачных зданий.
Холодные ветры сегодня с утра
Стучатся в смоленские ставни.

Застыл у пруда беспризорный амур,
Лишенный любовного пыла.
И скромно напомнил старик Реомюр
О том, что зима наступила.

И стали дороги белей молока,
И дали весь день тосковали,
Что солнце на лыжах ушло в облака
И нынче вернется едва ли...

2

Я тихо и скромно писал у окна
Несложную музыку эту.
И вдруг — на семнадцатой строчке — жена
Внесла дополненье к сюжету.

Она заявила:
«Послушай, поэт,
Мне так тяжело и обидно:

Зима наступила, а валенок нет,
И шубы — как будто не видно...»

Я понял, что некуда мне повернуть,
Что нету пути отступлений.
В барометре сердца тяжелая ртуть
Упала на тридцать делений.

Рассыпались рифмы, как спелая рожь,
На этом житейском ухабе,
И чуткая стрелка пророчила дождь
И бурю в семейном масштабе.

8

Такая погода не нравится мне,
С такою — натерпишься муки.
За шубу! За теплую шубу жене
Я поднял холодные руки.

Но теплая шуба дала мне урок,
Я с нею попал в переделку:
В Госторге — по двадцать лирических строк
Просили за каждую белку.

В глазах закачалась зеленая мгла
И дрогнули серые стены...
Скажите, товарищ, с какого числа
На лирику снижены цены?

Моих гонораров не хватит на чай,
Не только что шубу
(хотя б и в рассрочку):
В смоленской газете — изволь, получай
Пятнадцать копеек за строчку.

А много ли строчек в газету отдашь,
Прилежный из самых прилежных?
Ведь лучшие вещи возьмет в карандаш
Какой-нибудь маленький Лежнев.[1]

---

[1] А. Лежнев — один из критиков литературной группы «Перевал».

К тому же, признаться, редактор у нас —
Товарищ весьма актуальный:
Зачем, говорит, социальный заказ?
Вы дайте заказ специальный...

4

Я шел и ругался во всех падежах,
Во всех наклоненьях и числах.
И снежное облако в три этажа
Над городом грозно нависло.

Надулась от ветра моя рогоза —
Моя допотопная куртка.
И прямо за ворот мне, прямо в глаза
Валилась с небес штукатурка.

Настроился я на печальный сюжет
От горькой своей неудачи.
Но внутренний голос сказал мне:
«Поэт,
Должны мы держаться иначе!

Не мы ли столетья на новый покрой
Кроили, — скажи-ка на милость?
Не наша ли песня, не наша ли кровь
На русских равнинах дымилась?

И вместо еды золотник табаку
Не нам ли давали к обеду?
И все-таки мы не впадали в тоску,
А верили твердо в победу.

Ты видишь — над Волховом наша заря
Вплетается в медные струны.
Пред ней на колени упали не зря
Шаблонные русские луны.

Ты веришь — она загорится в веках,
Как южное солнце в июне.
И зря ты грустишь о таких пустяках,
И зря распускаешь ты нюни.

Ну что за работа — в убогой тиши
Сидеть и выкручивать пальцы?
У нас
        («над могилкою русской души» [1])
С избытком грустят перевальцы.

Тебе же иная зарядка дана,
    Товарищ мой милый, послушай...
А шуба — и в старой походит жена,
    Походит за милую душу».

5

Жена не просила меня — поскорей
    Добычу выкладывать нá кон,
Но черные скобки высоких бровей
    Легли вопросительным знаком.

Я тихо поправил очки на носу
    И голосом, чуточку едким,
Ответил, что шуба в сибирском лесу
    По кедровым прыгает веткам.

С налету ее не поймаешь за хвост,
    Тем более, лес — необъятен...
Ответ был, конечно, хотя и не прост,
    Зато чрезвычайно понятен.

1927

57. КОРИЧНЕВЫЙ ПОРТФЕЛЬ

У нее — сиреневая блузка
И в глазах — зеленоватый хмель.
У него —
Партийная нагрузка
И большой коричневый портфель.

---

[1] Из стихотворения одного из поэтов литературной группы «Перевал».

Их квартиры находились рядом.
Шли в порядке дни и вечера.
И она его просящим взглядом
Провожала часто со двора.

Но в ответ — ни отклика, ни жеста,
Он спешил, не поднимая век.
А она ведь —
Не пустое место,
Ведь она такой же человек.

Он, понятно, занят чрезвычайно,
Слишком много дел ему дано.
Но ведь можно ж иногда, случайно,
Оглянуться на ее окно. . .

От обиды сердце бьется комом,
Каждым стуком жалуясь судьбе.
Как же, как же подойти к такому?
Чем ему напомнить о себе?

У него в коричневом портфеле
Всё такие срочные дела. . .
И летели
Долгие недели,
И любовь
Без радости была.

Но ведь сердце женское упрямо
Добивается и ждет побед:
«Не хотите ли пойти на драму?
Я достала
И для вас билет. . .»

Он подумал лишь одно мгновенье
И ответил быстро, на ходу:
«Я останусь
При особом мненье
И в театр
Сегодня не пойду!»

1927

58. КОМАНДАРМ

При свете лампы, в тихий час ночной,
Я раскрываю на столе тетради,
В которых — как солдаты на параде —
Мои стихи стоят передо мной.

Я выстроил их здесь — поэзии полпред,
Когда метель в мои стучалась двери,
Когда, пройдя по зарослям артерий,
Они потребовали
выхода на свет;

Я выстроил их здесь, когда цвели сады,
Тянулись ветки к солнцу благодарно. . .
И вот смотрю на темные ряды
Тревожными глазами командарма.

Я думаю: чтоб их отправить в путь, —
Достаточно ль они
прошли свою науку?
Быть может, командир
негоден где-нибудь,
Быть может, есть работа политруку?

Сумеют ли они
в такой суровый век,
В такое трудное,
ответственное время
Пробиться в глубь больших библиотек
И покорить читательское племя?

И если—нет, тогда скорбит душа,
И всё ж мои решенья непреклонны:
Широким росчерком карандаша
Из строя вывожу я
целые колонны.

Я не щажу ни времени, ни сил,
Над ними проводя
часы свои ночные:

Я ставлю под перо,
я отправляю в тыл,
Я в батальоны отдаю штрафные.

Потом валюсь, усталый, на кровать
И засыпаю сразу, словно мертвый,
Чтоб завтра вновь и вновь формировать
Дивизий поэтических когорты.

И тем из них, что знают жизни ход,
Что бури переносят без тревоги,
Я говорю: отправиться вперед
И занимать печатные дороги!

1927

59. ДЕТСКАЯ РОМАНТИКА

На лугу, где раскинулся ясень,
Где по лужам так много воды,
Из коробок построенный «Красин» [1]
Отплывает в полярные льды.

Всё, что нужно, — припасы, пожитки —
Уложили, и — начат поход!
И корабль на коричневой нитке
Капитан за собою ведет.

Он бесстрашно обходит утесы,
Грудь подставив ветрам штормовым.
И его боевые матросы
Отправляются следом за ним.

Пусть штаны и рубашка намокли,
Но во взглядах решимость легла.
И сверкают на солнце бинокли
Из осколков цветного стекла.

Август 1928

---

[1] «Красин» — название известного советского ледокола.

60. В ПОЗАБЫТОЙ СТОРОНЕ

В позабытой стороне,
  В Заболотской волости,
Ой, понравилась ты мне
  Целиком и полностью.

Как пришло — не знаю сам —
  Это увлечение.
Мы гуляли по лесам
  Местного значения.

Глядя в сумрак голубой,
  На огни янтарные,
Говорили меж собой
  Речи популярные.

И, счастливые вполне,
  Шли тропой излюбленной;
Отдыхали на сосне,
  Самовольно срубленной.

Лес в туманы был одет
  От высокой влажности...
Вдруг пришел тебе пакет
  Чрезвычайной важности.

Я не знаю — чей приказ,
  Чья тебя рука вела,
Только ты ушла от нас
  И меня оставила.

И с тех пор в моей груди —
  Грусть и огорчение,
И не любы мне пути
  Местного значения.

Сам не ведаю, куда
  Рвутся мысли дерзкие:
Всё мне снятся поезда,
  Поезда курьерские.

1928

61. У ВАНЮШИ НЕ ПАХАНА ПАШЕНКА...

У Ванюши не пахана пашенка, —
Закружила Ванюшу Наташенька.
Что ни день — у зеленого ельника
Он встречается с дочкою мельника.
Осыпает он девушку ласками,
Ублажает красивыми сказками,
Развлекает ее разговорами
Про любовь да про разные стороны.

А в селе, у колодцев, как водится,
Где досужие кумушки сходятся,
Всё уже решено окончательно:
Дескать, парень и впрямь завлекательный,
Дескать, свадьба предвидится знатная...
А на деле — случилось обратное.

Заседанье в ячейке назначили,
Ваньке выговор примастачили,
Припаяли ему внушение,
Что вошел с кулаком в сношения,
Что в июньскую полночь синюю
Искривил комсомольскую линию.

Присмолили ему, примастачили,
В протоколах про всё обозначили:
Не ходи на чужую околицу,
Не зарись на кулацкую горницу!

1928

62. НА РЕКЕ

Перевозчик-водогрёбщик,
Парень молодой,
Перевези меня на ту сторону,
Сторону — домой.

(Из народной песни)

Сердитой махоркой да тусклым костром
Не скрасить сегодняшний отдых...
У пристани стынет усталый паром,
Качаясь на медленных водах.

Сухая трава и густые пески
Хрустят по отлогому скату.
И месяц, рискуя разбиться в куски,
На берег скользит по канату.

В старинных сказаньях и песнях воспет,
Паромщик идет
К шалашу одиноко.
Служил он парому до старости лет,
До белых волос,
До последнего срока.

Спокойные руки, испытанный глаз
Повинность несли аккуратно.
И, может быть, многие тысячи раз
Ходил он туда и обратно.

А ночью, когда над рекою туман
Клубился,
Похожий на серую вату,
Считал перевозчик и прятал в карман
Тяжелую
Медную плату.

И спал в шалаше под мерцанием звезд,
И мирно шуршала
Солома сухая. . .
Но люди решили, что надобно — мост,
Что нынче эпоха другая.

И вот расступилася вдруг тишина,
Рабочих на стройку созвали.
И встали послушно с глубокого дна
Дубовые черные сваи.

В любые разливы не дрогнут они, —
Их ставили люди на совесть. . .
Паром доживает последние дни,
К последнему рейсу готовясь.

О нем, о ненужном, забудет народ,
Забудет, и срок этот — близко.

И пó мосту месяц на берег скользнет
Без всякого страха и риска...

Достав из кармана истертый кисет,
Паромщик садится
На узкую лавку.
И горько ему, что за выслугой лет
Он вместе с паромом
Получит отставку;

Что всю свою жизнь разменял на гроши,
Что по ветру годы развеял;
Что строить умел он одни шалаши,
О большем и думать не смея.

Ни радости он не видал на веку,
Ни счастье ему не встречалось...
Эх, если бы сызнова жить старику, —
Не так бы оно получалось!

1928

63. МАСТЕРА ЗЕМЛИ

В просторы, где сочные травы росли
И рожь полновесная зрела,
Пришли мастера плодоносной земли,
Чья слава повсюду гремела.

И, словно себе не поверивши вдруг,
Что счастье им в руки далося,
Смотрели на север,
Смотрели на юг
И желтые рвали колосья.

Они проверяли победу свою
Пред жаркой порой обмолота;
Они вспоминали, как в этом краю
Седое дымилось болото.

Кривыми корнями густая лоза
Сосала соленые соки,

И резали руки и лезли в глаза
Зеленые пики осоки.

И был этот край неприветлив и глух,
Как темное логово смерти,
И тысячу лет
Суеверных старух
Пугали болотные черти.

Но люди, восставшие против чертей,
Но люди, забывшие счет на заплаты,
Поставили на ноги
Жен и детей
И дали им в руки лопаты.

И там, где не всякий решался пройти,
Где вязли по сту́пицу дроги,
Они провели подъездные пути,
Они проложили дороги.

Глухое безмолвие каждой версты
Они покорили
Трудом терпеливым.
И врезалось поле в земные пласты
Ликующим
Желтым заливом.

Пред ними легли молодые луга,
Широкие зори встречая,
И свежего сена крутые стога —
Душистей цейлонского чая.

И в праздник, когда затихает страда
И косы блестящие не́мы,
За щедрой наградой приходят сюда
Творцы и герои поэмы.

И, словно прикованы радостным сном,
В ржаном шелестящем затоне
Стоят и любуются крупным зерном,
Лежащим на жесткой ладони.

И ветер уносит обрывки речей,
И молкнут беседы простые.
И кажется так от вечерних лучей,
Что руки у них —
Золотые.

1928

64. УТРО

Проснись,
Приди
И посмотри:
    Земля наполнена весною,
    И красное число зари
    Еще горит передо мною.
    Следы босых моих подошв
    Встречает радостно природа.
    Смотри:
    Вчера был мутный дождь,
    Сегодня —
    Трезвая погода.

Поселок спит...
    Он здесь рожден,
    Чтоб сделать жизнь светлей и выше.
    И чисто вымыты дождем
    Его чешуйчатые крыши.
    Над ним, пойдя на смелый риск,
    Антенны вытянулись в нитку.

...Но вот высокий тракторист
Ладонью выдавил калитку.
    Еще сквозит ночная лень
    В его улыбке угловатой.
    Он изучает новый день,
    Облокотясь на радиатор,
    И курит медленный табак.
    Его рубашка — нараспашку;
    Чрез полчаса, заправив бак,
    Он выйдет в поле на распашку.
    Он черный выстелит настил,

Он над землей возьмет опеку,
И двадцать лошадиных сил
Покорны будут человеку.
И смело скажет человек,
Встречая сумерки косые,
Что здесь
Окончила свой век
Однолошадная Россия.

1929

65. ПОЭМА УХОДА

(Хуторская Россая)

В этой сумрачной хате
для меня ничего не осталось,
Для моей головы
эта темная хата низка...
Здесь у каждой стены
приютились нужда и усталость,
В каждой щели шуршит
тараканья тоска.

Я, наверно, уйду....
Я сегодня недаром встревожен
И тревоги своей
не могу превозмочь.
За окном — тишина.
За окном залегло бездорожье
И сплошная, закрытая наглухо ночь.

Выйдешь в поле,
а в поле — ни сукина сына, —
Хочешь пой,
хочешь вой,
хочешь бей головой ворота́! —
На двенадцать засовов
заперта хуторская Россия,
И над ней
умирает луна —
Эта
круглая сирота.

Вот он, край,
где просторному слову
появляться не велено,
Где насквозь теснота —
от земли и до звезд,
Где и земли, и воды,
и леса поразделены,
Где для общего блага
оставлен лишь только погост.

В каждой хате —
свои сновидения длинные,
И своя тишина,
и свои над рекой соловьи;
В каждом поле —
своя «пограничная линия»,
И дороги,
и тропы свои.

Это здесь
человека заедает глухая тревога
За погоду,
за хлеб,
за судьбу посевных площадей.
Летом ставится ставка
на всевышнего господа бога,
А зимою —
надежда на «добрых людей».

И когда, в недород,
все амбары подметены начисто,
К «добрым людям»
идешь ты за хлебом, скорбя.
И цепные собаки
довоенного качества
У дубовой калитки
встречают тебя.

Поклонись до земли
и проси, бесталанный, прощения
За голодное время,
за свою незадачную рожь. . .

И проходят года
за мое вам почтение,
И теряется молодость
за здорово живешь. . .

Долго был я привязан
к этому гиблому месту,
Но сегодня
моя наступила пора:
Я уйду.
Заберу я и мать и невесту,
И коня своего
уведу со двора.

Я поводья возьму
в эту правую руку, —
Так водил я когда-то
в ночное коней.
Свежий ветер по дружбе
мне на листьях сыграет разлуку,
Провожая меня
до больших росстаней.

Я возьму напоследок
краюху соленого хлеба
И уйду на село,
где живет незабвенный товарищ Петров,
Где зеленые звезды
покорно спускаются с неба,
Чтоб указывать путь
для ночных тракторов.

Я к нему подойду —
к человеку хорошей науки —
И скажу, что пришел
под его под колхозную власть.
Я вручу ему молодость,
силу и руки,
И крестьянскую участь,
и крестьянскую часть.

Он ответит мне — голосом
теплым и чистым,
Он покажет,
где силы мои приложить.
Я, наверное, стану
неплохим трактористом
И сумею
доверие заслужить.

Решено окончательно.
Мой возврат навсегда невозможен.
Я — созревшее яблоко,
отлетевшее с яблони прочь. . .
Затихающий месяц
на дальний пригорок положен,
И на музыку ветра
положена ночь.

1929

66. КОЛХОЗНИКИ

Года размерены, и наша цель верна.
Мы знаем путь великих наступлений,
И тайну полновесного зерна,
И силу минеральных удобрений.

Своей земле мы предъявили иск
За прошлую нужду и недороды.
Мы превратили в золотой прииск
Крестьянские поля и огороды.

Они встречают новую зарю,
Которую не видели ни разу.
Они живут
По нашему календарю,
Подвластные великому заказу.

Мы их заставили менять покров
И чутко слушать голос человечий.

Мы
Мудрую поэму тракторов
Перевели на сельское наречье.

1929

67. РАССКАЗ О КОЛЬЦЕВОЙ ПОЧТЕ

Дорога стала веселей:
Весна поет из всех оврагов. . .
Я заменяю на селе
Наркома почт
И телеграфов.

Моя работа высока
И тонкой требует науки:
Людская радость и тоска
Через мои проходят руки.

И в этот теплый месяц май,
Когда шумят приветно клены,
Пошлет село
В далекий край
Свои
Нижайшие поклоны.

Оно расспросит у меня —
О чем написано в газете,
Какая нынче злоба дня
И что хорошего
На свете.

Оно расскажет городам
Свои удачи и напасти. . .
В ответ —
Я письма передам
И директивы высшей власти.

Я передам
И вновь пойду
Стучаться в окна и калитки,

Читая бегло на ходу
Полей зеленые открытки.

Мне так приятно в двадцать лет
Встречать проснувшуюся озимь!
Но... ждет журналов и газет
Библиотекарша в совхозе.

И вновь горит мое лицо,
И вновь колышется рубашка,
И я
Взлетаю на крыльцо
Легко, как белая бумажка.

Я гляжу на нее
Через двери в упор,
Я снимаю пред ней
Головной убор.

Я из кожаной сумки
Письмо достаю,
Я дрожащей рукою
Письмо подаю.

И мне
За скромные труды
Такая щедрая награда! —
Она дает стакан воды
С улыбкой первого разряда.

И брызжет солнце и весна
В его сверкающие грани,
А у дверей
Стоит она —
Живой портрет
В сосновой раме.

Я побежден...
Я всё гляжу...
Присох язык, и нет вопросов...

Да,
Я теперь перехожу
В распоряженье
Наркомпроса.

Уж целый год и шесть недель
Люблю ее, не забывая.
Прости меня, Наркомпочтель,
Прости,
Дорога кольцевая!

1929

68—69. *В ЗАШТАТНОМ ГОРОДЕ*

1

В деревянном городе
    с крышами зелеными,
Где зимой и летом
    улицы глухи,
Девушки читают
    не романы — «ро́маны»
И хранят в альбомах
    нежные стихи.

Украшают волосы
    молодыми ветками
И, на восемнадцатом году,
Скромными записками,
    томными секретками
Назначают встречи
    В городском саду.

И, до слов таинственных охочие,
О кудрях мечтая золотых,
После каждой фразы
    ставят многоточия
И совсем не ставят
    запятых.

И в ответ на письма,
 на тоску сердечную
И навстречу сумеркам
 и тишине
Звякнет мандолиной
 сторона Заречная,
Затанцуют звуки
 по густой струне.

Небеса над линией —
 чистые и синие,
В озере за мельницей —
 теплая вода.
И стоят над озером,
 и бредут по линии,
Где проходят скорые
 поезда.

Поезда напомнят
 светлыми вагонами,
Яркими квадратами
 бемского стекла,
Что за километрами
 да за перегонами
Есть совсем другие
 люди и дела.

Там плывут над городом
 фонари янтарные,
И похож на музыку рассвет.
И грустят на линии
 девушки кустарные,
Девушки заштатные
 в восемнадцать лет.

1929

2

За рекой, за озером,
в переулке Водочном,
Где на окнах ставни,
где сердиты псы,
Коротали зиму
бывший околоточный,
Бывший протодьякон,
бывшие купцы.

Собирались вечером
эти люди странные,
Вспоминали
прожитые века,
Обсуждали новости
иностранные
И играли
в русского дурака.

Старый протодьякон
открывал движение,
Запускал он карты
в бесконечный рейс.
И садились люди,
и вели сражение,
Соблюдая
пиковый интерес.

И купца разделав
целиком и начисто,
Дурость возведя
на высоту,
Слободской продукции
пробовали качество,
Осушая рюмки
на лету.

Расходились в полночь...
Тишина на озере,
Тишина на улицах
и морозный хруст.

Высыпали звезды,
словно червы-козыри,
И сияет месяц,
как бубновый туз.

1929

70. ПЕСНЯ О ДИРИЖАБЛЕ

На широкие равнины,
На советские,
Прилетают цеппелины
Всё немецкие.

Опираяся на трости,
На точеные,
Из кабин выходят гости
Всё ученые.

Подают небрежно руку,
Подзадаривают.
Про германскую науку
Разговаривают.

На любой вопрос ответят
С выражением:
Полюбуйтесь-ка, мол, этим
Достижением!

Только мы во всяком деле
Виды видывали.
Мы стояли да глядели,
Да прикидывали.

По пятерке, по десятке,
Да по рублику, —
Это сколько ж даст, ребятки,
На Республику?

Соберется денег много —
Дело честное.
Нам откроется дорога
Поднебесная.

Полетим тогда и сами
Будем странствовать
Над полями, над лесами,
Над пространствами.

Будем, словно на картинке,
Поворачивать,
И дороги, и тропинки
Укорачивать.

Позаоблачным транзитом
Переправимся,
И в Германию с визитом
Мы заявимся.

Мы заявимся и скажем
С уважением:
Полюбуйтесь, мол, и нашим
Достижением!

1930

71. ПОЛИТПРОСВЕТ

Всё это было так давно,
Мои товарищи родные:
Любил я горькое вино
И пел частушки озорные.

В деревне слыл смелее всех,
Мальчишка был шальной закалки
И мог разделать под орех
Любую личность в перепалке.

И жизнь моя была полна,
Не знал я горя и заботы...
И вдруг — приехала *она*
Для просветительной работы.

И, озорство мое кляня
Словами грусти и досады,

При всем народе на меня
Бросала косвенные взгляды.

Глаза — как ночь. В глазах — ни зги.
Посмотришь в них,
И нет возврата.
До восемнадцатой тоски
В нее влюблялися ребята.

И стал мне белый свет не мил, —
Куда пойду и что отвечу?
Я как потерянный бродил —
Искал нечаянную встречу.

Меня в полях встречал рассвет,
И часто снился мне ночами
Один сплошной
Политпросвет
С такими темными очами.

Цвели сады. Росли хлеба.
По вечерам дымились реки...
И с той поры
Моя судьба
Подчинена библиотеке.

И с той поры в ее окне
Встречаю теплые закаты
И по возвышенной цене
Плачу́
За книги и плакаты.

И, прошлым дням наперекор,
Без сожаленья и без скуки
Веду культурный разговор
По разным отраслям науки.

Послушать замыслы мои
Ко мне идут мужик и баба...
Поют над речкой соловьи —
Поэты
Сельского масштаба.

1930

72. ЛЕН

Выхожу на широкий шлях
И смотрю на родную страну.
Лен созрел и стоит в полях
В натуральную величину.

Он, наверное, понял давно,
В чем нуждается наша страна:
Он отдаст ей свое волокно
И блестящие семена.

И за то, чтоб на нашем веку
Было легче и радостней жить,
Он готов на любом току
Буйну голову положить.

Всю свою яровую жизнь
Лен шумел про фабричный порог,
Чтоб оттуда полотна лились,
Словно тысячи белых дорог,

Чтобы в ближних и дальних краях
Одевались нарядно все.
Он готов и стоит на полях
В полной силе и в полной красе.

1930

73. ЗЕЛЕНЫМИ ПРОСТОРАМИ

Зелеными просторами
Легла моя страна.
На все четыре стороны
Раскинулась она.

Ее посты расставлены
В полях и в рудниках.
Страна моя прославлена
На всех материках.

Колхозы, шахты, фабрики —
Один сплошной поток...
Плывут ее кораблики
На запад и восток;

Плывут во льды полярные
В морозы, в бури, в дождь.
В стране моей ударная
Повсюду молодежь.

Ударная, упрямая, —
Не молодежь — литье.
И песня эта самая
Поется про нее.

О том, как в дни ненастные
Она молотит рожь,
О том, как в ночи ясные
Свои обозы красные
Выводит молодежь.

Уверенно стоит она
У каждого станка.
Проверена, испытана
Проворная рука.

В труде не успокоится
И выстоит в бою
За мир, который строится,
За родину свою.

1930

74. В ДОРОГЕ

День такой, что любо-дорого, —
Весь как чистое стекло...
Я со станции, со скорого,
Не спеша иду в село.

Вижу вновь свои исконные,
С детства милые края,
Снова низкими поклонами
Рожь приветствует меня.

А во ржи дорога стелется,
Только знай себе — иди.
Очень ветреная мельница
Показалась впереди.

Всё такая ж, та же самая,
Как и десять лет назад.
Здравствуй, ветреница старая!
И тебя я видеть рад;

И тебя, деревня Ключики,
И ракиты над ручьем...
Говорят со мной попутчики
О житье-бытье своем:

— Нынче ждем богатой осени, —
Будет хлеб наверняка:
Одолели, приколхозили
Злую долю бедняка...

План придумали недурственный,
Отвалили добрый пласт, —
Эта самая индустрия
Не забыла и про нас.

Вон — смотри — пошла отхватывать,
Эта — нет, не подведет... —
И с флажком на радиаторе
Трактор двинулся вперед.

Воробьи взметнулись стайкою
И рассыпались вдали.
Над широкою лужайкою
Вьются пчелы и шмели.

И, глубокие, бездонные,
Так и пышут синевой
Небеса разоблаченные
Над моею головой.

А дорога расстилается,
И шумит густая рожь,
И, куда тебе желается,
Обязательно дойдешь.

1930

75. ДОГОРАЙ, МОЯ ЛУЧИНА...

В эту ночь молодые
    отменили любовь и свидания,
Старики и старухи
    отказались от сна наотрез.
Бесконечно тянулись
    часы напряженного ожидания
Под тяжелою крышей
    холодных осенних небес.

Приглашенья на праздник
    вчера до последнего розданы,
Приготовлено всё
    от машин и до самых горячих речей...
Ты включаешь рубильник,
    осыпая колхозников звездами
В пятьдесят,
    в полтораста
    и больше свечей.

Ты своею рукой
    зажигаешь прекрасного века начало,
Здесь, у нас,
    поднимаешь ты эти сплошные огни,
Где осенняя полночь
    слишком долго и глухо молчала,
Где пешком, не спеша
    Проходили усталые дни;

Где вся жизнь отмечалась
особой суровою метой,
Где удел человека —
валяться в грязи и пыли,
Здесь родилися люди
под какой-то злосчастной планетой
И счастливой планеты
нигде отыскать не могли.

Революция нас
непреклонной борьбе научила,
По широким дорогам
вперед за собой повела.
До конца,
до предела
догорела сегодня лучина,
И тоскливая русская песня
с лучиной сгорела дотла.

Мы еще повоюем!
И, понятно, не спутаем хода, —
Нам отчетливо
ясные дали видны:
Под счастливой звездою,
пришедшей с электрозавода,
Мы с тобою
вторично на свет рождены.

Наши звезды плывут,
непогожую ночь сокрушая,
Разгоняя осеннюю черную тьму.
Наша жизнь поднялась,
словно песня большая-большая, —
Та,
которую хочется слушать
и хочется петь самому.

Октябрь 1931

76. ПЕСНЯ О КАРТОШКЕ

Что ж ты держишь руки на запоре?
Где твой заступ, где твое лукошко?
Уродилась на широком поле
Крупная ядреная картошка.

Бродит ветер по полю осенний,
Журавли разыскивают лето.
А она, оставленная всеми,
Погибает, не увидев света.

Под гармошку, по дороге торной,
Ей бы в город двинуться обозом.
А она подставила покорно
Буйную головушку морозам.

Ей бы встречу заказать на славу,
Ей бы надо — песню в хороводе,
А ее бросают на забаву
Всякой безответственной погоде.

Не держите ж руки на запоре,
Приготовьте заступ и лукошко! —
Погибает на колхозном поле
Буйная красивая картошка.

1931

77—79. *ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ*

Стихи разных лет

1

ШИРОКИ ВЕСНОЙ ЗАКАТЫ

Широки весной закаты
И легка ночная мгла.
Ночевать из душной хаты
В клеть Катюша перешла.

Хорошо сюда весною
Тихим вечером входить.

Бродит ветер за стеною —
Больше некому бродить.

Хорошо лежать в постели,
На засов закрывши клеть.
Только месяц смотрит в щели —
Больше некому смотреть.

Ни проезжих, ни прохожих
Не услышишь в тишине.
И лишь тот, кто всех дороже,
Часто грезится во сне.

Он придет к ней, он приснится
И сегодня, как вчера,
И свиданье будет длиться
Аж до самого утра.

1925

2

ЗА РЕКОЙ УГРОЮ

Из прошлого

За рекой Угрою
Давнею порою
Мать искала долю для детей родных.
Ни в лесу, ни в поле
Не нашла им доли,
А нашла кручину каждому из них.

Этому — в подпаски
Отправляться с Пасхи,
Этот со слепцами пó миру пойдет.
Старший — на поденку
В дальнюю сторонку,
А меньшой, быть может, даст господь, умрет...

Грустными глазами,
Горькими слезами
Сыновей в дорогу провожала мать:
— Ну, ступайте, дети,

Знать, на белом свете
Суждено вам в людях горе горевать...

Как зима настанет —
Мать в окошко глянет,
Глянет да прикинет, что́ приносит год:
Сухари да корки,
Лапти да опорки.
Жалобы да вздохи — вот и весь доход!..

1931

8

НА СМЕРТЬ СОСЕДА

Мы жизни твоей не могли уберечь, —
Болезни ее погасили.
Сосед мой, какую ж надгробную речь
Скажу я на свежей могиле?

Когда ты, безмолвный, лежишь на скамье
В своей обветшалой хатенке,
Какое наследство на этой земле
Твои получают потомки?

Когда над тобою закроется свет
И дикие травы
взойдут в изобильи,
Напишет ли новую песню поэт,
Чтоб люди тебя не забыли?

И если рассказы про наше житье
Начнут седовласые деды,
Засветится ль где-нибудь имя твое,
Как память хоть малой победы?

Быть может, искал ты тех самых дорог,
Где счастье ходило и наше,
И мир, где родился, где прожил свой срок,
Хоть чуточку сделал ты краше?

Быть может, земля твоя стала новей,
Колосья твои — полновесней?..

Мне больно, сосед, но из жизни твоей
Ни сказки не выйдет, ни песни.

На этих полях за сохой-бороной
Весь век проходил ты покорно,
Весь век на полоске — в сажень шириной —
Разбрасывал тощие зерна.

И хоть не жалел ты ни сил, ни труда
Для нивки своей захудалой, —
Не мог ни людей накормить никогда,
Ни сам не наелся, пожалуй.

И против виновников всех своих бед,
Что всё у народа забрали,
Ни словом, ни делом не встал ты, сосед,
И думал об этом едва ли.

Всё глубже в свой нищий крестьянский надел
Врастал ты, да так и остался.
Чего же ты ждал и чего ты хотел,
Что даже в колхоз — не собрался?

И вот результаты пути твоего,
Вот всё, что ты людям оставил:
И сам-то от жизни не взял ничего,
И ей ничего не прибавил...

1932

80. ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Ваня, Ваня! За что на меня ты в обиде?
Почему мне ни писем, ни карточки нет?
Я совсем стосковалась и в письменном виде
Посылаю тебе нерушимый привет.

Ты уехал, и мне ничего неизвестно,
Хоть и лето прошло и зима...
Впрочем, нынче я стала такою ликбезной,
Что могу написать и сама.

Ты бы мог на успехи мои подивиться, —
Я теперь — не слепая и глупая тварь:
Понимаешь, на самой последней странице
Я читаю научную книгу — букварь.

Я читаю и радуюсь каждому звуку,
И самой удивительно — как удалось,
Что такую большую, мудреную штуку
Всю как есть изучила насквозь.

Изучила и знаю... Ванюша, ты слышишь?
И такой на душе занимается свет,
Что его и в подробном письме не опишешь,
Что ему и названия нет.

Будто я хорошею от каждого слова,
Будто с места срывается сердце мое,
Будто вся моя жизнь начинается снова
И впервые, нежданно, я вижу ее.

Мне подруги давно говорят на учебе,
Что моя голова попросторнее всех...
Жалко, нет у меня ненаглядных пособий, —
Я тогда не такой показала б успех!..

Над одним лишь я голову сильно ломаю,
Лишь одна незадача позорит мне честь:
Если что напечатано — всё понимаю,
А напишут пером — не умею прочесть.

И, себя укоряя за немощность эту,
Я не знаю, где правильный выход найти:
Ваших писем не слышно, и практики нету,
И научное дело мне трудно вести.

Но хочу я, чтоб всё, как и следует, было,
И, конечно, сумею свое наверстать...
А тебя я, Ванюша, навек полюбила
И готова всю душу и сердце отдать.

И любой твоей весточке буду я рада,
Лишь бы ты не забыл меня в дальней дали...
Если карточки нет, то ее и не надо, —
Хоть письмо, хоть открытку пришли.

1932

81. ПИСЬМО В СТРАНУ СОВЕТОВ

Советский край, страна большевиков,
Страна великих дерзновенных планов!
Видна ты мне со всех материков,
Со всех земель, морей и океанов.

И где б я ни был, — ты всегда со мной:
В Шанхае, в Лондоне,
В Париже иль Варшаве,
И знаю я: ведут к тебе одной
Дороги и пути обоих полушарий.

Пусть мы границами еще разделены,
Пусть никогда друг друга не встречали,
Но у меня в глазах отражены
Все радости твои
И все твои печали.

Ты научилась в битвах побеждать,
Ты вышла к свету из подвалов темных
И хорошо умеешь понимать
Всех обездоленных и угнетенных.

И мы несем свои сердца тебе,
Чтобы горела в них неугасимо
Твоя
Суровая решительность в борьбе,
Твоя
Неиссякаемая сила.

Ты солнцем правды озаряешь нас —
Людей труда в закабаленных странах.
И миллионы рук
И миллионы глаз

По всей земле
Твою несут охрану.

И все охотники на голову твою,
Что замышляют войны и походы,
Ответят нам в решительном бою
За все свои дела,
За все твои невзгоды.

Страна Советов, родина побед!
Мы все с тобой — наперекор границам.
Ты — наша молодость,
Ты — наш рассвет,
Надежды нашей
Первая зарница.

1932

82. РАЗГОВОР С ЛОШАДЬЮ

Сколько лет мы не знали иного разбега,
Сколько раз через эти поля и леса
По ухабам твоя громыхала телега —
Все четыре ее колеса!

Сколько лет мы тащили свой воз неуклюжий
В стороне от прямого пути!
И всегда, понимаешь,
возвращались к тому же,
От чего собирались уйти.

Мы не смели поднять нашу голову выше, —
Только лапти плели да платили оброк,
И не видели мира
из-за собственной крыши,
И не знали его необъятных дорог.

Трудно было забыть свой соломенный остров,
Трудно было с мужицкою спорить судьбой,
Если, кроме церквей, кабаков и погостов,
Ничего мы не знали с тобой.

Так и шли мы, таща за спиною потемки,
Так и знали, что радость — не нам по плечу...
Стоп, машина! —
По этой хваленой путевке
Путешествовать я не хочу.

Не за то мы сражались, ходили в походы,
Не такой собрались огород городить,
Чтобы спину сгибать богатеям в угоду,
Нищету на земле разводить;

Чтоб и богу и черту сдаваться на милость,
Лишь бы голод в окно не стучался зимой...
Нет! Отныне такая дорога открылась,
Что указана правдой самой.

Здесь с тобою мне стало и тесно и душно,
Здесь кончается чахлое наше житье, —
Начинается *жизнь*,
И в колхозной конюшне
Приготовлено место твое.

Ты еще молода и работаешь честно,
И, быть может, тебя отдавать не легко.
Но одно мне теперь досконально известно —
Не уедешь с тобой далеко.

Не уедешь...
Всё будет и ясно и просто:
Я свой век проживу — и раздет и разут, —
А затем довезешь ты меня до погоста,
Если раньше тебя самое не свезут.

И какой-нибудь маленький писарь в Совете
Жизнь мою подытожит одною строкой:
Дескать, пожил такой-то крестьянин на свете
И, как сказано выше,
ушел на покой.

Вот и всё, что сулит нам судьба вековая...
Только я ведь — не тот,
и другие теперь времена.

Не земелька моя, не полоска моя горевая, —
Вся земля предо мной,
вся Советская наша страна.

Всё, что было от нашего глаза веками
Отгорожено, словно Китайской стеной,
Мы берем трудовыми своими руками,
Чтоб к себе повернуть лицевой стороной;
Чтобы всё понимать — все концы и начала,
Чтобы горе людское
уже никогда не пришло,
Чтоб высокое солнце наш путь освещало,
Чтоб великое знамя к победам вело.

Вся страна поднялась.
Наши сроки настали, —
Мы вступаем в просторный прославленный век,
О котором все лучшие люди мечтали
И в котором еще не бывал человек.

Этот век на земле
мы впервые откроем,
Не жалея труда,
не страшась ни преград, ни помех.
И такое огромное счастье построим,
Что достанет, что хватит на всех.

И оно настает!
И оно уже слышно и видно
Всем народам земли,
всей семье трудовой.
И не только что жить, —
умереть не обидно
Ради цели великой такой.

1932

83. БИОГРАФИЯ КОЛХОЗНИКА

Как я жил на белом свете —
Всё записано в анкете...
Ну, а если интересно
Будет слушать вам, друзья,

То, конечно, и словесно
Кое-что добавлю я.

Звать меня Кузьма Григорьев,
А по кличке — Доброхот;
Из крестьян села Пригорья,
Год рожденья — девятьсот.
Две зимы учился в школе,
А потом пришлось прервать,
Потому — пошел я вскоре
Пропитанье добывать,
Пропитанье добывать —
В людях горе горевать.

До семнадцатого года
Жил в деревне батраком.
С восемнадцатого года
Стал считаться бедняком.
Оженился я в двадцатом
И — помог мне сельсовет —
На юру поставил хату, —
Два окошка в белый свет.

Глянешь утром — солнце всходит,
А посмотришь ночью — тьма...
Как-никак, а всё ж выходит —
Стал хозяином Кузьма.
В свой черед, своим порядком
Мне прирезали земли.
Немудрящую лошадку
Мы с хозяйкой завели.
И считали так сначала,
Что дела пошли на лад...
В двадцать пятом лошадь пала,
А посевы выбил град.
А детей уж двое было,
Да и третий — впереди.
И душа моя заныла,
Запечалилась в груди:
Жил, работал, а в итоге —
Что осталось мужику?

И пришлось мне, братцы, в ноги
Поклониться кулаку.
— Ладно, дам! — ответил Котов
На невзгоду на мою. —
Только помни — отработай,
Я ведь даром не даю...

Отрабатывал я, братцы, —
Не жалел ни рук, ни ног,
А никак — скажу вам вкратце —
Развязаться с ним не мог.
Вот уж были мне расчеты,
Вот уж чертова дыра!
Рубль, к примеру, отработал, —
Задолжал на полтора.
Полтора рубля покроешь,
Отработаешь — бери!
А выходит — той порою
Задолжаешь целых три...

Так и жил я год за годом —
Ваш знакомый Доброхот:
Ни дохода, ни прихода,
А всегда один расход.
И разутый и раздетый,
Выбивался я из сил
И однажды, как-то летом,
Я у Котова спросил:
Мол, признайся, Кот, по чести,
Что меня заездил ты.
А на ком ты будешь ездить,
Коль не станет бедноты;
Коль возьмемся мы за разум
Да и сбросим твой хомут?
Уж тогда б, наверно, разом,
Наступил тебе капут.
Уж тогда-то ты, как видно,
Не толстел бы, что бугай...
Усмехнулся он ехидно
И ответил:
— Не пугай!
Не бывать такому чуду,

Чтоб с тобой сравнялся я.
Был бы кот, а мыши будут, —
Это заповедь моя.

Часто заповеди эти
Вспоминались мне потом:
Что ж, выходит, мы на свете —
Только мыши для «котов»?
Что же, значит, мы не люди?
Нет, мой милый, не шали!
Было так, но так не будет, —
Мы — хозяева земли.
И не нам придется плохо,
А тебе на этот раз.
Не твоя теперь эпоха,
И не твой теперь указ.
И, уж как ты ни досадуй, —
Не пожнешь чужих плодов...
Порешили мы, что надо
Ликвидировать «котов».
Акт составили на сходе,
Я тот акт начальству снес.
И тогда ж, в тридцатом годе,
Записался я в колхоз...

1933—1934

84. ЮБКА

(Рассказ колхозницы Маруси, записанный почти стенографически)

Как я работала? — Ясно вполне.
Что за вопрос комсомолке?
Видите, юбка какая на мне —
Новая, прямо с иголки.

И посмотреть и потрогать рукой —
Прóчна, нарядна, красива.
Правду скажу вам, что юбки такой
Я отродясь не носила.

Вы не скажите — плету ерунду,
Хвастаюсь юбкой некстати:
Эту ведь юбку — имейте в виду —
Выдал мне сам председатель.

Вечером, помню, собрали народ, —
Полная вышла увязка.
— Ну, — говорит, — выходи-ка вперед,
Наша колхозная энтузиастка!

Жарко мне стало. Но всё ж подошла.
Остановилась напротив...
— Всегда, — говорит, — у Маруси была
Большая любезность к работе.

Она перегнала девчат и парней,
Напрасно руками не машет.
И мы, — говорит, — преклоняем пред ней
Победные головы наши.

И дать ей подарок за полный успех —
Для нас, — говорит, — не затрата.
И пусть она будет наряднее всех,
И пусть ее любят ребята!

Потом говорил о Советской стране,
О времени старом и новом.
И так выходило, что надобно мне
С ответственным выступить словом.

А что же могу я
Придумать в ответ —
Простая девчонка
Семнадцати лет?

Стою перед всеми с подарком в руках —
Как будто язык проглотила.
Не сразу нашлась. И во первых строках
Спасибо свое объявила.

Затем посмелее за дело взялась,
Сказала и верно и складно:

— Товарищи, хочет советская власть,
Чтоб все одевались нарядно.

Давайте же честно колхозы беречь,
Рабочее время не комкать... —
Не дали мне все-таки высказать речь, —
Повсюду захлопали громко.

А после веселье у нас началось:
И танцы и песни, понятно.
Фотограф снимал меня пря́мо и вкось —
И всё совершенно бесплатно.

Сказал он, что вышлет из Вязьмы портрет:
Мол, ты не напрасно старалась.
Но время проходит, а карточки нет, —
Наверно, письмо затерялось.

1934

85. ОСЕНЬ

Расправив широкие крылья,
Над желтым простором полей
Плывет в небесах эскадрилья
Спешащих на юг журавлей.

Осенний старательный ветер
Листву по дорогам разнес,
И в город вчера на рассвете
Отправлен последний обоз.

Густая зеленая озимь
Торжественно вышла на свет,
И в честь урожая в колхозе
Готовится званый обед.

Билеты колхозникам на дом
Разносит ватага детей.
Скамейки со стульями рядом
Стоят в ожиданье гостей.

Разложены ложки и вилки,
И кажется — нет им числа.
Несет председатель бутылки
Для полной нагрузки стола.

И два гармониста заране
Себе нагоняют цену́:
Один и другой на баяне
Персидскую топят княжну.

И настежь раскрыты чуланы,
В которых стоят сундуки,
И мягко шуршат сарафаны,
И жарко пылают платки.

И всюду — на улице, в хате —
На песни повышенный спрос.
И дождь, безусловно некстати,
Доводит березу до слез.

1934

86. ПИСЬМО БУДЕННОМУ

Товарищ Буденный, прости ты меня,
Коль речь моя будет нескладна...
Я слышал — ты здорово любишь коня,
И нам это очень отрадно.

Конечно, я в том не уверен вполне,
Быть может, — одна небылица,
Но мне говорили, что даже во сне
Тебе кавалерия снится.

А тут я брошюрку одну прочитал,
И в ней замечания были,
Что в нашу страну захотел генерал
Явиться на белой кобыле.

Он думает: скажем — приди и владей,
Дадим ему меду и сала...
А я подобрал подходящих людей,
Чтоб встретить того генерала.

Мы быстро и верно решили вопрос,
Наметили выход резонный:
Хороших лошадок разводит колхоз
Для конницы нашей червонной.

Не кони, а птицы. Не лошади — страсть!
Годятся в любые походы...
А пушки, и танки, и прочую снасть
Пускай уж готовят заводы.

И если в сам-деле появится враг
На нашей земле обновленной,
Мы сразу примчимся к тебе на конях
И скажем: веди нас, Буденный!

Мы скажем: веди нас, Буденный Семен,
Как раньше, под знаменем алым!
Мы скажем: в страну нашу вход запрещен,
Закрыт семафор генералам!

Товарищ Буденный, до полных побед
Мы будем всегда насторóже!
Затем посылаю горячий привет,
И наши колхозники — тоже.

1935

87. ВАНЯ ГРАЙ

Ваня Грай стоит у тына,
Из-под кепки — волоса.
У него — своя машина, —
Два блестящих колеса.

Возле сада путь проведен:
Хошь — назад, а хошь — вперед.
Отчего же он не едет,
На педали не нажмет?

Почему прирос он к месту,
Словно старый рыболов?
Может быть, свою невесту
Ждет сюда на пару слов?

Вот придет и ясным взглядом
Скажет: здравствуй, Ваня Грай...
Высоко летят над садом
Облака из края в край.

Эту ветреную стаю
Не догнать и не достать.
И, быть может, Ване Граю
Тоже хочется летать;

Прорываться сквозь туманы,
Чтоб ни разу облака
На колхозника Ивана
Не глядели свысока;

Чтоб кружиться с солнцем рядом,
Чтоб открыть на небо дверь...
А быть может, просто садом
Грай любуется теперь.

Сам он этот сад колхозный
И садил и поливал,
Сам травою медоносной
Все пригорки засевал.

Время шло дорогой длинной,
И — смотрите — там и тут
Пчелы, словно мандолины,
В белых яблонях поют.

Сколько яблок, сколько меду
Будет в нынешнем году!
Ваня Грай, быть может, сроду
Не бывал в таком саду.

Потому-то интересно
Заезжать сюда ему...
Впрочем, это неизвестно —
Как, да что, да почему.

1935

88. ЛЮБУШКА

Понапрасну травушка измята
В том саду, где зреет виноград.
Понапрасну Любушке ребята
Про любовь, про чувства говорят.

Семерых она приворожила,
А сама не знает — почему,
Семерым головушку вскружила,
А навстречу вышла одному.

То была не встреча, а прощанье
У того ль студеного ключа.
Там давала Люба обещанье,
Что любовь навеки горяча.

До рассвета Люба говорила,
Расставаясь, слезы не лила,
Ничего на память не дарила,
А лишь только сердце отдала.

Мил уехал далеко-далече,
Улетел веселый соловей.
Но, быть может, в этот самый вечер
Вспомнит он о Любушке своей.

В том краю, откуда всходят зори,
Где обманчив по ночам покой,
Он стоит с товарищем в дозоре
Над Амуром — быстрою рекой.

Он стоит и каждый кустик слышит,
Каждый камень видит впереди...
Ничего особого не пишет,
Только пишет: «Люба, подожди».

Люба ждет назначенного срока,
Выйдет в поле, песню запоет:
Скоро ль милый с Дальнего Востока
Ей обратно сердце привезет?

Всходит месяц, вечер пахнет мятой,
В черных косах не видать ни зги...
Ой, напрасно ходят к ней ребята,
Ой, напрасно топчут сапоги!

1935

89. ОЙ ВЫ, ЗОРИ ВЕШНИЕ...

Ой вы, зори вешние,
Светлые края!
Милого нездешнего
Повстречала я.

Он приехал пó морю
Из чужих земель.
«Как тебя по имени?»
Говорит: «Мишель».

Он пахал на тракторе
На полях у нас.
«Из какого края ты?»
Говорит: «Эльзас».

— «Почему ж на родине
Не хотел ты жить?»
Говорит, что не к чему
Руки приложить...

Я навстречу милому
Выйду за курган...
Ты не шей мне, матушка,
Красный сарафан, —

Старые обычаи
Нынче не под стать, —
Я хочу приданое
Не такое дать.

Своему хорошему
Руки протяну,

Дам ему в приданое
Целую страну;

Дам другую родину,
Новое житье, —
Всё, что есть под солнышком,
Всё кругом — твое!

Пусть друзьям и недругам
Пишет в свой Эльзас, —
До чего богатые
Девушки у нас!

1935

90. ПРОЩАНИЕ

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону́...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой —
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны — небольшой.

А всего сильней желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
— А еще тебя прошу я, —
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Всё равно, — сказал он тихо, —
Напиши... куда-нибудь.

1935

91. СЫНОВЬЯ

За окошком, за колодцем —
Пыль дорог и ширь полей...
Ждет старуха не дождется
На побывку сыновей.

Вот приедут, вот утешат,
Вот подкатят к воротам!..
Снова письма и депеши
Изучает по складам.

Бродят ветры-скоморохи,
Задевают провода...
Вдоль по Северной дороге
Старший водит поезда.

В поездах товары возит,
Знает всякий паровоз,
Хоть на том на паровозе
Двадцать штук одних колес!

Младший — тоже на работе,
У того — повыше пост:
Младший сын на самолете
Долетал почти до звезд.

У него — своя дорога,
Свой особенный причал.
Говорит, что видел много,
Только бога не встречал.

Оба — соколы степные,
Оба — гордость и оплот...

Старший пишет заказные,
Младший «молнии» дает.

Каждый празднует победу,
Жизнь обоим по плечу.
Старший пишет: «Жди, приеду»,
Младший пишет: «Прилечу...»

На столе стоит закуска.
Только где ж застряли вы,
Самолеты из Иркутска,
Паровозы из Москвы?

Ждет старуха не дождется
Ненаглядных сыновей.
За окошком — скрип колодца,
Воробьи и ветровей.

И глядит она печально,
В облака глядит до слез —
Как бы младшего случайно
Ветер мимо не пронес...

1935

92. ТЫ ПО СТРАНЕ ИДЕШЬ...

Ты по стране идешь. И нет такой преграды,
Чтобы тебя остановить могла.
Перед тобой смолкают водопады
И отступает ледяная мгла.

Ты по стране идешь. И по твоей поруке
Земля меняет русла древних рек,
И море к морю простирает руки,
И море с морем дружится навек.

Ты по стране идешь. И все свои дороги
Перед тобой раскрыла мать-земля,
Тебе коврами стелются под ноги
Широкие колхозные поля.

И даже там, где запах трав неведом,
Где высохли и реки и пруды,
Проходишь ты — и за тобою следом,
Шумя, встают зеленые сады.

Твои огни прекрасней звезд и радуг,
Твоя дорога к солнцу пролегла.
Ты по стране идешь. И нет такой преграды,
Чтобы тебя остановить могла.

1935

93. ОБ ОТЦЕ

(На съезде колхозников)

Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!

М. Горький

Мой отец повторял не однажды,
Вспоминая недолю свою,
Что ни сказки про нас не расскажут,
Что ни песни про нас не споют.

«Нашу силу нужда задавила,
Нашу волю стегают внахлест.
Нам одно избавленье — могила,
Нам одна благодарность — погост.

Ни удачи, ни счастья не ждите, —
Наше счастье пройдет стороной...»
Ты ошибся, любезный родитель,
Ты неправильно думал, родной.

И когда б от нужды непомерной
Ты не лег под нетесаный крест,
Я тебя притащил бы, наверно,
На победный, на радостный съезд.

Мы б с тобою наслушались вволю,
Мы б с тобой насмотрелись вдвоем.

Ты бы понял, что горькая доля
Навсегда зарастает быльем.

Ты б увидел на этой планете —
На земле, под землей, в облаках, —
Не тобой ли рожденные дети
Держат счастье людское в руках?

Не они ль — пастухи и подпаски —
Неуемною силой встают?
Не о них ли слагаются сказки?
Не о них ли на зорях поют?

И не наш ли простор нелюдимый
Зацветает великой весной?..
Ты, конечно, ошибся, родимый,
Ты неправильно думал, родной!

1935

94. «ГЕОГРАФИЯ ЖИЗНИ»

(Рассказ колхозного сторожа)

А какая же у меня география жизни?
Что я — генерал какой, что ли?!

(Из разговора)

Нам не давали крестов на войне,
Музыкой нас не встречала столица...
Что же такое рассказывать мне?
Чем перед вами хвалиться?

Делали мы небольшие дела,
Знали свою немудрýю науку,
Что от отцов к сыновьям перешла
Или от деда досталася внуку.

Солнышко летом да печка зимой,
Хлеб, да картошка, да в праздники — каша;
Из дому — в поле, с поля — домой, —
Вся география наша.

Думали — так суждено на роду,
Большего знать не могли, не умели...

Жизнь изменилась. И в прошлом году
Стал я работать в артели.

Выдался год — урожаем хорош:
Ласковый, теплый, погожий.
Ветер шумел, и высокая рожь
Кланялась в ноги прохожим.

Столько хлебов, что — одна благодать!
Осени ждать не обидно:
Глянешь направо — конца не видать,
Глянешь налево — не видно.

Я получил сапоги и ружье,
Как полагалось по плану,
Люди сказали, что счастье свое
Мне отдают под охрану.

Много я вы́ходил в поле дорог
С этим ружьем за плечами,
Глаз не щадил и не миловал ног,
Спать разучился ночами.

В бури, и в грозы, и в дождь проливной
Я не бежал хорониться под крышей...
В августе месяце, ночью, со мной
Случай особенный вышел.

Помню отлично: закончил обход,
Сел покурить на кургане.
Звезды не светят, луна не встает,
Поле в каком-то тумане.

Что-то нерадостно сделалось мне,
Словно один я остался на свете.
Только собаки в ночной тишине
Лают, как сукины дети;

Только шумит ветерок в лозняке,
Время идет — за минутой минута...
Вдруг я заметил — по правой руке
Стало светлей почему-то.

Глянул направо и — вот тебе на! —
Вижу: моя загорается хата.
А в хате — пожитки, а в хате — жена,
Девки мои и ребята.

Что же мне делать? Пуститься бегом,
Бросить, оставить охрану?..
Только какими ж глазами потом
Я на товарищей гляну?

Выйдет невесело, выйдет скандал,
Выйдет позор невозможный:
Скажут — не выдержал, скажут — сбежал,
Скажут, что я ненадежный.

Нет уж! Коль враг накликает беду —
Надо держаться по чести:
Хата пылает, а я не уйду! —
Так и остался на месте.

Стыдно мне было б ходить по земле,
Если б оставил я дело...
Скоро послышались крики в селе, —
Стало быть, помощь поспела.

Стало быть, выручат. Значит, спасут,
Значит, увижусь с детьми и женою...
Точно не знаю, в котором часу
Люди явились за мною.

Руку мою пожимают подряд,
Словно встречают впервые.
— Ты не робей, не тужи, — говорят, —
Все, — говорят, — живые.

Надо тебе, — говорят, — отдохнуть, —
Носятся, словно с героем. —
Хата сгорела. Хату забудь.
Хату, — сказали, — построим.

Пусть же душа у тебя не болит,
Старое сердце не стонет:

Сила колхоза в огне не сгорит
И на воде не потонет.

Я — не взыщите — плохой соловей,
Песенка эта, быть может, наскучила,
Но ведь история жизни моей
И начинается с этого случая.

1935

95. ВРАГ

Нет, я не позабыл, не выдумал, не спутал,
Я помню всё: лесную тишину,
Твои поля, и вросший в землю хутор,
И первую колхозную весну.

Ей гибель петь — по тропам и проселкам —
Ты посылал ночами сыновей:
Я слышал сам, как в перелесках щелкал
Стальной семизарядный соловей.

Ее встречать — с отточенным железом
Ты всей семьею вышел под навес.
И на заре коров своих порезал,
И опалил свиней, и ободрал овец.

И никакой расчет и никакая жалость
Не удержали одичалых рук.
Чтоб никому собака не досталась,
Собаку — тоже вздернули на сук.

Ты говорил, что в мир идет невзгода:
Земля не будет ничего родить,
Скоты и звери не дадут приплода,
И птицы гнезда перестанут вить;

Народ не выйдет ни пахать, ни сеять,
И зарастут поля полынью и тоской;
По всем дорогам матушка Расея
Пойдет к Москве с протянутой рукой;

Ты ожидал — погаснет пламя горнов,
Замрут машины, станут корабли,
И вся страна придет к тебе покорно
И свой поклон отвесит до земли;

Вернется вновь твоя былая слава,
И будешь ты почетом окружен,
Своим потомкам завещаешь право
Вгонять в могилу батраков и жен;

Своих друзей ты созовешь на праздник,
Своих врагов согнешь ты, как тростник...
Готовя нам египетские казни,
Ты просчитался здорово, старик!

Куда ни глянь — налево и направо —
Огни пылают, плавится руда.
Растут хлеба. Шумят густые травы,
В лугах пасутся тучные стада.

Страна тебе не повалилась в ноги,
Страна тебе
руки не подала.
Закрыты наглухо твои дороги,
И трижды прокляты твои дела!

И, празднуя великий праздник нови,
В любой деревне и в любой избе
На добром слове, на хорошем слове
Никто не хочет вспомнить о тебе.

Твой жадный век и все свои страданья
Запомним мы до гробовой доски.
И жизнь твою, как страшное преданье,
Когда-нибудь расскажут старики.

1935

96. ЦАРЬ, ПОП И МЕЛЬНИК

(Старинная народная сказка)

1

Средь полей, покрытых рожью,
Кто ни шел, ни ехал, — всяк
Видел справа церковь божью,
Слева — мельницу-ветряк.

А за ними — частый ельник
Кверху шапки поднимал...
Слева жил, конечно, мельник,
Справа — батя проживал.

Мельник ревностно и честно
Вел на мельнице дела,
Ну, а батя, как известно,
Всё звонил в колокола.

Впрочем, век свой жили оба
Дружно, мирно, не спеша —
И духовная особа,
И греховная душа.

Проводили вместе отдых
У домашнего стола,
Говорили про погоду,
Про семейные дела;

Обсуждали на беседе
И удачу и беду.
В общем, жили как соседи —
Друг у друга на виду.

2

Жарким летом, под ракитой,
Сидя с матушкой вдвоем,
Часто думал поп Никита
О житье-бытье своем:

Вот живет он, службы правит,
Славит бога столько лет,
А его — никто не славит,
А ему почета нет.

У него всего хватает,
Только это ни к чему,
Раз о том никто не знает,
Не завидует ему.

Срок придет — и смерть подкатит,
Свой над ним поставит крест...
И решил, задумал батя
Прогреметь на весь уезд.

Он кусок тесины новой
Отыскал на чердаке,
Черной краской — слово к слову —
Написал на том куске:

Говорю, мол, всем открыто,
Сам пишу своей рукой:
У меня, попа Никиты,
Нет заботы никакой.

Попросив благословенья
У небесного отца,
Пригвоздил он объявленье
У парадного крыльца:

Дескать, вот вам — посмотрите,
Если очи не слепы́!
Позавидуйте Никите
Все окрестные попы!..

С той минуты повсеместно
Зашумели про него:
Дескать, это интересно,
Это, знаете ль, того...

Кто бы ни был — пеший, конный, —
У дверей поповских — стоп!

Все читают удивленно:
— Что за новость? Что за поп?

Батя щурился лукаво,
Батя думал: «Вот так я!»
А кругом гремела слава
И неслась во все края.

8

И случилось — в эти годы,
Грохоча по всем мостам,
То ли с битвы, то ль с охоты
Ехал царь по тем местам.

Властелин всего на свете,
Чин великий всем чинам,
Он сидел в своей карете
И глядел по сторонам.

Нивы, пажити, селенья
Проплывали без конца...
Вдруг он видит объявленье
У поповского крыльца:

«Заявляю всем открыто,
Сам пишу своей рукой:
У меня, попа Никиты,
Нет заботы никакой».

Царь прочел и кличет свиту,
Подает рукою знак:
— Запишите про Никиту
Всё подробно — что и как.

Государственную книгу
Разложили писаря, —
Было выполнено мигом
Приказание царя.

Записали всё, что надо,
И — айда себе вперед...

— Будет батюшке награда, —
Говорил кругом народ.

И однажды, темной ночью,
Прискакал к попу гонец:
Дескать, царь вас видеть хочет,
Уважаемый отец!

Помолился батя богу,
Покрестился на зарю
И отправился в дорогу
К императору-царю.

4

Встретил царь попа сердито,
Взял по-царски в переплет:
— Это как же, поп Никита,
Ты не ведаешь забот?

— Государь мой, император, —
Начал батюшка в ответ, —
У кого приход богатый,
У того заботы нет.

Хлеб в амбаре, звон в кармане, —
Для чего ж душой кривить? —
Выручают прихожане,
Бога нечего гневить.

Царь отрезал:
— Брось, духовный!
Не на то ты тратишь пыл.
Из-за радости греховной
Ты о главном позабыл.

Не к лицу твои рассказы,
Ни к чему такая речь!
Ты заботиться обязан,
Чтоб огонь святой разжечь;

Чтоб раскрыть господни двери
Молодым и старикам;

Чтобы мой народ не верил
Никаким еретикам...

Оробевший поп Никита
Бормотал себе под нос:
Дескать, вера не забыта,
Дескать, милует Христос...

Царь прервал нетерпеливо,
Объявляя приговор:
— Ладно, хватит, нерадивый!
Кончим этот разговор!

Нет заботы — так получишь,
Дам тебе заботу враз!
Раскрывай пошире уши,
Царский выслушай приказ:

Сколько звезд над всей землею —
Сосчитай мне их сполна;
Доложи мне, что я сто́ю,
Какова моя цена;

И о чем я думать буду —
Докопайся, угадай...
Да смотри, не перепутай,
Всё как следует решай!

Знай, что царь не любит шуток,
Что не верит он вранью.
Три задачи — трое суток
На решение даю.

Дашь ответ — проси, что надо,
Нет — готовься прямо в гроб! .. —
«Вот так царская награда!» —
Сокрушенно думал поп.

5

Дни проходят... Всё напрасно!
Страшно срока ожидать.

Сколько звезд на небе ясном —
Разве можно сосчитать?

Миллиарды. Тучи. Бездны,
Недоступные уму.
Все подсчеты — бесполезны,
Все расчеты — ни к чему.

Дни проходят... И с тоскою
Смотрит поп на календарь...
Как ответишь — сколько сто́ит
Грозный царь, великий царь?

Разберется тут едва ли
Даже сам архиерей:
Ведь нигде ж не продавали
Императоров-царей.

Ночь последняя подходит,
Батя шепчет: «Не могу...
Как понять, какие бродят
Мысли в царственном мозгу?

Это знают лишь пророки,
Это знает только бог...»
Ночь прошла. Настали сроки.
Поп выходит на порог.

6

Мельник мельницу заводит,
Мельник выглянул в окно.
Видит: батюшка проходит —
Белый, словно полотно.

В три погибели согнулся, —
Не узнать совсем его.
Проходил — не обернулся,
Не промолвил ничего.

Где ж собака тут зарыта?
Что подумать? Как понять?

— Подожди, отец Никита! —
И пустился догонять.

Поп Никита через силу
Рассказал свою беду:
Мол, иду искать могилу,
На заклание иду.

Пролетела, мол, промчалась
Жизнь поповская моя,
Мол, со мною распрощалась,
Словно с мертвым, попадья.

Всё пропало, всё разбито!..
Позакрыты все пути...
— Знаешь что, отец Никита,
Дай-ка мне к царю пойти.

Всё исполню аккуратно,
Я со звездами знаком.
Ну, а ты ступай обратно,
Присмотри за ветряком.

Поп Никита сразу ожил:
— Воля, господи, твоя... —
Тут же, на́ поле, одёжей
Обменялися друзья.

Мельник влез в попову рясу:
— До свидания, отец!.. —
И к назначенному часу
Прибывает во дворец.

7

Царь на трон уселся плотно
С грозным скипетром в руках:
— Сколько ж, пастырь беззаботный,
Сколько звезд на небесах?

И, отбросив страх и робость,
Мельник начал:
— Счет мой прост:

Звезд на небе — тьма да пропасть,
Бездна, вир и девять звезд.

— Брешешь, пастырь! Врешь, бездельник!
Чепухи не городи!
— Что мне врать? — ответил мельник
И ладонь прижал к груди. —

Мой расчет вернее смерти —
Я не лгун и не дурак.
А не верите — проверьте,
Сосчитайте, — выйдет так.

Царь смирился, сдался мигом
И ответил тот же час:
— Я уже сверял по книгам,
Вышло столько ж, в самый раз.

Он помедлил деловито,
Глянул на пол, на сте́ну...
— А теперь, отец Никита,
Объяви мою цену!

И ответил мельник честный,
Что расценка на царей
Всем и каждому известна:
Двадцать девять целкашей.

Царь поднялся с грозным криком:
— Ты смеешься надо мной!
Как ты смеешь? Я — владыка,
Для народа — бог земной!

Я тебя с твоей расценкой
В подземелье заморю!..
— Зря вы лезете на стенку, —
Мельник вымолвил царю. —

У меня расчет в порядке,
Больше я сказать не мог:
Продан был за три десятки
Сам Христос — небесный бог.

Ну, а вы — пониже чином,
Скидка, стало быть, нужна.
А ругаться нет причины, —
Очень верная цена!

Царь смолчал. Большой и грузный,
Снова сел на царский трон.
Положение конфузно,
Но не лезть же на рожон.

И решил он: «Ладно, всё же
Уличу попа во лжи...»
— Стань-ка ближе, пастырь божий,
Чтó я думаю — скажи.

Улыбнулся тот лукаво,
Вытирая потный лоб:
— Вы ведь думаете, право,
Что стоит пред вами поп.

Головою еле-еле
Царь кивнул: понятно, мол.
— Вы ошиблись в этом деле:
Я не поп, а мукомол.

Не ходил в попах ни разу,
У меня прихода нет,
А надел я эту рясу,
Чтобы дать вам свой ответ...

8

Вот и кончено сказанье...
Впрочем, слышно было встарь,
Будто батю — в наказанье —
Мукомолом сделал царь.

А попом в селе назначил
Мукомола-мужика...
Так ли это, иль иначе —
Не проверено пока.

1935

97. ЧЕТЫРЕ ЖЕЛАНИЯ

(Песни о жизни батрака Степана Тимофеевича)

...У этого человека было четыре желания: первое — жениться на девушке Наташе, которую он очень любил; второе — купить сапоги с подковками; третье — выучиться грамоте, чтобы прочесть «справедливую книгу», и четвертое — прокатиться по железной дороге.

Ни одно из этих желаний не исполнилось.

(Из записной книжки)

ЗАПЕВ

Весной по лесам
    зашумели зеленые веники,
Густые и сочные травы
    сулили богатый покос.
Весной
    из какой-то чудесной страны
    принесли коробейники
Лиловые ленты для девичьих кос.

Весной на заре
    гармонисты играли страдание,
Сады задыхались
    от яблонь,
    черемух
    и слив.
И в теплые ночи
    нарядные девушки шли на свидание
По темным задворкам
    под лунный разлив.

Сходились, встречались с любимыми на́ поле,
Где тропы безлюдны,
    а зори весной широки.
От счастья смеялись и пели,
    от горя молчали и плакали,
И грустно на память
    дарили платки.

Потом возвращались домой
    и ложились, не требуя ужина,
Чтоб строгая мать
    за любовь не гнала со двора,
И бредили Красною горкой,
    и снова желанных и суженых
Ласкали в девических снах до утра.

ПЕСНЯ ПЕРВАЯ

Выходит Степан Тимофеевич,
    идет на широкие росстани —
Взглянуть на чужие поля
    и послушать вечерний покой.
Плывут облака над полями,
    плывут облака над погостами,
В низинах клубятся туманы,
    туманы встают над рекой.

Зеленая рожь
    наклоняется колосом к колосу,
Июньские теплые ветры
    стекают с высоких небес.
Заводит он песню,
    выводит он песню вполголоса
О том, как товары
    разложит купец.

Он кличет зазнобу,
    он кличет по имени-отчеству:
«Наталья Ивановна,
    чем я тебе не хорош?..»
Наталья не слышит.
    Ивановне, видно, не хочется
Идти на свиданье в зеленую рожь.

Какая охота заставит
    любить батрака бесталанного?
Какая неволя прикажет
    ходить по чужой борозде?

На что ей Степан,
если старая шапка Степанова
И та —
на чужом, на хозяйском гвозде?

Хоромы ему не построены,
хлеба для него не молочены,
Хмельная не сварена брага,
на свадьбу не звана родня,
Дороги к венцу поразмыты,
на речках мосты разворочены,
И лютые звери сгубили
его вороного коня.

Забудь же, Степан,
про высокие брови Наташины,
Напрасно на белом на камне
ночами один не сиди...
А ясного месяца нету,
а синие звезды погашены,
А темные тучи
стоят впереди.

ПЕСНЯ ВТОРАЯ

По праздникам ходят ребята,
гуляют счастливцы фартовые,
Поют и играют,
разряжены все как один.
Трепещут от вешнего ветра,
сияют рубашки бордовые, —
Купцу Ермолаеву плачено
по двадцать копеек аршин.

У них сапоги на подковках,
и салом, и ваксой лощенные,
У них из-под новых фуражек
свисают на лоб волоса.
В четыре витка завитые,
в четыре закрутки крученные,
В четыре плетенки плетенные,
с кистями у них пояса.

В сторонке стоял Тимофеевич,
    глядел на людей и завидовал:
По белому свету немало
    прошел он и троп и дорог,
Нарядов своими глазами
    великое множество видывал,
Да только своими руками
    потрогать ни разу не мог.

В сторонке стоял Тимофеевич,
    судьбой разобиженный начисто,
Глядел Тимофеич уныло
    на бо́сые ноги свои:
Не нужно ему, Тимофеичу,
    не нужно большого богачества,
А нужно ему, Тимофеичу,
    хотя бы одни сапоги.

Охота ему, Тимофеичу,
    хоть раз похвалиться обновкою,
Хоть раз не стоять сиротою
    у желтых хозяйских ворот;
Пойти бы ему, Тимофеичу,
    и, медной сверкая подковкою,
С ребятами, с девками вместе
    веселый водить хоровод.

Пройтись бы Степану по улице,
    уйти б луговыми дорогами,
С любовью бы встретиться радостно
    на тех на крутых берегах...
Но все батраки и батрачки
    на свет рождены босоногими,
Как видится, им не положено
    ходить по земле в сапогах.

Нарядов у доли батрацкой
    проси, да не очень запрашивай,
Довольствуйся, мальчик, работой
    да черного хлеба куском;

Опорки да лапти имеешь, —
носи, да не очень изнашивай:
Износишь, Степан Тимофеевич, —
пойдешь, золотой, босиком.

ПЕСНЯ ТРЕТЬЯ

Холодный, голодный —
я в людях зимую и лéтую,
Чужие поля убираю,
чужую скотину пасу.
А где мое счастье — не знаю,
а где моя радость — не ведаю, —
В каком они скрылись
дремучем лесу?

В какую темницу заброшены,
какими цепями привязаны?
Услышат ли голос мой громкий,
пришлют ли хорошую весть?..
Есть мудрая книга на свете,
в которой о счастье рассказано,
И, может быть, мне предназначено
ту книгу найти и прочесть.

Так дайте же, добрые люди,
так дайте же мне наставление,
Чтоб знал я — куда и какая
ведет человека тропа;
Чтоб мог я не хуже, чем писарь,
составить любое прошение,
Чтоб мог понимать по-печатному
нисколько не меньше попа!

Нашел бы я книгу старинную,
нашел бы тогда справедливую,
Над ней бы и в полночь и в зáполночь
сидел, не жалеючи глаз;
Узнал бы доподлинно-точно
про ту про дорогу счастливую,
Которую недруги злые
веками скрывают от нас.

Созвал бы друзей да приятелей,
    собрал бы я толпы несметные
Из всех деревень и селений,
    из всех обездоленных стран;
Сказал бы: «Послушайте, люди, —
    друзья вы мои безответные, —
Про что вам сегодня расскажет,
    о чем прочитает Степан.

Узнайте, за что нас не любят,
    за что нас забили, затукали,
За что посылают
    живьем на погост...»
Напрасно, Степан! —
    не угнаться тебе за науками.
Науки далёко отсюдова,
    науки — за тысячу верст.

А версты туда не измерены,
    а тропы туда не проложены...
Напрасно, Степан Тимофеевич! —
    Науки от всех батраков
Глубокой рекою отрезаны,
    высокой горой отгорожены
И заперты там
    на двенадцать замков.

ПЕСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ

За лесом за темным
    дорога проходит железная,
Над той над железной дорогой
    зеленая светит звезда.
По той по железной дороге
    быстрее, чем птица небесная, —
Степан Тимофеевич видел, —
    летят по ночам поезда.

Вагоны проносятся мимо,
    сверкая, как радость далекая,
Вагоны проносятся мимо
    и тают в тумане, как сны.

Вздыхает Степан Тимофеевич,
    тоскует душа одинокая,
Да некуда ехать Степану,
    да нет у Степана казны;

Да все батраки и батрачки
    на свет рождены пешеходами,
И целую жизнь неприкаянно —
    навстречу зиме и весне —
Идут эти люди усталые,
    бредут со своими невзгодами
По темной Российской империи,
    по грустной российской стране.

Их бóсые ноги изранены,
    их буйные головы свешены,
Одёжа покрыта заплатами,
    мешки и котомки пусты...
А ты не грусти, Тимофеевич, —
    не вечно же будем мы пешими,
Настанет пора благодатная, —
    поедешь, товарищ, и ты:

Твою домовину сосновую
    поставят в телегу скрипучую,
Быть может, какая старушка
    слезинку смахнет не спеша,
Какой-нибудь дядя степенный
    усядется молча за кучера, —
Чего же еще, Тимофеевич,
    потребовать может душа?

ПЕСНЯ ПЯТАЯ

Иди-ка, Степан Тимофеич,
    коров собирай да сосчитывай, —
Уже опускается солнце,
    пора подвигаться к жилью.
Степан Тимофеич становится
    на кочку под куст под ракитовый,
Степан вынимает из сумки
    кленовую дудку свою.

И дудка запела кленовая
    о той ли о гордой красавице,
Что молодцу сердце изранила,
    другого нашла жениха...
Крестьянским коровам, наверно,
    печальная музыка нравится,
И тихо выходят коровы
    на зов своего пастуха.

А дудка поет, разливается,
    что жизнь пролетела, промчалася,
Что все-то дороги исхожены,
    что пройдены все большаки;
А радость на тех на дорогах
    ни разу еще не встречалася,
А только на тех на дорогах
    царевы стоят кабаки...

Плывут облака белокрылые,
    уходят в просторы безвестные,
Березы качаются белые,
    закат за рекою горит.
Коровы сошлись полукругом,
    стоят и молчат, бессловесные,
А дудка всё плачет и плачет,
    и плачет, и говорит.

Она говорит-приговаривает,
    что больше и маяться нечего,
Что время настало Степану
    лежать под сосновым крестом...
И умер Степан Тимофеевич
    осенним безрадостным вечером
Под тем ли зеленым ракитовым,
    под тем ли под частым кустом.

В наследство потомкам осталась
    лишь дудка его деревянная,
Да палка еще оставалась,
    да новая пара лаптей...

Давно уж сровнялась с землею
    могила его безымянная,
Давно заросла, затерялась,
    и все позабыли о ней.

ВЕСНОЙ НА ЗАРЕ

Весной на заре
    заиграли, запели гармоники,
На все голоса разливаясь,
    на все рассыпаясь лады,
Про то, как степями широкими
    да ехали красные конники,
Про то, как Семен да Михайлович
    просил у казачки воды;

Про то, как врагу-притеснителю
    последняя служба отслужена,
Про то, как машину стальную
    привел комсомолец в село...
Ты слышишь, Степан Тимофеевич, —
    то радость твоя обнаружена,
То счастье твое долгожданное
    к тебе на могилу пришло.

Вставай же, Степан Тимофеевич!
    Разбей свою горницу тесную,
С ребятами, с девками вместе
    на пашню веди трактора.
Тебе на Ивановской фабрике
    соткали рубашку чудесную,
Тебе сапоги приготовили
    московские мастера.

Вставай же, Степан Тимофеевич!
    Заря разгорелась широкая,
Во ржи перепелки запели,
    выходит луна за рекой.
Зазноба твоя ненаглядная,
    Наташа твоя черноокая,
К тебе на свидание вышла
    и машет навстречу рукой.

Вставай же, Степан Тимофеевич!
    Дороги проведены торные,
По тем по дорогам поедешь
    В какие захочешь края.
Не серые волки лесные,
    не хищные вóроны черные,
А всюду, на всех перекрестках,
    тебя повстречают друзья.

Вставай же, Степан Тимофеевич!
    Вставайте, раздетые, бóсые,
Чьи годы погибли бесследно,
    чьи жизни погасли во мгле,
Чьи русые кудри не чесаны,
    чьи темные хаты не тесаны,
Чьи белые кости разбросаны
    по всей необъятной земле;

Чьи сохли посевы невсхожие,
    чьи стежки-дорожки заплаканы,
Над кем напевала родимая:
    «Похлебку слезой посолю»;
Кого захлестали нагайками,
    кого затравили собаками,
Кого забивали прикладами,
    кого загоняли в петлю́.

Вставайте, сермяжные пахари,
    оратаи, вечно голодные,
Взмахните широкими крыльями,
    не знавшие взлета орлы!
Весна перед вами раскрыла
    просторы свои хлебородные,
Колхозная осень богатая
    для вас накрывает столы.

Вставай же, Степан Тимофеевич!
    Минула пора беспросветная,
Сверкает высокое солнце,
    сияет во всех уголках,

И найдена книга великая,
отыскана книга заветная,
И та нерушимая книга
находится в верных руках.

В ее золотые страницы
заложены силы могучие,
И слово ее непреклонное
на свете не знает границ.
Пред ним расступаются горы,
ломаются сосны дремучие,
Пред ним короли-императоры
в смятении падают ниц.

То слово железное сказано.
И руки, над миром простертые,
Зовут угнетенных, истерзанных,
зовут обойденных судьбой.
Вставай же, Степан Тимофеевич!
Вставайте, живые и мертвые!
Идите последним походом
в последний решительный бой!

Между 1928 и 1935

98. У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

Проходит ночь. И над землей всё шире
Заря встает, светла...
Не умер он: повсюду в этом мире
Живут его дела.

И если верен ты его заветам —
Огням большой весны, —
В своей стране ты должен стать поэтом,
Творцом своей страны.

На стройке ль ты прилаживаешь камень, —
Приладь его навек,
Чтобы твоими умными руками
Гордился человек.

Растишь ли сад, где вечный голод плакал,
Идешь ли на поля, —
Работай так, чтоб от плодов и злаков
Ломилась вся земля.

Услышишь гром из вражеского стана
У наших берегов, —
Иди в поход, сражайся неустанно
И будь сильней врагов!

Какое б ты ни делал в жизни дело,
Запомни — цель одна:
Гори, дерзай, чтоб вечно молодела
Великая страна;

Чтобы, когда в холодные потемки
Уйдешь ты — слеп и глух, —
Твое бы имя понесли потомки,
Как песню, — вслух.

1935

99. ДЕТСКАЯ ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ[1]

Добрый и ласковый дедушка Ленин
Смотрит с портрета на нас:
Как мы рисуем, как мы играем,
Как хорошо нам сейчас.

Мы еще малые, мы еще слабые,
Но набираемся сил:
Дедушка Ленин о нас позаботился, —
Нас обижать запретил.

1936

[1] Написано на тему марийской народной детской песенки.

100. ПЕСНЯ О РЕВОЛЮЦИИ

На заре, на зорюшке туманной,
По скупым, неласковым полям,
Это я — оратай безымянный —
Сеял хлеб с тоскою пополам.

Это я по городам и селам
Ощупью искал твоих следов;
Звал тебя я песней невеселой,
Ждал тебя я тысячу годов.

Это я холодными ночами
Думу передумывал твою.
Это я с винтовкой за плечами
Шел сражаться за тебя в бою.

Сквозь леса, сквозь дебри вековые
Ты мою услышала тоску,
Ты одна — за тыщу лет впервые —
Руку протянула мужику.

Под его нечесаную крышу
Принесла счастливое житье.
От тебя от первой я услышал
Имя настоящее свое.

И, твоим дыханием согретый,
Лаской обласканный твоей,
Прохожу я по Стране Советов
Как хозяин суши и морей.

Я не знаю, чрез какие реки,
По каким пройду еще местам,
Только знаю, что тебя вовеки
Никому в обиду я не дам.

1936

101. КАК ВОШЛА В ПРИЕМНЫЙ ЗАЛ...

(Случай на призывном пункте)

Как вошла в приемный зал,
Развела руками:
— Что ж, военный комиссар,
Шутишь ты над нами?

Разве сын мой нехорош?
Разве сам не знаешь?
Отчего же не берешь,
В полк не зачисляешь?

Наше ль дело, наша ль стать,
Наша ли основа —
Счастья-радости лишать
Парня молодого?

Для того ль в своей стране
Рос он без заботы,
Чтобы век сидеть при мне
Со своею льготой?

Нет, товарищ комиссар,
Надо — по-иному!
Ты напрасно отказал
Моему родному.

Разве мне стерпеть легко,
Что застрял мой сокол?
Пусть он едет далеко,
Пусть летит высоко.

Пусть хранит страну свою
Он, не зная страху.
Пусть рука его в бою
Бьет врагов с размаху!

Ну, а я не пропаду,
Проживу отлично:
Сам ведь знаешь, что к труду
С малых лет привычна.

Ноги есть, и руки есть,
Водится и сила.
Окажи ж старухе честь
И обрадуй сына.

Не затем в своей стране
Рос он без заботы,
Чтобы век сидеть при мне
Со своею льготой.

Ты ему дорогу дай, —
Пусть летит далёко,
Пусть хранит советский край,
Как зеницу ока!

1936

102. В ЛЕСНОМ ПОСЕЛКЕ

(Письмо девушки)

Среди лесов, в кольце берез и елок,
На берегу безвестного ручья,
Дымит завод, раскинулся поселок, —
И здесь мой дом и родина моя.

Завяли травы. Лето миновало.
Лесные тропы осень замела...
А мы живем. А нам и горя мало.
А наша радость мимо не прошла.

Леса шумят о жизни стародавней,
Разносит ветер желтую тоску,
А мы смеемся, ходим на свиданья,
Читаем книги, слушаем Москву.

И каждый день по-своему чудесен,
И каждый вечер чем-нибудь хорош,
И нет в округе лучше наших песен,
И рук в цеху быстрее не найдешь.

Проворны мы на всякую работу,
Умеем дело делать и гулять
Бывает даже — ходим на охоту:
Пока что в зайцев учимся стрелять.

И знаю я, когда придет, непрошен,
Заклятый враг в советские края,
Нас много встанет — девушек хороших,
И, может статься, первой буду я.

Так мы живем. И угол наш не тесен,
И плечи нам не давит небосклон,
И много есть еще не спетых песен,
И много есть не названных имен.

И я хожу спокойной и веселой
И всей стране хочу послать привет.
Мне хорошо, что есть такой поселок,
Где я когда-то родилась на свет.

1936

103. ДЕВУШКА

В деревнях, за рекою Угрой,
Все ребята по ней тосковали.
Эту девушку звали Зарей,
Эту девушку Песней прозвали.

И когда она трактор вела,
Утро делалось ярче и шире, —
Говорили, что зорька взошла,
И за ней на работу спешили.

А когда она шла в хоровод,
Ей навстречу махали платками, —
Говорили, что песня идет,
И в садах соловьи замолкали.

Вот какая девушка была!

1936

104. БЕРЕЗА

Вот здесь, вдали от любопытных глаз,
Береза шелестела молодая,
Сюда весной я приходил не раз,
У той березы встречи ожидая.

И том стихов в обложке голубой
Носил с собою целые недели:
Его мы вместе начали с тобой,
Его вдвоем и дочитать хотели.

Я думал — ты придешь. Но дни за днями шли,
А ты прийти сюда не догадалась.
Теперь березы нет: срубили и сожгли.
И книжка недочитанной осталась.

1936

105. МОГИЛА ПИОНЕРА

Не шумя, не толкаясь, друг с другом не споря,
Собирались ребята на школьном дворе.
И вечерней зарею у самого синего моря
Схоронили тебя на высокой горе.

Положили тебя на горе на высокой,
Под безоблачным небом в родимом краю,
Чтобы ясное солнце бросало с востока
Первый луч на могилу твою;

Чтоб ты видел, как море сверкает, играя,
Как проходит внизу пионерский отряд...

На руках у родных и друзей умирая,
Ты об этом просил, говорят.

И ребята тебя схоронили, как надо, —
Точно выполнен был твой последний завет.
И могилу твою окружили зеленой оградой,
Посадили цветы и у входа прибили портрет.

И лежишь ты спокойно, и всё тебе слышно
и видно —
Как сады зацветают, как бьется о берег вода.
И одно лишь мне больно, одно лишь обидно, —
Что не можешь ты встать никогда.

1936

106. ПРОВОЖАНЬЕ

Дайте в руки мне гармонь —
Золотые планки!
Парень девушку домой
Провожал с гулянки.

Шли они — в руке рука —
Весело и дружно.
Только стежка коротка —
Расставаться нужно.

Хата встала впереди —
Темное окошко...
Ой ты, стежка, погоди,
Протянись немножко!

Ты потише провожай,
Парень сероглазый,
Потому что очень жаль
Расставаться сразу...

Дайте ж в руки мне гармонь,
Чтоб сыграть страданье.
Парень девушку домой
Провожал с гулянья.

Шли они — рука в руке,
Шли они до дому,
А пришли они к реке,
К берегу крутому.

Позабыл знакомый путь
Ухажер-забава:
Надо б влево повернуть, —
Повернул направо.

Льется речка в дальний край —
Погляди, послушай...
Что же, Коля, Николай,
Сделал ты с Катюшей?!

Возвращаться позже всех
Кате неприятно,
Только ноги, как на грех,
Не идут обратно.

Не хотят они домой,
Ноги молодые...
Ой, гармонь моя, гармонь —
Планки золотые!

1936

107. МАТЬ

Героическим женщинам
Испанской республики

Солнце жжет. Тиха долина.
Отгремел в долине бой...
— Где ж ты, дочка? Где ж ты, Лина?
Что случилося с тобой?

Иль твое не слышит ухо?
Иль дошла ты до беды?
Отзовись! — твоя старуха
Принесла тебе воды.

Дочь молчит, не отвечает,
Не выходит наперед,
Мать родную не встречает,
Ключевой воды не пьет.

Спит она под солнцем жгучим,
Спит она с ружьем в руке
На сыпучем, на горючем,
Окровавленном песке.

Платье девичье измято,
И растрепана коса,
И, не двигаясь, куда-то
Смотрят темные глаза.

Мать сама глаза закрыла —
Молчалива и проста;
Мать сама ее зарыла
У зеленого куста.

Положила серый камень
На могилу на ее,
Прядь волос взяла на память
И еще взяла ружье.

И по горным переходам,
Через камни и пески,
Со своим пошла народом
На фашистские полки.

За страну пошла родную,
За великие дела
И за воду ключевую,
Что не выпита была.

Сердце — в гневе, сердце — в горе,
Сердце плачет и поет:
«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед».

1936

108. ПЕСНЯ О ГЕНЕРАЛЕ ЛУКАЧЕ[1]

Склоняя свои боевые знамена,
    Испания молча скорбит:
Наш Лукач на знойной земле Арагона
    Фашистским снарядом убит.

Родился он в Венгрии солнечным летом,
    Европу в походах прошел.
В могучей и славной державе Советов
    Бессмертную правду нашел.

Ее за моря, за высокие горы
    Бесстрашно понес он вперед.
Пошел он туда, где фашистские своры
    Терзают испанский народ.

Он умер за то, чтоб земля расцветала,
    Чтоб дети спокойно росли...
До самой Валенсии гроб генерала
    Бойцы на руках пронесли.

Страна своего схоронила героя,
    Плотнее сомкнула штыки.
Лежит он, но имя его боевое
    Ведет в наступленье полки.

Лежит он, не бьется горячее сердце,
    И голос навеки погас.
Но слышат испанцы и знают венгерцы
    Его командирский приказ.

1937

---

[1] Генерал Лу́кач — венгерский писатель, коммунист Матэ Залка. Вскоре после начала фашистского мятежа в Испании он отправился туда добровольцем, чтобы сражаться в рядах республиканской армии. Он пользовался самой широкой популярностью среди бойцов и всего народа Испанской республики. За боевые заслуги испанское правительство произвело его в генералы. Погиб он от фашистского снаряда летом 1937 года на арагонском фронте.

109

Знать, напрасно это слово
Ты тогда сказала:
Обещала, что напишешь,
И... не написала.

Знать, напрасно берегу я,
Что когда-то было:
Обещала — не забуду,
А сама — забыла.

1937

110. ЗЕМЛЯ

Земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное и бессрочное пользование, то есть навечно.

(Из Конституции СССР)

Земля, земля — родная мать!
Поговори с любимым сыном...
Конца и края не видать
Твоим пригоркам и равнинам.

Твоим богатствам меры нет,
Они лежат неисчислимы...
Земля, земля! А сколько ж бед
Из-за тебя перенесли мы!

Не ты ли долгие века
Была для нас мечтой несмелой?
В потемках доля бедняка
Не про тебя ли песни пела?

Не ты ли заставляла нас
Сбывать последние гнилушки?
Не ты ли отправляла нас
В переселенческой теплушке?

Не за тебя ли каждый год
Богатым кланялись мы в ноги?

Не за тебя ли шел народ
По той Владимирской дороге?

Не ты ль весь век была в плену,
Родная мать — земля сырая?
Не за тебя ль мы всю страну
Прошли от края и до края?

Земля, земля! Горит рассвет,
И ты для нас — кругом открыта...
Земля, земля! А сколько ж бед,
А сколько ж горя пережито!

1937

111. УЕЗЖАЕТ ДЕВУШКА

Скоро на платформе
Прозвучит свисток.
Уезжает девушка
На Дальний Восток.
Девушка хорошая —
Лучше не сыскать,
Девушка любимая —
Жалко отпускать.

На веселой станции,
Солнцем залитой,
С девушкой прощается
Парень молодой,
И не знает парень,
Что ей говорить,
И не знает парень,
Что ей подарить.

Всю бы душу отдал,
Только не берет,
Ласково смеется
Да глядит вперед.
Подарил бы солнце -
Солнца не достать.

И решает парень:
«Научусь летать.

На восток дорогу
В тучах проложу,
Всё, что не досказано,
После доскажу.
Полечу, как птица,
Прямо на зарю,
Всё, что не подарено,
После подарю».

Поезд отправляется, —
Девушка, прощай!
Летчика-молодчика
Через год встречай.
На ветру колышется
Вышитый платок, —
Уезжает девушка
На Дальний Восток!

1937

112. ПОЕЗЖАЙ ЗА МОРЯ-ОКЕАНЫ...

Поезжай за моря-океаны,
Надо всею землей пролети:
Есть на свете различные страны,
Но такой, как у нас, не найти.

Глубоки наши светлые воды,
Широка и привольна земля.
И гремят, не смолкая, заводы,
И шумят, расцветая, поля.
Каждый день — как подарок нежданный,
Каждый день — и хорош и пригож...
Поезжай за моря-океаны,
Но богаче страны не найдешь.

Чутким сердцем и мудрой рукою
Нам великая дружба дана,

И живут неразрывной семьею
Все народы и все племена.
Все они, словно братья, желанны,
Всем просторно расти и цвести...
Поезжай за моря-океаны,
Но дружнее страны не найти.

Знамя наших побед боевое
Люди славят на всех языках,
Солнце нашей страны золотое
Светит-греет во всех уголках.
Наши звезды сквозь ночь и туманы
На земле отовсюду видны...
Поезжай за моря-океаны,
Но светлее не сыщешь страны.

Пусть же враг у границы не бродит,
Он по нашей земле не пройдет —
Ни оттуда, где солнце заходит,
Ни оттуда, где солнце встает.
Для защиты ее, для охраны
Соберется несметная рать...
Поезжай за моря-океаны,
Но сильнее страны не сыскать.

1937

113. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

За окошком в белом поле —
Сумрак, ветер, снеговей...
Ты сидишь, наверно, в школе,
В светлой комнатке своей.

Зимний вечер коротая,
Наклонилась над столом:
То ли пишешь, то ль читаешь,
То ли думаешь о чем.

Кончен день — и в классах пусто,
В старом доме тишина,
И тебе немножко грустно,
Что сегодня ты одна.

Из-за ветра, из-за вьюги
Опустели все пути,
Не придут к тебе подруги
Вместе вечер провести.

Замела метель дорожки —
Пробираться не легко.
Но огонь в твоем окошке
Виден очень далеко.

1938

114. ТЕТУШКА ХРИСТИНА

Тетушка Христина
Семерых растила,
Семеро удачу на земле нашли:
Тот пожары тушит,
Тот болота сушит,
Тот по синю морю водит корабли.

Старший, словно птица,
В облака стремится,
Облетел он много сел и городов.
Этот — бригадиром,
Этот — командиром,
Этот ходит в школу, но «всегда готов!».

Как приедут летом
С лаской да приветом
Да как сядут вместе за широкий стол,
Мать рукой покажет
И с улыбкой скажет,
Что сегодня в полном сборе комсомол.

Тетушка Христина
Семерых растила,
Семерых растила для страны своей.
Скажем же спасибо
Тетушке Христине
За ее хороших, славных сыновей.

1938

115. Я СЕГОДНЯ РОБКАЯ ТАКАЯ...

Я сегодня робкая такая,
И сама себя не узнаю...
Ты уедешь, ничего не зная
Про любовь про девичью мою.

Ты уедешь, и под эту крышу
Никогда, быть может, не придешь.
И письма́, наверно, не напишешь,
И привета даже не пришлешь.

Я не стану на твоей дороге
И не буду ни о чем просить:
Видно, мне печали и тревоги
Суждено одной переносить.

Только всё ж, когда весна примчится
В шуме рек и в шелесте травы,
Буду ждать я, что тебе приснится
Девушка из города Москвы.

1938

116. И КТО ЕГО ЗНАЕТ...

На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.
И кто его знает,
Чего он моргает.

Как приду я на гулянье,
Он танцует и поет,
А простимся у калитки —
Отвернется и вздохнет.
И кто его знает,
Чего он вздыхает.

Я спросила: «Что невесел?
Иль не радует житье?»

— «Потерял я, — отвечает, —
Сердце бедное свое».
И кто его знает,
Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке — только точки, —
Догадайся, мол, сама.
И кто его знает,
На что намекает.

Я разгадывать не стала, —
Не надейся и не жди, —
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди.
И кто его знает,
Чего оно тает.

1938

117. КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,

Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

1938

118. Я ГЛЯДЕЛА В ОЗЕРО...

1

Я глядела в озеро —
В голубой просвет,
В озере увидела
Свой живой портрет.

Говорило озеро,
Тростником шурша,
Что собою девушка
Очень хороша.

2

Как пойду по ягоды,
Песню запою, —
В роще делать нечего
Станет соловью.

А пройдусь по улице
На закате дня, —
Все ребята издали
Смотрят на меня.

3

— Где ж росла ты, девушка,
Под какой зарей?
— А росла я, выросла
За рекой Угрой.

А росла я, выросла
В стороне лесной —
Под зарей, что светится
Надо всей страной.

1938

119. ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Памяти Н. К. Крупской

Мы тихо и скорбно сегодня вошли
Под своды Колонного зала:
Скончалася женщина русской земли,
Чье слово людей согревало.

Скончалася та, что и ночью и днем
Работала долгие годы,
Чье сердце большое горело огнем
Любви беззаветной к народу.

Плывут над седою ее головой
Оркестра печальные звуки...
Быть может, впервые узнали покой
Ее работящие руки;

Быть может, она ни забот, ни хлопот
Не знает сегодня впервые.
И низко над нею склоняет народ
Знамена свои боевые, —

Над нею, что жизнь до конца отдала
Во имя победы народной...
Прощай же, товарищ! Ты честно прошла
Свой доблестный путь благородный.

1 марта 1939

120. ШЕЛ СО СЛУЖБЫ ПОГРАНИЧНИК...

(У колодца)

Шел со службы пограничник,
Пограничник молодой.
Подошел ко мне и просит
Угостить его водой.

Я воды достала свежей,
Подала ему тотчас.
Только вижу — пьет он мало,
А с меня не сводит глаз.

Начинает разговоры:
Дескать, как живете здесь?
А вода не убывает, —
Сколько было, столько есть.

Не шути напрасно, парень, —
Дома ждут меня дела...
Я сказала: «До свиданья!» —
Повернулась и пошла.

Парень стал передо мною,
Тихо тронул козырек:
— Если можно, не спешите, —
Я напьюсь еще разок.

И ведро с водой студеной
Ловко снял с руки моей.
— Что же, пейте, — говорю я, —
Только пейте поскорей.

Он напился, распрямился,
Собирается идти:
— Если можно, пожелайте
Мне счастливого пути.

Поклонился на прощанье,
Взялся зá сердце рукой...
Вижу — парень он хороший
И осанистый такой.

И чего — сама не знаю —
Я вздохнула горячо
И сказала почему-то:
— Может, выпьете еще?

Улыбнулся пограничник,
Похвалил мои слова...
Так и пил он у колодца,
Может, час, а может, два.

1939

121. В РОДНОМ КРАЮ

Тихо в поле, тихо в роще,
Солнце гаснет за рекой.
Не спеша проходит летчик
По дорожке полевой.

Летчик с Дальнего Востока,
Бивший недруга в бою, —
Он приехал издалека
Погостить в родном краю;

Посмотреть на эти хаты,
Где живут его друзья,
На широкие закаты,
На березы у ручья.

Он приехал наглядеться
На поля, и на леса,
И на всё, что помнил с детства
И чего забыть нельзя.

Летчик с Дальнего Востока,
Пограничник боевой, —
Он идет во ржи высокой
По дорожке полевой.

И бежит, бежит дорожка,
И горит, горит закат...

Где-то пробует гармошку
Беспокойный музыкант,

Где-то ласково и звонко
Голос девичий запел:
«На родимую сторонку
Ясный сокол прилетел».

1939

122. СПОЙ МНЕ, СПОЙ, ПРОКОШИНА...[1]

Памяти моей матери

Спой мне, спой, Прокошина,
Что луга не скошены,
Что луга не скошены,
Стежки не исхожены.
Пусть опять вспомянется
Всё, что к сердцу тянется,
Пусть опять почудится
Всё, что не забудется:

Сторона далекая,
Хата в два окна,
В поле рожь высокая,
Теплая весна,
Ельники, березники
И друзья-ровесники...

Под отцовской крышею
Здесь я жил и рос,
Здесь ребячье первое
Слово произнес.
И отсюда в юности
Начал долгий путь,
Чтоб судьбу счастливую
Встретить где-нибудь,

---

[1] Александра Прокошина — запевала в хоре имени М. Е. Пятницкого.

Чтоб свое законное
Место отыскать.
И меня за росстани
Проводила мать.
Обняла, заплакала...
— Ну, сынок, иди!..—
И осталась, бедная,
Где-то позади.
И осталась, горькая,
На закате дня —
Думать и надеяться,
Ожидать меня.

И мне часто чудится,
Что сидит она
И глазами блеклыми
Смотрит из окна.
Смотрит — не покажется ль
Пыль на большаке,
Смотрит — не появится ль
Путник вдалеке.
Может быть, появится,
Может, это я...

И опять мне хочется
В дальние края.
В дальние, смоленские,
К матери родной,
Будто не лежит она
В поле под сосной,
Будто выйдет, старая,
Встретит у ворот
И со мною под вечер
На поля пойдет;
Станет мне рассказывать
Про вчерашний сон,
Про дожди весенние,
Про колхозный лен;
Станет мне показывать
Все места подряд,
Где мальчишкой бегал я
Много лет назад;

Где луга зеленые
Вместе с ней косил
И куда ей завтраки
Я в жнитво носил...

Всё опять припомнится,
Встанет предо мной,
Будто не лежит она
В поле под сосной,
Будто теплым вечером
Смотрит из окна,
А кругом — широкая,
Дружная весна...

Спой же, спой, Прокошина,
Что трава не скошена...

1939

123—124. *ОСЕНЬ 1939 ГОДА*

1

НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА

На восходе солнца
В зеленой дуброве
Встретились два брата,
Два родных по крови.

Их одна краина
На свет породила,
Да не равным счастьем
Братьев наделила.

Первый жил на воле,
Вырос на просторе,
А второй — у пана,
В нищете да в горе.

Повстречались братья,
Кровные, родные,
Подали друг другу
Руки трудовые.

И промолвил первый:
«Я прошел границу,
Я пришел с тобою
Счастьем поделиться;

Я леса раздвинул,
Переплыл я реки,
Чтоб не разлучаться
Нам с тобой вовеки».

А второй ответил,
Распрямляя спину:
«Ты вошел, как солнце
В темную долину;

Ты раскрыл темницы,
Ты принес свободу,
И с тобой готов я
И в огонь и в воду».

И пошли два брата
Под зарей широкой —
Славною дорогой,
Ленинской дорогой.

2

ВСТРЕЧА

Стояла осень. Улетели гуси.
Всё ниже нависали облака.
А по шляха́м Заходняй Беларуси[1]
И днем и ночью двигались войска.

Мы шли освободительным походом,
Мы начинали свой далекий путь,
Чтобы навеки братскому народу
Его права законные вернуть;

Чтоб он не знал ни горя, ни печали,
Чтоб не терзали коршуны его...

---

[1] По дорогам Западной Белоруссии (белорусск.). — *Ред.*

И так нас в этой стороне встречали,
Как не встречали в мире никого.

С утра до ночи, с ночи до рассвета
Нас ожидал народ по деревням,
И все цветы, что выросли за лето,
В те дни девчата отдали бойцам;

Слезали с печки древние старухи,
Повязывали лучшие платки,
И дети к нам протягивали руки,
И плакали от счастья старики.

Нам говорили:
«Кто же вы такие,
Какая вас взлелеяла рука,
Что через все посты сторожевые
До вас донесся голос бедняка;

Что вы со шляхтой насмерть воевали,
А нам не замутили и воды:
Ни яблока ни разу не сорвали,
Не затоптали ни одной гряды;

И всем, кто жил оборванный и босый,
Чьи целый век туманились глаза,
Вы отдаете пашни и покосы,
И реки, и озера, и леса...

Так кто же вы, товарищи родные?
Где силу вы могучую нашли,
Что в наши села — темные, глухие —
И свет и счастье сразу принесли;

Что рада вам любая наша хата,
Любая стежка в поле и в гаю?..»
. . . .
А мы — простые русские ребята,
Что крепко любят родину свою.

1939

125. У САМОЙ ГРАНИЦЫ

У самой границы, в секрете,
Я зоркую службу несу, —
За каждый пригорок в ответе,
За каждую елку в лесу.

Укрытый густыми ветвями,
И слушаю я, и смотрю,
И сердцем с родными краями
В такие часы говорю.

И всё мне становится ближе,
Как будто сквозь сумрак ночной
Я всю свою родину вижу
И вся она рядом со мной.

Проходят, встают предо мною
Деревни, поля и леса,
И месяц над самой трубою,
И липа напротив крыльца;

И Черное море, и горы,
Где я никогда не бывал,
И стены Кремля, у которых
Я клятву народу давал.

А только лишь утро затронет
Высокие сосны вокруг,
Я чую — в далеком районе
Зарю объявляет пастух.

Мне чудится утренний гомон
И отблеск отточенных кос, —
Как будто тропою знакомой
И сам я спешу на покос.

Я вижу, как солнце выходит,
Как трактор идет большаком
И как мальчуган на подводе
Бидоны везет с молоком.

А где-то за милую душу
Горланит петух молодой,
И девушка — может, Катюша —
Из хаты бежит за водой;

И ласточки крыльями машут,
И топится чья-нибудь печь...
И всё это — родина наша,
А родину надо беречь.

1940

126. ЛЕТИ, ПИСЬМО ПРИВЕТНОЕ...

М. И. Калинину

Лети, письмо приветное,
Лети в далекий край.
От нас поклон Калинину
В столице передай, —

От всех больших и маленьких,
От жен и стариков,
От нынешних колхозников,
От бывших мужиков.

Скажи, письмо, Калинину,
Что любим мы его —
Наставника, товарища
И друга своего.

К нему и днем и вечером
Со всех концов земли
За ленинскою правдою
Мы ехали и шли.

И радости и горести
Вручал ему народ:
Калиныч, мол, обдумает,
Калиныч разберет.

Он с нами разговаривал
До утренней зари —

Простой рабочий питерский,
Крестьянин из Твери.

Для каждого хорошее
Он слово находил,
С прямой дороги ленинской
Нигде не своротил.

Лети ж, письмо приветное,
Лети над всей страной.
Снеси в Москву Калинину
От нас поклон земной, —

От всех больших и маленьких,
От жен и стариков,
От нынешних колхозников,
От бывших мужиков.

1940

127. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Месяц над нашею крышею светит,
Вечер стоит у двора.
Маленьким птичкам и маленьким детям
Спать наступила пора.

Завтра проснешься — и ясное солнце
Снова взойдет над тобой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Спи, моя крошка, мой птенчик пригожий, —
Баюшки-ба́ю-баю́.
Пусть никакая печаль не тревожит
Детскую душу твою.

Ты не увидишь ни горя, ни муки,
Доли не встретишь лихой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Спи, мой малыш, вырастай на просторе, —
Быстро промчатся года.
Смелым орленком на ясные зори
Ты улетишь из гнезда.

Даст тебе силу, дорогу укажет
Родина мудрой рукой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

1940

128. В ГОСТИ ПРИЕХАЛА ДОЧЬ

Теплой весной под родимую кровлю
В гости приехала дочь...
Села старуха к ее изголовью
И не заснула всю ночь.

Словно над малым ребенком, сидела
В тихой и темной избе, —
То ль она думала, то ль она пела
Песню о женской судьбе:

— Вот оно дело случилось какое,
Как повернулось оно!
Сила, и разум, и счастье людское —
Всё тебе, дочка, дано.

Честно ты служишь советскому краю,
Будь же такою всегда...
Я теперь часто сижу, вспоминаю
Горькие наши года:

Как мы с тобой голодали когда-то,
Как замерзали зимой,
Как проводили отца на Карпаты
И не дождались домой.

Я, как сейчас, над тобою сидела,
В долгие ночи скорбя.
Ты еще думать тогда не умела,
Думала я за тебя.

Только своей головою понурой
Что́ я придумать могла?
Торбу надела, тебя пригорнула,
Перекрестилась, пошла...

Долго б терпели мы смертную му́ку,
Мерзли б по всем большакам,
Если бы Ленин надежную руку
Не протянул беднякам.

Дал он народу великое право,
С плеч моих снял он суму.
Низкий поклон ему, вечная слава,
Вечная память ему!..

Все свои думы в тебя я вложила,
Всю свою душу и жизнь.
Помнишь, тогда я тебе говорила:
«Дочка, старайся, учись!

Мать прожила, как слепая, без света, —
Сроду не трогала книг.
Дочка, старайся и помни об этом,
Сразу учись за двоих...»

Всё у тебя по-хорошему вышло,
Словно предвидела я,
Всё тебе видно, и всё тебе слышно,
Радость и гордость моя!

Будь же счастливой, живи на просторе,
Дальше и дальше иди.
Я ничего не видала за горем, —
Ты за меня погляди.

Пусть широка твоя будет дорога,
И широка и светла.
Мне уж теперь остается немного, —
Сила моя отошла.

Что же, об этом жалеть я не стану, —
То, что ушло, не вернешь;
Если засохну я, если завяну —
Ты за меня доживешь.

Пусть твое солнце горит, не сгорая,
День ли наступит, иль ночь...

Теплой весною из дальнего края
В гости приехала дочь.

1940

129. У КРЫЛЬЦА ВЫСОКОГО

(Песенка)

У крыльца высокого
Встретила я сокола, —
Я весною встретила,
На любовь ответила.

Но весна кончается,
Он со мной прощается.
А снега повыпали —
И следы засыпали.

Ой, метели шумные,
Ой, снега вы белые,
Что же вы задумали,
Что же вы наделали?!

1940

130. МОРЯЧКА

Уезжал моряк из дому,
Стал со мною говорить:
— Разрешите вам на память
Свое сердце подарить.

И когда я плавать буду
Где-то в дальней стороне,
Хоть разочек, хоть немножко
Погрустите обо мне.

Я ответила шутливо,
Что приятна эта речь,
Но такой большой подарок —
Неизвестно, где беречь.

И к тому ж, товарищ милый,
Разрешите доложить:
Чтобы девушка грустила —
Это надо заслужить.

Он обиделся, наверно,
Попрощался кое-как:
Шутки девичьей не понял
Недогадливый моряк.

И напрасно почтальона
Я встречаю у ворот:
Ничего моряк не пишет,
Даже адреса не шлет.

Мне и горько, и досадно,
И тоска меня взяла,
Что не так ему сказала,
Что неласкова была.

А еще того досадней,
Что на людях и в дому
Все зовут меня морячкой,
Неизвестно почему.

1940

131. ВИШНЯ

В ясный полдень, на исходе лета,
Шел старик дорогой полевой;
Вырыл вишню молодую где-то
И, довольный, нес ее домой.

Он глядел веселыми глазами
На поля, на дальнюю межу
И подумал: «Дай-ка я на память
У дороги вишню посажу.

Пусть растет большая-пребольшая,
Пусть идет и вширь и в высоту
И, дорогу нашу украшая,
Каждый год купается в цвету.

Путники в тени ее прилягут,
Отдохнут в прохладе, в тишине,
И, отведав сочных, спелых ягод,
Может статься, вспомнят обо мне.

А не вспомнят — экая досада, —
Я об этом вовсе не тужу:
Не хотят — не вспоминай, не надо, —
Всё равно я вишню посажу!»

1940

132. ЧТО ЗА СЛАВНЫЕ РЕБЯТА...

Что за славные ребята,
Только встреча коротка...
Приезжали из Кронштадта
К нам четыре моряка.

И словами, и делами,
И собою хороши.
Если девушка посмотрит —
Остается без души.

Как сойдутся все четыре
Да с гармошкою пройдут —
За собою на буксире
Всю околицу ведут.

Наши парни приуныли, —
Видно, зависть их берет,
Что девчат в одну неделю
Покорил Балтийский флот.

А девчатам — то ли дело
Левым глазом подмигнуть:
Дескать, суша надоела,
Надо на море взглянуть.

Под балтийскую гармошку
Сами ходят каблуки,
Только жалко, что весною
Ночи больно коротки.

А еще в груди тревога,
А еще душа болит,
Что кронштадтская дорога
Расставаться нам велит;

Расставаться, разлучаться,
А разлука тяжела...
Ох, и жаль, что нету моря
Возле нашего села!

1940

133. НА ГОРЕ — БЕЛЫМ-БЕЛА...

На горе — белы́м-бела —
Утром вишня расцвела.
Полюбила я парнишку,
А открыться не могла.

Я по улице хожу,
Об одном о нем тужу,
Но ни разу он не спросит,
Что на сердце я ношу.

Только спросит — как живу,
Скоро ль в гости позову...
Не желает он, наверно,
Говорить по существу.

Я одна иду домой,
Вся печаль моя со мной.
Неужели ж мое счастье
Пронесется стороной?

1940

134. ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Собрались мы сегодня
День отпраздновать славный,
Отчего же не слышно
Нашей песни заздравной?

Мы споем ее с вами
Задушевно, открыто
И попробуем, кстати,
Что в бутылках налито.

Выпьем первую чарку
За былые походы,
За родную державу,
За счастливые годы.

Пусть растет наша сила,
Пусть работают руки,
Пусть у нас молодеют
Старики и старухи!

Наша чарка вторая,
Наше слово второе, —
Чтобы в каждом семействе
Вырастали герои;

Чтобы плавали дальше,
Чтобы выше летали,
Чтоб своими руками
С неба звезды снимали.

А еще мы не пили,
А еще позабыли, —
Чтобы наши девчата
Всех прекраснее были.

Пусть же каждый скорее
По такому почину
Выпьет полную чарку
И еще половину!

Для себя ж пожелаем
Мы лишь самую малость:
Чтобы жить нам на свете
Лет по двести досталось;

Чтобы сердце пылало,
И кипела бы сила,
И чтоб этого срока
Нам опять не хватило!

1940

135. Я ВЫРОС В ЗАХОЛУСТНОЙ СТОРОНЕ...

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили.

Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий,
Где в каждой хате — может, тыщу лет —
Нужда сидела на почетном месте.

Я вырос там, среди скупых полей,
Где все пути терялися в тумане,
Где матери, баюкая детей,
О горькой доле пели им заране.

Клочок земли, соха да борона —
Такой была родная сторона.
И под высоким небом наших дней
Я очень часто думаю о ней.

Я думаю о прожитых годах,
О юности глухой и непогожей,
И всё, что нынче держим мы в руках,
Мне с каждым днем становится дороже.

Весна 1941

136. ПЕЛИ ДВЕ ПОДРУГИ...

Пели две подруги,
Пели две Маруси,
Как осенним утром
Улетали гуси;

Как прощались гуси
Со своим гнездовьем:
С речками, с лесами,
С тихим Приднепровьем;

И кричали гуси,
В небе пропадая,
Что всего дороже
Сторона родная...

Улетали гуси,
Лето закатилось,
По лесам брусника
В кузовок просилась;

По лесам орешник
Гнулся, безутешен,
И ронял орехи
Со своих орешин.

И пошли подруги
Тропами лесными,
Поднималось небо
Высоко над ними;

Осыпались липы,
Облетали клены,

Лист на землю падал,
Словно раскаленный;

Стлалася тропинка
Золотой каемкой,
И хотелось песни —
Ласковой, негромкой.

И внезапно в небе
Гуси прокричали
О разлуке тяжкой,
О своей печали.

Прокричали гуси
Над лесной округой,
Два пера на память
Сбросили подругам.

И подруги стали,
Головы закинув,
Словно две осенних,
Две лесных рябины.

И запели разом,
Стаю провожая,
Что всего дороже
Сторона родная...

1941

137. ДО СВИДАНЬЯ, ГОРОДА И ХАТЫ...

(Походная)

До свиданья, города и хаты,
Нас дорога дальняя зовет.
Молодые смелые ребята,
На заре уходим мы в поход.

На заре, девчата, выходите
Комсомольский провожать отряд.
Вы без нас, девчата, не грустите, —
Мы придем с победою назад.

Мы развеем вражеские тучи,
Разметем преграды на пути,
И врагу от смерти неминучей,
От своей могилы не уйти.

Наступил великий час расплаты,
Нам вручил оружие народ.
До свиданья, города и хаты, —
На заре мы двинемся в поход.

1941

138. НАКАЗ СЫНУ

Мой сын родной! Прильни к земле скорей,
Услышь
Слезами залитое слово.
Мой сын родной! У матери твоей
Теперь — ни хлеба, ни земли, ни крова.

Пришли *они*, как черная чума,
Пришли
И кровью нашей упивались,
Угнали скот и подожгли дома,
Над старым и над малым надругались.

Где день, где ночь скитаюсь я одна
По выжженным лесам и перелескам...
Мой сын родной! А где ж твоя жена?
Мой сын родной! А где ж моя невестка?..

Сграбастали, схватили у двора
Погаными разбойными руками;
Глумилися до самого утра,
А там — прощай! — прикончили штыками.

Погибла сиротинушка твоя,
Замученная му́кою жестокой...
Ее в могиле положила я
Лицом к тебе, лицом туда — к востоку.

Прильни к земле, и сквозь смертельный бой
Твоя душа услышит молодая,
Как плачет по тебе ее любовь,
Как плачет кровь, невинно пролитая.

Услышь, мой сын, и первым будь в бою,
Круши, карай неистовую силу! —
За всех за нас, за родину свою,
За эту безответную могилу.

Уничтожай поганое зверье,
Пали огнем, дави его машиной! —
И в том благословение мое,
Которое навеки нерушимо.

1941

139. ПЕРЕД БОЕМ

У выжженной врагами деревушки,
Где только трубы черные торчат,
Как смертный суд, стоят литые пушки,
Хотя они пока еще молчат.

Но час придет, но этот час настанет,
И враг падет в смятенье и тоске,
Когда они над грозным полем брани
Заговорят на русском языке.

1941

140. ЗИМА В ЧИСТОПОЛЕ

(Письмо друзьям)

Зимою очень холодно на Каме,
Стоят морозы — нашим не под стать.
И мне, друзья, озябшими руками
Стихи свои невесело писать.

Но ничего другого не осталось,
И я пока другого не прошу:
У печки пальцы отогрею малость,
Да и опять пишу себе, пишу.

Пишу. А сердце всё же не на месте:
Суровый год, тревожная пора.
С полно́чи жду очередных известий,
Хотя они приходят в шесть утра.

Всё та же дума не дает покоя:
Как там на фронте, как дела с Москвой?
И если в сводке что-нибудь такое —
Весь день хожу с поникшей головой.

Так и живу — от сводки и до сводки —
В своем углу, холодном и глухом.
Печали долги, радости коротки,
Да что ж поделать, коль война кругом?

Другого, видно, не найти исхода, —
На чем пришлось, на том уж и стою...
Хожу на рынок в очередь за медом
И никогда его не достаю.

Дрова таскаю. Печь топлю в квартире.
Курю какой-то невозможный мох,
Варю и ем картошку в вицмундире,
Как выразился здешний педагог.

Жду не дождусь, когда под мирной кровлей
Вновь соберется тесный наш кружок,
И пью за ваше и свое здоровье,
Но, к сожаленью, только кипяток.

А там и ночь. Она приходит рано.
Ложись, смотри какие хочешь сны.
Скрипит мороз. В окно стучат бураны.
И все пути кругом заметены.

Но я, друзья, отнюдь не безутешен,
Хоть неприютно здесь и холодно́,
Мне только жаль, что Гитлер не повешен —
Его повесить надо бы давно.

5—10 декабря 1941
Чистополь

141. ЗИМА

В огне заводы, сёла, полустанки,
Дрожит земля — идет жестокий бой...
Вам Гитлер дал орудия и танки,
И вы пришли в Россию на разбой.

Но вам не возвратиться из похода,
Насильники, сошедшие с ума! —
Дотла сожжет вас ненависть народа,
Заледенит безжалостно зима.

Метаться вам в отчаянье и страхе, —
Всё ближе, ближе ваш последний час!
Уже давно смерётные рубахи
Ткачиха-вьюга выткала для вас,

Уже отходную запел вам ветер
На тысячи различных голосов,
Уже мороз выходит на рассвете
Командовать парадом мертвецов...

Нет, вам добром не кончить поединка,
Не выбраться живыми из страны,
Где весь народ, где каждая былинка
Встают на поджигателей войны,

Где гибель ждет вас у любого дома,
Грозится пулей каждое окно...
Пишите ж письма близким и знакомым,
Что вам назад прийти не суждено.

10 декабря 1941
Чистополь

142. ЛЕТЕЛИ НА ФРОНТ САМОЛЕТЫ...

Летели на фронт самолеты,
Над полем закат догорал.
И пели бойцы на привале,
Как сокол в бою умирал.

Бесстрашно он бился с врагами
За счастье советской земли,
Но грудь ему пулей пронзили,
Но крылья ему подожгли.

И раненый сокол воскликнул:
«Пусть я погибаю в бою, —
Они дорогою ценою
Заплатят за гибель мою!»

И ринул на вражьи гнездовья
Два жарко горящих крыла.
Его соколиная гибель
Всю землю кругом потрясла.

Спалил он разбойную нечисть,
Развеял, как пепел и дым,
Последним движением сердца,
Последним дыханьем своим.

Летели на фронт самолеты,
Над полем закат догорал.
И пели бойцы на привале,
Как сокол в бою умирал.

Май 1942

143. УРОЖАЙ

Словно вешняя дубрава
В теплый ясный месяц май,
Зашумела наша слава —
Наш колхозный урожай.

За него мы клятву дали
В грозном нынешнем году,
Для него ночей не спали,
Забывали про еду.

Для него в поля родные
Торопился стар и мал,
Чтоб колосья золотые
Он полнее наливал.

И смотрите — в летнем зное
Он встает у всех дорог,
Перекатною волною
Ходит вдоль и поперек.

Труд людской не сгинул даром, —
С хлебом будет вся страна,
Будут полные амбары
Первосортного зерна.

И оно рекой польется
К тем, о ком земля поет, —
Кто с врагом бесстрашно бьется,
Кто оружие кует.

И его живые соки
Переполнят грудь бойца.
И боец в борьбе жестокой
Будет стойким до конца.

Набирайся ж силы грозной,
Прошуми из края в край,
Наш военный, наш колхозный,
Наш победный урожай!

Июнь 1942

144. ПИСЬМО ПО РАДИО

Родной мой батя! Шлем тебе поклон —
И я, и мать, и дедушка Семен.

Всего хорошего тебе желаем,
А где ты сам — про это мы не знаем.

Да к нам тайком — видать, для важных дел —
Один советский летчик прилетел.

И он сказал, что сможет мой листок
В Москву доставить в подходящий срок.

А там его по радио прочтут,
Чтоб ты узнал, как нам живется тут.

И я листок пишу на пне дубовом...
Пока что все мы живы и здоровы;

Одна беда — ни хаты, ни двора, —
Фашистская спалила немчура.

А перед тем повыгребли картошку,
Забрали хлеб, обувку и одежку.

Затем хотели всех, как есть, под стать
На каторгу в Неметчину сослать.

А тех, кто подчиняться не желал,
По чем попало били наповал.

И наша б тоже очередь пришла,
Да мы уйти успели из села.

Хоть кое-как, но вырвались живьем...
Теперь в лесу под елками живем.

Большой шалаш поставили себе,
Приладились почти что как в избе.

Никто не мучит нас, не понукает,
Досадно только — крыша протекает,

Да не дают покоя муравьи,
Да заползли недавно две змеи.

Но как-никак, а все-таки затишно,
И гитлеровцев вовсе здесь не слышно:

Они ходить боятся по лесам:
Здесь партизаны — понимаешь сам.

Теперь одна осталась нам забота:
Что день, что ночь — уж очень есть охота.

Одни грибы — вот он и весь обед.
А соли тоже ни крупицы нет.

Вот если б клюква — это было б дело!
Да клюкве — рано. Клюква не поспела.

Орехи тоже, словно на беду,
Совсем пропали в нынешнем году.

Весь день проходишь — всё одно и то ж:
Ни одного ореха не найдешь.

Дед говорит — коль не случится чуда,
То нам уже не выбраться отсюда:

Все перемрем — и он, и я, и мать,
И некому нас будет закопать.

А я и думать о таком боюсь. .
Ужель тебя и вправду не дождусь?

Ужели ж нам валяться на земле,
А эти будут бражничать в селе? . .

Родной мой батя! Бей ты их скорей! —
Они же, звери, хуже всех зверей.

И если их не задушить, гадюк,
Тогда уж верный будет нам каюк.

Вот скоро лето подойдет к концу, —
А как же нам зимою жить в лесу?

Где нам согреться, как завоет вьюга?
На всех троих у нас одна дерюга,

Да три мешка, да лапти сплел нам дед,
А больше ничего такого нет...

А им-то что ж? Они в тепле живут,
Сидят себе да наше сало жрут...

Родной мой батя! Бей ты их, собак! —
Иначе нам не встретиться никак.

И всем красноармейцам расскажи —
Какие здесь повсюду грабежи,

Как убивают жителей на месте,
Как мы в лесу живем с волками вместе.

Пускай красноармейцы день и ночь
Идут вперед и гонят подлых прочь.

Не то шабаш! Погибнем, словно мухи,
От холода, от лютой голодухи.

И так уж нам — ни охнуть, ни вздохнуть...
Родной мой батя! Сделай что-нибудь...

А я уж тут все силы напрягу
И буду ждать тебя, пока смогу...

Август 1942

145. ОДНА ДОРОГА ЕСТЬ У НАС

Нет, ни терпеть, ни ждать нельзя, —
　　Я всё решил давно!
Какой бы город враг ни взял —
　　Мне больно всё равно;

На чей бы дом в степи донской
　　Ни сбросил он фугас, —
Я чую, что взорвать и мой
　　Готов он хоть сейчас;

И чью б ни вырезал семью
　　Он — мастер черных дел, —
Я твердо знаю — и мою
　　Злодей в виду имел;

Рассказ
старухи

И чьих бы девушек и жен
Ни загонял в петлю, —
Я вижу — лапу тянет он
И к той, что я люблю.

Пока он жив — мне места нет
У мирного огня:
В кого б ни целил людоед, —
Он целит и в меня.

Пока он жив, всё будет то ж, —
Не осушить нам слез:
Недаром он бандитский нож
Над всей землей занес.

Нам на одной планете жить
Нельзя с таким врагом!
Уж лучше голову сложить,
Чем стать его рабом,

Чем на себя ярмо надеть
На сто, на триста лет...
Нет! Победить иль умереть —
Вот мой, друзья, ответ.

И я с сегодняшнего дня
К винтовке штык примкну:
Одна дорога у меня —
Дорога на войну;

Одна она меня зовет,
И я готов идти,
Чтоб полный счет, последний счет
С моим врагом свести;

Чтоб взять его в железный круг
И не пустить назад;
Чтоб выбить из поганых рук
Поганый автомат;

Чтоб смять, разбить, разворошить
Фашистских молодцов
И навсегда к земле пришить
Железом и свинцом!

На то иду, на том стою,
В том вся моя корысть.
Сломаю штык, приклад собью —
Зубами буду грызть!

Пока живет фашистский бог —
Грабитель и палач, —
Нет у меня других дорог
И нет других задач.

А коль придется в битве пасть,
А коль погибну я, —
За нашу жизнь, за нашу власть
Пойдете вы, друзья;

Пойдете бить, кромсать и жечь,
Рубить его сплеча!
Пусть тот, кто первым поднял меч,
Погибнет от меча!

Пусть он найдет свой смертный час,
Получит всё сполна!..
Одна дорога есть у нас,
Одна, друзья, одна.

Август 1942

146. МЫ ШЛИ...

Мы шли молчаливой толпою, —
Прощайте, родные места! —
И беженской нашей слезою
Дорога была залита.

Вздымалось над селами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели над нами,
Покинув гнездовья свои.

Зверье по лесам и болотам
Бежало, почуяв войну, —
Видать, и ему неохота
Остаться в фашистском плену.

Мы шли... В узелки завязали
По горстке родимой земли,
И всю б ее, кажется, взяли,
Но всю ее взять не могли.

И в горестный час расставанья,
Среди обожженных полей,
Сурово свои заклинанья
Шептали старухи над ней:

— За кровь, за разбой, за пожары,
За долгие ночи без сна
Пусть самою лютою карой
Врагов покарает она!

Пусть высохнут листья и травы,
Где ступит нога палачей,
И пусть не водою — отравой
Наполнится каждый ручей.

Пусть ворон — зловещая птица —
Клюет людоедам глаза,
Пусть в огненный дождь превратится
Горючая наша слеза.

Пусть ветер железного мщенья
Насильника в бездну сметет,
Пусть ищет насильник спасенья,
И пусть он его не найдет

И страшною казнью казнится,
Каменья грызя взаперти...

Мы верили — суд совершится.
И легче нам было идти.

1942

147. СТАРИК

У вырванных снарядами берез
Сидит старик, а с ним собака рядом.
И оба молча смотрят на погост
Каким-то дымным, невеселым взглядом.

Ползет туман. Накрапывает дождь.
Над мертвым полем воронье кружится...
— Что, дедушка, наверно, смерти ждешь?
Видать, с врагами нелегко ужиться?

Старик помедлил. Правою рукой
Сорвал с куста листочек пожелтелый.
— В мои года не грех и на покой,
Да, вишь, без нас у смерти много дела.

Куда ни глянь — лютует немчура,
Конца не видно муке безысходной.
И у меня вот от всего двора
Остался я да этот пес голодный.

И можно ль нам такую боль стерпеть,
Когда злодей всю душу вынимает?..
В мои года не штука помереть,
Да нет, нельзя — земля не принимает.

Она — я слышу — властно шепчет мне:
«Ты на погосте не найдешь покоя,
Пока в привольной нашей стороне
Хозяйничает племя нелюдское.

Они тебе сгубили всю семью,
Твой дом родной со смехом поджигали;

Умрешь — могилу тихую твою
Железными затопчут сапогами...»

И я живу. Своим путем бреду.
Запоминаю — что и где творится,
Злодействам ихним полный счет веду, —
Он в час расплаты может пригодиться.

Пускай мне тяжко. Это ничего.
Я смерть не позову, не потревожу,
Пока врага, хотя бы одного,
Вот этою рукой не уничтожу.

1942

148. В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

Лиде

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг,

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед, —
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора, —
Идем, друзья, идем!
За всё, чем жили мы вчера,
За всё, что завтра ждем;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942

149. ОЙ, ТУМАНЫ МОИ...

Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.

На прощанье сказали герои:
— Ожидайте хороших вестей. —
И на старой смоленской дороге
Повстречали незваных гостей.

Повстречали — огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горючую нашу слезу.

С той поры да по всей по округе
Потеряли злодеи покой:
День и ночь партизанские вьюги
Над разбойной гудят головой.

Не уйдет чужеземец незваный,
Своего не увидит жилья...
Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родная сторонка моя!

1942

150. ОТЦОВСКИЙ ДОМ РАЗГРАБЛЕН И РАЗРУШЕН...

Отцовский дом разграблен и разрушен,
В огне, в дыму Смоленщина моя,
Кругом война. И, в руки взяв оружье,
Спешат на фронт и братья и друзья.

И горько мне, что я — больной и хворый,
Что без меня идут они на бой,
На бой за родину, судьба которой
Навеки стала нашею судьбой.

Глаза мои померкли раньше срока,
Слабей, слабей заря моя горит.
И тяжелее тяжкого упрека
Нерадостное слово — инвалид.

О, если б не было его в помине! —
Хоть сотни верст прошел бы я пешком,
Чтоб где-нибудь у города Медыни
Поговорить по-своему с врагом;

Чтоб за свою Смоленщину родную
Его огнем смертельным опалить,

Чтоб в русскую могилу ледяную
Загнать и сверху камень навалить!

Но мне в бою не встретиться с врагами,
В огне войны не мчаться напролом, —
Сиди, терпи, как в поле на кургане
Степной орел с простреленным крылом.

А дни бегут. А сила не вернется.
А старость бродит по моим следам...
Пусть будет так. Но всё же сердце бьется,
И это сердце — без остатка — там.

Оно слыхало первые удары
Стального грома вражьих батарей,
Оно вдыхало черный дым пожаров,
Оно видало слезы матерей;

Оно в себя впитало боль и стоны
Людей, сожженных на костре живьем.
И слово мести — жгучей, непреклонной —
В глухую полночь зародилось в нем.

И я как знамя поднял это слово,
Живое слово сердца моего.
И я зову, чтоб в дни борьбы суровой
Никто из нас не забывал его;

Чтоб вместе с ним в январские метели
Шли партизаны тайною тропой;
Чтоб вместе с ним громили вражьи цели
Артиллеристы, начиная бой;

Чтоб от него кругом земля пылала,
Чтобы врагу оно закрыло путь,
Чтоб силой и отвагой небывалой
Оно бойцам переполняло грудь.

И, может быть, боец на поле бранном,
Услышав слово правое мое,
Смелей направит штык четырехгранный,
Верней нацелит меткое ружье.

И, может быть, подкараулив ката,
Не пожалеет партизан огня
И сверх всего пошлет еще гранату,
И та граната будет за меня.

1942

151. МСТИТЕЛИ

Уже промчались многие недели,
Но этот день никто забыть не мог...
Здесь даже сосны с горя поседели,
Здесь даже камни плачут у дорог.

Как позабыть, когда пылали хаты,
Когда качались мертвецы в петле,
Когда валялись малые ребята,
Штыками пригвожденные к земле?

Как позабыть, когда слепого деда,
В зверином исступлении своем,
К двум танкам привязали людоеды
И разорвали надвое живьем?

Забыть нельзя! И мы не позабыли,
Убийцам не простили ничего.
И пусть нам трубы сбора не трубили, —
На сбор пошли мы все до одного.

Сходились мы, чтоб под столетним дубом
У стариков совета попросить.
И те сказали: племя душегубов
Земля не может на себе носить!

И под родным, под белорусским небом
Мы поклялись за мертвых и живых,
И в ту же ночь в стальную книгу гнева
Огнем вписали вражьих часовых.

С тех пор злодеев полегло немало, —
Навек нашли убежище свое!

Повсюду гибель их подстерегала,
Хотя они не видели ее.

Она ждала их в поле и в дубраве,
Глядела из-за каждого куста,
Она рвала мосты на переправе
И под откос пускала поезда.

Она косила псов из пулемета,
И сколько их покошено — сочти!
Она вела их в топкие болота,
Откуда нет обратного пути.

Она их на ночь в хату приводила,
Поила водкой, клала на кровать;
Когда же солнце поутру всходило —
С кровати было некому вставать.

Мы поклялись: и в летний зной и в стужу
Им не давать покоя ни на миг.
Мы поклялись: не складывать оружья,
Пока живет хотя один из них!

И мы своей не уронили чести,
Не позабыли славы боевой, —
И днем и ночью пламя нашей мести
Над вражеской бушует головой.

1942

152. ПРИПОМНИМ, ДРУЗЬЯ И ПОДРУГИ

Посвящается Н-скому заводу

Сегодня, на празднике людном,
Мы с вами припомним, друзья,
Как двигалась в путь многотрудный
Рабочая наша семья;

Как смертью враги нам грозили,
Как шли в Подмосковье бои,
Как мы под бомбежкой грузили
Станки заводские свои;

Как, сидя в теплушках на сене,
Глядели мы в сумрак ночной,
Как где-то в тумане осеннем
Остался наш город родной...

Припомним, друзья и подруги,
Расскажем без всяких прикрас,
Какие свирепые вьюги
На пристани встретили нас;

Как в старой нетопленной школе
Мы жили у мертвой реки,
Как сердце сжималось от боли,
Что снег заметает станки,

Что к ним не придут пароходы
Ни с этой, ни с той стороны,
Что дальше нам не было ходу,
Быть может, до самой весны...

Припомним, друзья и подруги,
Как ночи и дни напролет
По той незнакомой округе
Искали мы с вами подвод;

Как тяжко тащили на сани
Железную грузную кладь, —
Тащили и падали сами
И, вставши, тащили опять;

Как вдаль — по полям, по откосам,
По длинной дороге степной —
Пошли, потянулись обозы
На целые версты длиной.

Весь свет застилала пороша,
Пройдешь — и не видно следов...
И всё же мы вынесли ношу,
В которой сто тысяч пудов;

И всё же — хоть тяжко нам было —
Спасли, отстояли завод.

И вот он — на полную силу
Работает, дышит, живет!

Товарищи, вспомним об этом
И будем тверды до конца!
И пусть торжествующим светом
Наполнятся наши сердца;

Пусть душу согреет сознанье,
Что мы ни на шаг, ни на миг
В суровые дни испытанья
Не сдали позиций своих;

Что мы никому не давали
Позорить рабочую честь
И что в фронтовом арсенале
И наше оружие есть,

И наше грохочет громáми
В годину великой войны...
Когда-то мы делали с вами
Часы для советской страны;

Когда-то в уюте квартирном,
В спокойные ясные дни,
На стенах, на столике мирном
Секунды считали они.

Но в наши дома оголтело
Вломились фашистские псы,
И родина нам повелела
Готовить иные часы —

Часы со смертельным заводом
Для тех, кто пошел на грабеж,
Для тех, кто над нашим народом
Занес окровавленный нож;

Часы для злодеев матерых,
Что кровь неповинную льют,
Часы, после боя которых
Враги никогда не встают.

Так что же, друзья и подруги, —
Пусть будет работа дружна!
Пусть наши проворные руки
Похвалит родная страна;

Пусть станет убийцам грозою
Советский завод часовой,
Пусть плачут кровавой слезою
Они над своею судьбой;

Пусть ночи встают гробовые
Над тем, кто нацелился в нас,
Пусть наши часы боевые
Пробьют его смертный час!

1942

153. СТАРИК НЕЧАЙ

Ты что ж решил: Нечай — старик,
Нечаю всё равно?!
Старик, да жить трудом привык...
Вот то-то и оно!

Не в те ударил ты опять,
Не в те колокола:
К чему года мои считать, —
Ты б сосчитал дела!

Я, может, хлеба одного
Взрастил за долгий век,
Что если в гурт собрать его, —
Так что там твой Казбек!

А хлеб какой! Отборный сплошь,
Лежит — к зерну зерно.
Возьмешь в ладони и замрешь...
Вот то-то и оно!

А сколько сена дал Нечай
С бригадою своей?
А сено ж пахло, словно чай, —
Заваривай и пей!

Что тут, что там — я первым был,
Не сплоховал Нечай.
Да ты, как видно, позабыл,
Где здравствуй, где прощай.

И вышло так, что я сейчас
Остался в стороне, —
Знать, на смех курам ты припас
Такую должность мне:

Весной в поля пойдет народ,
А я — сиди с дубьем,
Спасай, вояка, огород
От кур да воробьев!

Добился почести людской,
Дождался, старина...
Да мне ж, при должности такой,
Житья не даст жена.

«Ты, — скажет, — что ж, любезный муж,
Совсем сошел на нет?..»
И стыдно будет мне к тому ж
На фронт писать ответ.

На фронте сыну моему
Два ордена дано, —
Читал, наверно, почему...
Вот то-то и оно!

А чем хвалиться стану я? —
Живу, мол, без забот,
Мол, вместо чучела меня
Послали в огород...

Как будто впрямь я вышел весь,
Добился до конца.
Приятна, что ль, такая весть
Для красного бойца?

Пусть я старик, но никакой
Не вижу в том беды:
Давно известно — старый конь
Не портит борозды.

И ты меня не обижай,
Ты дай бригаду мне:
Такой получим урожай —
На диво всей стране.

Уж тут позиций не сдадим,
В кусты не удерем,
А то еще и молодым,
Пожалуй, нос утрем.

Уж если слаб я бить врага,
Никак не подхожу,
Так хлеб растить, косить луга —
Всю душу положу!

Всё, как на фронте, будет в срок,
Всё, как и быть должно:
Нечай в работе знает прок...
Вот то-то и оно!

1942

154. ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН КРАСНОАРМЕЕЦ

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.

Кто б ни был ты — рыбак, шахтер,
Ученый иль пастух, —
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.

И для тебя и для меня
Он сделал всё, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А родину сберег.

1942

155. ОТТУДА

В далекий путь собравшись втихомолку,
Старуха ночью вышла из села, —
Взяла ведро, взяла еще кошелку
И за собой корову повела.

Забыла всё — и годы и усталость,
Не побоялась никаких невзгод.
И одного лишь, кажется, боялась,
Что вдруг ее корова заревет.

Враги услышат — и пропало дело!
Убьют, замучат иль сведут с ума...
Но тут уж и корова не ревела,
Как будто знала, чуяла сама.

Так шли они из вражеского тыла
Вдали от сел, вдали от деревень —
Туда, где солнце по утрам всходило,
Туда, откуда начинался день.

Так шли они нехоженой тропою —
От леса к лесу, от ручья к ручью...
В пути старуха свежею травою
Кормила щедро спутницу свою,

Водою родниковою поила
И, словно дома, в тот же самый срок,
Под старыми березами доила,
Усевшись на какой-нибудь пенек.

И с горькой думой, в тихий час привала,
Пила неторопливо молоко
И снова в путь корову поднимала:
— Идем, идем! Теперь недалеко.

Идем, идем! Авось дойдем живые,
На счастье на старушечье мое... —
На третьи сутки наши часовые
Увидели, окликнули ее.

— Свои, свои! — Она остановилась
С коровою, с кошелкою, с ведром.
Смущенная, неловко поклонилась:
Вот, мол, пришла со всем своим двором...

Пред ней бойцы столпились полукругом:
— Куда идешь, куда шагаешь, мать?
— Куда ж идти, — ответила старуха, —
Иду-бреду судьбу свою искать.

Иду-бреду, несу свои печали... —
И голос вдруг осекся и погас,
И мелкой дрожью губы задрожали,
И слезы, слезы сыпались из глаз.

Бойцы старуху отвели в землянку,
Стараясь обласкать наперебой.
Достали хлеба свежую буханку
И вскипятили чайник фронтовой.

— А ну-ка, мать, попробуй нашей пищи,
А мы с тобою рядом посидим.
Уж мы теперь судьбу твою разыщем,
Уж мы тебя в обиду не дадим!

Освоилась старуха, осмотрелась —
Хорошую нашла она семью!
И вдруг сказала:
— Что ж я тут расселась?
А я ж пойду корову подою.

И вскоре с материнскою заботой
Она бойцов поила молоком,
И говорила, говорила что-то,
И называла каждого сынком.

1942

156. «КРУТИТСЯ, ВЕРТИТСЯ ШАР ГОЛУБОЙ...»

1

Лесом, полями — дорогой прямой
Парень идет на побывку домой.

Ранили парня, да что за беда?
Сердце играет, а кровь молода.

— К свадьбе залечится рана твоя, —
С шуткой его провожали друзья.

Песню поет он, довольный судьбой:
«Крутится, вертится шар голубой,

Крутится, вертится, хочет упасть...»
Ранили парня, да что за напасть?

Скоро он будет в отцовском дому,
Выйдут родные навстречу ему;

Станет его поджидать у ворот
Та, о которой он песню поет.

К сердцу ее он прильнет головой...
«Крутится, вертится шар голубой...»

2

Парень подходит. Нигде никого.
Горькое горе встречает его.

Черные трубы над снегом торчат,
Черные птицы над ними кричат.

Горькое горе, жестокий удел! —
Только скворечник один уцелел.

Только висит над колодцем бадья...
— Где ж ты, родная деревня моя?

Где ж эта улица, где ж этот дом,
Где ж эта девушка, вся в голубом?

Вышла откуда-то старая мать:
— Где же, сыночек, тебя принимать?

Чем же тебя накормить-напоить?
Где же постель для тебя постелить?

Всё поразграбили, хату сожгли,
Настю, невесту, с собой увели...

8

В дымной землянке погас огонек,
Парень в потемках на сено прилег.

Зимняя ночь холодна и длинна.
Надо бы спать, да теперь не до сна.

Дума за думой идут чередой:
— Рано, как видно, пришел я домой;

Нет мне покоя в родной стороне,
Сердце мое полыхает в огне;

Жжет мою душу великая боль.
Ты не держи меня здесь, не неволь, —

Эту смертельную му́ку врагу
Я ни забыть, ни простить не могу...

Из темноты отзывается мать:
— Разве же стану тебя я держать?

Вижу я, чую, что сердце болит.
Делай как знаешь, как совесть велит...

4

Поле да небо. Безоблачный день.
Крепко у парня затянут ремень,

Ловко прилажен походный мешок;
Свежий хрустит под ногами снежок;

Вьется и тает махорочный дым, —
Парень уходит к друзьям боевым.

Парень уходит — судьба решена,
Дума одна и дорога одна...

Глянет назад: в серебристой пыли
Только скворечник маячит вдали.

Выйдет на взгорок, посмотрит опять —
Только уже ничего не видать.

Дальше и дальше родные края...
— Настенька, Настенька — песня моя!

Встретимся ль, нет ли мы снова с тобой?
«Крутится, вертится шар голубой...»

1942

157. ОГОНЕК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Всё горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;

Всё, что было загадано,
В свой исполнится срок, —
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письмеца.

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую родину,
За родной огонек.

1942

158. ПРОЩАЛЬНАЯ

Далекий мой! Пора моя настала.
В последний раз я карандаш возьму...
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному.

Прости-прощай! Любимую веснянку
Нам не певать в веселый месяц май.
Споем теперь, как девушку-смолянку
Берут в неволю в чужедальний край;

Споем теперь, как завтра утром рано
Пошлют ее по скорбному пути...
Прощай, родной! Забудь свою Татьяну.
Не жди ее. Но только отомсти!

Прости-прощай!.. Что может дать рабыне
Чугунная немецкая земля?
Наверно, на какой-нибудь осине
Уже готова для меня петля.

А может, мне валяться под откосом
С пробитой грудью у чужих дорог,
И по моим по шелковистым косам
Пройдет немецкий кованый сапог...

Прощай, родной! Забудь про эти косы.
Они мертвы. Им больше не расти.
Забудь калину, на калине росы,
Про всё забудь. Но только отомсти!

Ты звал меня своею нареченной,
Веселой свадьбы ожидала я.
Теперь меня назвали обреченной,
Лихое лихо дали мне в мужья.

Пусть не убьют меня, не искалечат,
Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи навстречу —
Ты не узнаешь всё равно меня.

Всё, что цвело, затоптано, завяло,
И я сама себя не узнаю.
Забудь и ты, что так любил, бывало,
Но отомсти за молодость мою!

Услышь меня за темными лесами,
Убей врага, мучителя убей!..
Письмо тебе писала я слезами,
Печалью запечатала своей...

Прости-прощай!..

1942

159. ПАРТИЗАНКА

Я весь свой век жила в родном селе,
Жила, как все, — работала, дышала,
Хлеба растила на своей земле
И никому на свете не мешала.

И жить бы мне спокойно много лет, —
Женить бы сына, пестовать внучонка...
Да вот поди ж нашелся людоед —
Пропала наша тихая сторонка!

Хлебнули люди горя через край,
Такого горя, что не сыщешь слова.
Чуть что не так — ложись и помирай:
Всё у врагов для этого готово;

Чуть что не так — петля да пулемет,
Тебе конец, а им одна потеха...
Притих народ. Задумался народ.
Ни разговоров не слыхать, ни смеха.

Сидим, бывало, — словно пни торчим...
Что говорить? У всех лихая чаша.
Посмотрим друг на друга, помолчим,
Слезу смахнем — и вся беседа наша.

Замучил, гад. Замордовал, загрыз...
И мой порог беда не миновала.
Забрали всё. Одних мышей да крыс
Забыли взять. И всё им было мало!

Пришли опять. Опять прикладом в дверь, —
Встречай, старуха, свору их собачью...
«Какую ж это, думаю, теперь
Придумал Гитлер для меня задачу?»

А он придумал: «Убирайся вон!
Не то, — грозят, — раздавим, словно муху...»
«Какой же это, — говорю, — закон —
На улицу выбрасывать старуху?

Куда ж идти? Я тут весь век живу...»
Обидно мне, а им того и надо:
Не сдохнешь, мол, и со скотом в хлеву,
Ступай туда, — свинья, мол, будет рада.

«Что ж, — говорю, — уж лучше бы свинья, —
Она бы так над старой не глумилась.
Да нет ее. И виновата ль я,
Что всех свиней сожрала ваша милость?»

Озлился, пес, — и ну стегать хлыстом!
Избил меня и, в чем была, отправил
Из хаты вон... Спасибо и на том,
Что душу в теле все-таки оставил.

Пришла в сарай, уселась на бревно.
Сижу, молчу — раздета и разута.
Подходит ночь. Становится темно.
И нет старухе на земле приюта.

Сижу, молчу. А в хате той порой
Закрыли ставни, чтоб не видно было,
А в хате — слышу — пир идет горой, —
Стучит, грючит, гуляет вражья сила.

«Нет, думаю, куда-нибудь уйду,
Не дам глумиться над собой злодею!
Пока тепло, авось не пропаду,
А может быть, и дальше уцелею...»

И долог путь, а сборы коротки:
Багаж в карман, а за плечо — хворобу.
Не напороться б только на штыки,
Убраться подобру да поздорову.

Но, знать, в ту ночь счастливая звезда
Взошла и над моею головою:
Затихли фрицы — спит моя беда,
Храпят, гадюки, в хате с перепою.

Пора идти. А я и не могу, —
Целу́ю стены, словно помешалась...

«Ужели ж всё пожертвовать врагу,
Что тяжкими трудами доставалось?

Ужели ж, старой, одинокой, мне
Теперь навек с родным углом проститься,
Где знаю, помню каждый сук в стене
И как скрипит какая половица?

Ужели ж лиходею моему
Сиротская слеза не отольется?
Уж если так, то лучше никому
Пускай добро мое не достается!

Уж если случай к этому привел,
Так будь что будет — лучше или хуже!»
И я дубовый разыскала кол
И крепко дверь притиснула снаружи.

А дальше, что же, дальше — спички в ход, —
Пошел огонь плести свои плетенки!
А я — через калитку в огород,
В поля, в луга, на кладбище, в потемки.

Погоревать к покойнику пришла,
Стою перед оградою сосновой:
— Прости, старик, что дом не сберегла,
Что сына обездолила родного.

Придет с войны, а тут — ни дать ни взять,
В какую дверь стучаться — неизвестно...
Прости, сынок! Но не могла я стать
У извергов скотиной бессловесной.

Прости, сынок! Забудь отцовский дом,
Родная мать его не пощадила —
На всё пошла, но праведным судом
Злодеев на погибель осудила.

Жестокую придумала я месть —
Живьем сожгла, огнем сжила со света!
Но если только бог на небе есть —
Он все грехи отпустит мне за это.

Пусть я стара, и пусть мой волос сед, —
Уж раз война, так всем идти войною...
Тут подошел откуда-то сосед
С ружьем в руках, с котомкой за спиною.

Он осторожно посмотрел кругом,
Подумал молча, постоял немного,
«Ну, что ж, — сказал, — Антоновна, идем!
Видать, у нас теперь одна дорога...»

И мы пошли. Сосед мой впереди,
А я за ним заковыляла сзади.
И вот, смотри, полгода уж поди
Живу в лесу у партизан в отряде.

Варю обед, стираю им белье,
Чиню одёжу — не сижу без дела.
А то бывает, что беру ружье, —
И эту штуку одолеть сумела.

Не будь я здесь — валяться б мне во рву,
А уж теперь, коль вырвалась из плена,
Своих врагов и впрямь переживу, —
Уж это так. Уж это непременно.

1942

160. 1943-й ГОД

В землянках, в сумраке ночном,
На память нам придет —
Как мы в дому своем родном
Встречали Новый год;

Как собирались заодно
У мирного стола,
Как много было нам дано
И света и тепла;

Как за столом, в кругу друзей,
Мы пили в добрый час
За счастье родины своей
И каждого из нас.

И кто подумал бы тогда,
Кто б вызнал наперед,
Что неминучая беда
Так скоро нас найдет?

Незваный гость вломился в дверь,
Разрушил кров родной.
И вот, друзья, мы здесь теперь —
Наедине с войной.

Кругом снега. Метель метет.
Пустынно и темно...
В жестокой схватке этот год
Нам встретить суждено.

Он к нам придет не в отчий дом,
Друзья мои, бойцы,
И всё ж его мы с вами ждем
И смотрим на часы.

И не в обиде будет он,
Коль встретим так, как есть,
Как нам велит войны закон
И наша с вами честь.

Мы встретим в грохоте боев,
Взметающих снега,
И чашу смерти до краев
Наполним для врага.

И вместо русского вина —
Так этому и быть! —
Мы эту чашу — всю, до дна —
Врага заставим пить.

И Гитлер больше пусть не ждет
Домой солдат своих, —
Да будет сорок третий год
Последним годом их!

В лесах, в степях, при свете звезд,
Под небом фронтовым,
Мы поднимаем этот тост
Оружьем боевым.

Декабрь 1942

161. УКРАИНА МОЯ, УКРАИНА!

*Памяти неизвестного лейтенанта,
геройски погибшего в боях за Украину*

Пробил час, наступило мгновенье,
И в неясной предутренней мгле
Поднимались войска в наступленье,
Шли войска к украинской земле;
Шли на запад по снежным равнинам
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Всё, что думалось, чудилось, пелось,
Всё на этом лежало пути...
Раньше всех лейтенанту хотелось
До своей Украины дойти.
Вся в цвету вспоминалась калина,
Что под вечер ждала соловья...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Сколько б верст до тебя ни осталось —
Мы к порогу придем твоему...
Но упал лейтенант, и казалось,
Что уже не подняться ему:
Налетела фашистская мина,
Жаркой крови хлестнула струя...
Украина моя, Украина,
Мать родная моя!

Всю тебя искромсали, скрутили,
Исковеркали всю чужаки...

— Поднимите меня, побратимы,
Дайте на ноги встать, земляки!
Я рядов боевых не покину, —
Пусть умру, но дойду до нее...
Украина моя, Украина,
Сердце мое!..

Мы противиться были не в силах,
Возразить не могли ничего, —
В те часы даже смерть отступила
Перед жгучим желаньем его.
Он поднялся: «За мною, орлята!» —
И взметнулась людская волна.
И видны уже белые хаты,
Украина видна!..

Он дошел до родимого края,
С честью выполнил воинский долг,
Но, последние силы теряя,
Покачнулся, упал и замолк.
Скорбно шапки снимала дружина —
Земляки, побратимы, друзья...
Украина моя, Украина,
Ненько моя!..

Январь 1943

162. ОСВОБОДИТЕЛЯМ ЕЛЬНИ

Идут вперед неустрашимо
Бойцы — товарищи мои.
И Ельня — город мой родимый —
Опять в кругу своей семьи.

Пусть он разрушен, искалечен, —
Он возродится из руин!
И подвиг твой да будет вечен,
Советский воин-исполин!

31 августа 1943

163. ЗДРАВСТВУЙ, СМОЛЕНСК!

Ты спешишь к дорогам, к переправам,
Ты родных встречаешь сыновей...
Здравствуй, город древней русской славы,
Здравствуй, город юности моей!

Сколько раз в мучительной разлуке,
На войне вдыхая горький дым,
Издали протягивал я руки
К площадям и улицам твоим.

Ты лежал под вражеской пятóю,
Залит весь горючею слезой...
Что они наделали с тобою,
Город песен, город ясных зорь!

Не твои ль сады они срубили?
Не твои ли улицы сожгли?
Не твоих ли девушек сгубили,
Как рабынь, в неволю увели?

Не твоей ли кровью обливался
Каждый камень этих площадей?..
Всё ты вынес, выдержал, не сдался,
Город-пленник, город всех скорбей.

От тебя ни пыткою, ни казнью
Враг не смог добиться ничего.
Верил ты, что будет этот праздник,
Праздник воскресенья твоего;

Что врагу за все его разбойства
Счет предъявит русская земля...
Срок настал. И двинули мы войско
К древним стенам твоего кремля.

Вот оно проходит пред тобою,
Названное именем твоим,
И победы знамя боевое
Гордо развевается над ним.

К площадям, к дорогам, к переправам
Ты спешишь встречать богатырей...
Ты свободен, город русской славы,
Светлый город юности моей!

Сентябрь 1943

164. СЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩИ...

— Слушайте, товарищи!
Наши дни кончаются,
Мы закрыты-заперты
С четырех сторон...
Слушайте, товарищи!
Говорит, прощается
Молодая гвардия,
Город Краснодон.

Всё, что нам положено, —
Пройдено, исхожено.
Мало их осталося —
Считанных минут.
Скоро нас, измученных,
Связанных и скрученных,
На расправу лютую
Скоро поведут.

Знаем мы, товарищи, —
Нас никто не вызволит,
Знаем, что насильники
Довершат свое,
Но когда б вернулася
Юность наша сызнова,
Мы бы вновь за родину
Отдали ее.

Слушайте ж, товарищи!
Всё, что мы не сделали,
Всё, что не успели мы
На пути своем, —
В ваши руки верные,

В ваши руки смелые,
В руки комсомольские
Мы передаем.

Мстите за обиженных,
Мстите за униженных,
Душегубу подлому
Мстите каждый час!
Мстите за поруганных,
За убитых, угнанных,
За себя, товарищи,
И за всех за нас.

Пусть насильник мечется
В страхе и отчаянье,
Пусть своей Неметчины
Не увидит он! —
Это завещает вам
В скорбный час прощания
Молодая гвардия,
Город Краснодон.

26 октября 1943

165. БЕЛОРУССКАЯ ПЕСНЯ

Ой вы, вольные птицы,
Ой вы, серые гуси!
Долетите вы, гуси,
До моей Беларуси;
До моей Беларуси,
До родимой сторонки,
А в родимой сторонке —
До деревни Сосёнки.

Прокричите вы, гуси,
Высокó в поднебесье,
Что с победою скоро
Мы придем на Полесье;
Мы придем на Полесье
В города и селенья,

Нашим братьям и сестрам
Принесем вызволенье.

Пусть они не сдаются,
Пусть они ожидают,
Для фашистов могилу
Пусть поглубже копают;
Пусть поглубже копают,
Пусть копают пошире —
За кровавые раны,
За обиды большие.

А еще, мои гуси,
Разыщите дивчину,
Что ушла партизанить
За родную краину.
От меня передайте
Ей одно только слово —
Нерушимое слово,
Что мы встретимся снова.

Долетите ж вы, гуси,
До родной Беларуси.

1—2 ноября 1943

166. ЕСТЬ ВО ВСХОДСКОМ РАЙОНЕ...

Есть во Всходском районе деревня такая,
Где над речкой крушина цвела,
Где гармонь, на гулянье девчат закликая,
Вдоль по берегу вечером шла;
Где в полях поднималися дружные всходы,
По оврагам журчали ручьи,
Где на ясные зори, на тихие воды
Прилетали весной соловьи...

Есть во Всходском районе деревня такая,
Где оставил я детство свое.
И куда б я ни шел, мне звучал, не смолкая,
Теплый, ласковый голос ее.
И не раз мое сердце туда порывалось —
В золотые ее вечера...

Ничего от деревни моей не осталось,
    Ничего — ни кола, ни двора.
Оплели ее немцы колючкою ржавой,
    Чтобы жить и дышать не могла,
И во имя разбойной фашистской державы
    Подожгли и спалили дотла.

Всё растерзано, смято, разбито, разрыто,
    И неведомо сколько недель —
Одинокий и скорбный, людьми позабытый —
    Над колодцем скрипел журавель.
Опаленный пожаром, взывал он о мести
    За великие муки земли,
За людей, что палач растоптал, обесчестил,
    Что до срока в могилу легли.

И сурово земля оскорбленная мстила
    Душегубу — врагу своему:
За два года она не дала, не взрастила
    Ни единой былинки ему.
Никакой, даже самой жестокой угрозой
    Враг добиться не мог ничего,
Лишь могильных крестов из смоленской березы
    Не жалела земля для него.
Получил он сполна, что другим напророчил, —
    Бесноватый фашистский пророк!
И росли и росли эти мертвые рощи
    У больших и у малых дорог.

И пришла, наступила такая година —
    Прокатилась чумная орда!..
Ты навеки свободна, родная краина, —
    Черный день не вернется сюда.
Стихли зарева, смолкли раскаты орудий,
    Чист и ясен вдали небосклон.
И впервые на свет выбираются люди, —
    Кончен тяжкий кровавый полон!
И, сверкая на солнце, в разливе широком,
    Льется тихо и плавно Угра,
И погонщики гонят стада по дорогам,
    И на стройку спешат мастера.

На родных пепелищах — с утра до заката —
Топоры неумолчно стучат,
И, поднявшись над пеплом, сосновые хаты,
Словно колокол медный, звучат.
Вон уже воробьи примостились на крыше,
Вон из труб показались дымки...
— Ничего... уж теперь поживем мы,
подышим, —
Не спеша говорят старики.

Расправляйся ж и крепни, сторонка родная,
Беспечально и вольно живи!
Пусть опять, словно песня большая-большая,
Поднимаются всходы твои,
Пусть добром наполняется каждая хата,
Пусть бушуют сады над Угрой
И на берег высокий выходят девчата
На свиданье вечерней порой.
Всё, что было с тобою, — пусть в сон обернется
И твои не туманит глаза,
Пусть отныне твоей головы не коснется
Никогда никакая гроза!

Ноябрь 1943

167. ГДЕ МОЙ ДОМ?..

Где мой дом, моя родная хата? —
Вспоминать об этом нелегко...
Далеко село мое, ребята,
Далеко за фронтом, далеко.

И не знаю — почему мне снится,
Почему мне кажется порой,
Что оно и до сих пор дымится
Над холодной мутною рекой;

В небе птицы мечутся в испуге, —
Негде им укрыться от беды,
И свои обугленные руки
Простирают над землей сады.

А земля затоптана врагами, —
Хлеб не всходит, не растет трава.

И шуршит печально под ногами
Лишь сухая ржавая листва.

Люди бродят, как живые тени,
Валятся от ветра на пути...
И от этих горестных видений
Я покоя не могу найти.

И хожу я, словно виноватый,
Что чума вошла в наш дом родной...
Далеко село мое, ребята,
Далеко за фронтом, за войной.

Только — что бы ни было со мною —
Я к нему дорогу проложу,
В смертной битве с нелюдью чумною
Сил своих, себя не пощажу.

Я пройду через леса и реки
В те места, где вся земля черна,
Где сады не зашумят вовеки,
Коль со мною не придет весна.

И когда злодея — днем иль ночью —
Я, солдат, отправлю на погост, —
Длинный путь становится короче,
Может, сразу на десятки верст;

Может, там — лишь брошу я гранату —
Оживает дерево в саду...
Далеко село мое, ребята,
Но туда я все-таки приду!

1943

168. ПРИМИТЕ МЕНЯ, ВЕКОВЫЕ ДУБРАВЫ...

Примите меня, вековые дубравы,
Укройте от горького горя!
Одно бы я горе сама одолела,
Да рядом шагает другое...

Росла я, жила на родимой сторонке,
Где люди нужды не встречали,
Где в каждой деревне и в каждом семействе
На славу гостей угощали;
Где новые хаты, что бубен, звенели
И стружкою пахли сосновой,
Где осенью шумные свадьбы справляли
И пели «Бывайте здоровы»:
«Бывайте здоровы, живите богато,
А мы уезжаем до дому...»

Всё кончилось разом — прошла непогода
По нашему краю родному.
Враги налетели — людей полонили,
И руки и ноги скрутили,
Озера и реки они помутили,
И небо они закоптили.
Отцовскую хату сровняли с землею,
Село превратили в кладби́ще.
Колючий бурьян да густая крапива
Шумят на родном пепелище...
Примите ж меня, вековые дубравы,
Укройте от горького горя!
Одно бы я горе сама одолела,
Да рядом шагает другое...

Я с милым своим на родимой сторонке
На тех берегах повстречалась,
Где в теплые ночи, в июньские ночи,
Заря об зарю зажигалась:
Одна догорала, а рядом другая,
Другая заря занималась,
Одна перепелка во ржи запевала,
Другая в лугах откликалась...

Всё кончилось разом — фашистская пуля
Убила родного, убила...
А я ж отдала ему душу и сердце,
А как же его я любила!..
А мне не позволили даже проститься,
Побыть у него на могиле, —

Схватили, втолкнули в вагон за решетку
    И наглухо двери закрыли.
Штыком и прикладом забыть приказали
    Родимую нашу краину,
Всё дальше и дальше увозят на запад —
    На муку, на смерть, — на чужбину.
И я не стерпела. В поруганном сердце
    Вскипела вся воля и сила!
Стальная решетка меня не сдержала,
    И пуля меня не скосила...

Примите ж меня, вековые дубравы,
    Укройте от лютой угрозы!..
Вы скажете — пла́чу... Нет, я не заплачу, —
    Я дома оставила слезы.
Я их схоронила под пеплом горючим,
    Под старой отцовской ветлою.
Одну только ненависть к подлому кату
    Взяла я в дорогу с собою.
За всё мне ответит, за всё мне заплатит,
    Заплатит пришелец незваный!..
Примите ж меня, вековые дубравы,
    Примите меня, партизаны!

5 декабря 1943

169. НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Друзья мои и весь народ,
    Поднимем этот тост
За Новый год, что к нам идет,
    За наш победный рост.

За тех, чья грозная рука
    Врагов нещадно бьет,
За тех, кто нынче у станка
    Оружие кует,

За тех, кто каждую весну
    Готовит урожай, —
За всех людей, за всю страну,
    За весь великий край.

В суровый день, в суровый час,
Когда идет война,
Одно желание у нас
И цель у всех одна:

Чтоб ненавистного врага
Стереть с лица земли,
Чтоб навсегда его снега
В сугробах погребли;

Чтоб он холодною зимой,
Без троп и без дорог,
Бежал в отчаянье домой
И чтоб уйти не смог;

Чтоб отдохнула вся земля
От грохота атак...
Поднимем тост, мои друзья,
Чтоб это было так!

Поднимем тост за Новый год,
За жизнь на много лет,
За партию, что нас ведет
Дорогою побед!

30 декабря 1943

170. ПЕСНЯ ПРО «КАТЮШУ»

И на море и на суше —
По дорогам фронтовым —
Ходит русская «катюша»,
Ходит шагом боевым.

Подчистую фрицев косит,
Подчистую гадов бьет, —
И фамилии не спросит,
И поплакать не дает.

Фрицам главный штаб прикажет,
Чтобы шли они вперед,
А «катюша» слово скажет —
Как метлою подметет.

Налетит «катюша» вихрем —
Чем ее остановить?
И задумал Гитлер «тигров»
На «катюшу» натравить.

Но такие им гостинцы
Приготовила она,
Что осталась от зверинца
Только химия одна.

У красавицы «катюши»
Всё выходит в аккурат.
«Словно рыбу, фрицев глушит», —
Про «катюшу» говорят.

Говорят, и после смерти
Слышат фрицы грозный шквал
И что даже на том свете
Лезут прятаться в подвал.

8 января 1944

171. ЛУЧШЕ НЕТУ ТОГО ЦВЕТУ...

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придет.

Как увижу, как услышу —
Всё во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем,
И куда — не знаем сами,
Словно пьяные, бредем.

Мы бредем по тем дорожкам,
Где зеленая трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.

А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц —
Хоть иголки подбирай.

За рекой гармонь играет —
То зальется, то замрет...
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет.

Май 1944

172. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты знаешь, я думаю часто, —
Когда прекратится война,
Сойду я на станции:
— Здравствуй,

Родная моя сторона!
Вот я и вернулся до дому —
Твой житель, твой старый знакомый,
Твой сын — черноморский матрос;
Он с южного теплого моря
На север, в деревню Подворье,
И мир и победу принес...

Чтоб сердце остыло немного,
У станции я постою
И памятной с детства дорогой
Отправлюсь в деревню свою;
Пойду я родной стороною
В безоблачный утренний час,
И встанет она предо мною,
Какой представлялась не раз,
Какою мечталась и снилась,
Какой на войне не забылась, —
Родная моя сторона!
В ней только одно изменилось,
Что стала дороже она.

И, запахи поля вдыхая,
Мне радостно будет шагать.

Березы, с пригорков сбегая,
Мне ветками будут махать;
Пастуший рожок за оврагом
Взгрустнет и замрет в тишине.
На улице шумной ватагой
Мальчишки метнутся ко мне
И будут дивиться в избытке:
— Смотри, с якорями!.. моряк! —
И выйдет сосед из калитки
И скажет:
— Здорово, земляк!
С победой тебя и с возвратом,
С приходом в родные края!..

А вот и отцовская хата —
Приют мой и кровля моя.
И вот я иду через сени,
В сенях половицы скрипят,
И вот уж целуюсь со всеми
И всех обнимаю подряд.
И мать по плечу меня гладит,
Хлопочет, спешит угостить,
К столу приглашает и садит,
Не зная, куда посадить.
Седой, деловитый в движеньях,
Отец разливает вино:
— Ну, что же, сынок, с возвращеньем —
Пожалуй, не будет грешно... —
В расспросах, в рассказах, в беседе
Пройдет незаметно полдня,
А там — потянулись соседи
Послушать, взглянуть на меня.
И двери не знают покоя —
Идет и один и другой, —
Как будто я чудо какое,
Как будто я праздник какой.

И радостно станет мне снова,
Что я хорошо воевал,
Что в час испытаний суровых
Сдержал краснофлотское слово —
Пощады врагам не давал;

Что эти поля и дубравы,
Деревни, поселки, сады
Сберег от смертельной расправы,
От лютой фашистской беды...
Я думаю часто об этом
Великом торжественном дне,
И ясным немеркнущим светом
Он издали светится мне.
И бьюсь я бесстрашно с врагами —
С фашистскою злобной ордой,
Чтоб мне не с пустыми руками
В тот день возвратиться домой,
А чтобы с далекого моря
Со славой и с честью прийти, —
В родную деревню Подворье
Победу и мир принести!

22 июня 1944

173. СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что́ ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилася под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;

Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...
Тебя морили мором,
И жгли тебя огнем,
Землею засыпáли
На кладбище живьем;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
Во вражьих блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавила металл,
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест, —
Сурово и достойно
Неслá свой тяжкий крест...

Ты всё перетерпела,
Познала всё сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей...

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.

Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За всё, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

1944

174. РАССКАЗ ПРО СТЕПАНА И ПРО СМЕРТЬ

1

К Степановой хате весной, перед вечером,
Подкралася смерть неприметной тропой.
— Степан Алексеич! Раздумывать нечего...
Степан Алексеич! Пришла за тобой.
Как видно, пропала ухватка железная, —
Лежишь ты да зря переводишь харчи...
— Что верно, то верно — хвораю, болезная,
Что правда, то правда — лежу на печи.
Давно уж задумал я думу нездешнюю,
Давно отошел от полей и двора...
— Ну, что ж, приготовь свою душеньку грешную,
Сегодня твоя наступила пора...
— Готов я. И доски для гроба натесаны,
И выбрано место... Дорога одна...
А только нельзя ли отсрочить до осени? —
Уж больно хорошая нынче весна.
Хочу перед ночью своей нескончаемой
При свете, при лете пожить, подышать,
На всё на живое взглянуть на прощание,
Чтоб легче мне было в могиле лежать.

Опять же, хоть стар я, а всё же с понятием,
И знать, понимаешь ли, надобно мне —
Что наши решили насчет неприятеля
И как повернутся дела на войне.
Узнаю про всё и умру успокоенный, —
Ни словом, ни делом тебе не солгу... —
И смерть отвечала:
— Пусть будет по-твоему,
До первого снега отсрочить могу.

2

Вот лето промчалось. Покосы покошены.
Хлеба обмолочены. Тихо кругом.
Земля принакрылася белой порошею,
И речка подернулась первым ледком.
В окошко старик посмотрел, запечалился:
Знакомая гостья спешит через двор.
— Степан Алексеич! Отсрочка кончается...
Степан Алексеич! Таков уговор...
— Что верно, то верно... Пора мне
скопытиться, —
Степан говорит, — отслужил — и в запас.
Да знаешь ли, дело такое предвидится,
Что мне умереть невозможно сейчас.
За всё моя совесть потóм расквитается,
А нынче бы надо со мной погодить:
Прибыток в дому у меня ожидается —
Невестка мне внука должна народить.
И хочешь не хочешь, но так уж приходится, —
Позволь мне хоть малость постранствовать тут:
Мне б только дождаться, когда он народится,
Узнать бы — какой он и как назовут.
И много ль для этого надобно времени?
Ну, месяц, ну, два... Так о чем же тут речь?..
К тому же, пока еще нет замирения,
На недругов надо б тебе приналечь.
А там — приходи. Три аршина отмеривай, —
Степан не попросит уже ничего.
И будет лежать он — спокойный, уверенный,
Что живо, что здравствует племя его.
Солдату бывалому, старому воину —

Сама понимаешь — не грех уступить... —
И смерть отвечала:
— Пусть будет по-твоему,
Хитришь ты, я вижу, да так уж и быть...

8

Мороз отскрипел. Отшумела метелица.
Снега потеряли свою белизну.
Туман вечерами над речкою стелется,
На улицах девушки кличут весну.
Ручей на дорогу откуда-то выбежал, —
Запел, заиграл, молодой баламут!..
Степан Алексеич поднялся — не выдержал,
Уселся на лавку и чинит хомут.
И любо Степану, и любо и дорого,
Что он не последний на ниве людской:
Поди не надеялись больше на хворого,
А хворый-то — вот он, выходит, какой!
И сам хоть куда, и работа не валится
Из старых толковых Степановых рук.
А внуком и вправду Степан не нахвалится,
Да как нахвалиться? — орел, а не внук!
Накопит он силы, войдет в разумение,
А там — и пошел по отцовским стопам!
Задумался старый... И в это мгновение
Послышался голос:
— Готов ли, Степан? —
Степан оглянулся:
— Явилася, странница!..
А я-то, признаться, забыл уж давно:
На старости память, как видно, туманится,
И помнить про всё старику мудрено.
— Ой, врешь ты, Степан, —
заворчала пришелица, —
Совсем очумел от моей доброты!
Я думала — всё уж... А он канителится —
Расселся и чинит себе хомуты!
Ужели ж напрасно дорогу я мерила?
Хорош, человече! Куда как хорош!
А я-то на честное слово поверила,

А мне-то казалось, что ты не соврешь...—
Старик не сдержался:
— Казалось! Казалося!
Подумаешь тоже — нарушил обет!..
Да что ты, всамделе, ко мне привязалася,
Как будто другого занятия нет?
Понравилось, что ли, за старым охотиться?
Стоишь над душой, а не знаешь того,
Что скоро с победою сын мой воротится
И пишет он мне, чтобы ждал я его.
И как же не встретиться с ним, не увидеться,
И как не дождаться желанного дня? —
Великой обидою сердце обидится,
Коль праздник мой светлый придет без меня.
Не вовремя ты на меня изловчилася,
Не в срок захотела меня уложить:
Уж как бы там ни было, что б ни случилося,
А Гитлера должен Степан пережить!
И что ты ни делай и что ни загадывай, —
Пока не услышу, что Гитлер подох,
Ты лучше в окошко мое не заглядывай,
Ты лучше ко мне не ступай на порог.
И это тебе мое слово последнее,
И это тебе окончательный сказ!..—
Подумала смерть, постояла, помедлила,
Махнула рукою и скрылась из глаз.

1944

175. ГДЕ Ж ВЫ, ГДЕ Ж ВЫ, ОЧИ КАРИЕ?

Где ж вы, где ж вы, очи карие?
Где ж ты, мой родимый край?
Впереди — страна Болгария,
Позади — река Дунай.

Много верст в походах пройдено
По земле и по воде,
Но советской нашей родины
Не забыли мы нигде.

И под звездами балканскими
Вспоминаем неспроста
Ярославские, рязанские
Да смоленские места.

Вспоминаем очи карие,
Тихий говор, звонкий смех...
Хороша страна Болгария,
А Россия лучше всех.

1944

176. ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

Не тревожь ты себя, не тревожь,
Обо мне ничего не загадывай
И, когда по деревне идешь,
На окошко мое не поглядывай.

Зря записок ко мне не пиши,
Фотографий своих не раздаривай:
Голубые глаза хороши,
Только мне полюбилися карие.

Полюбились любовью такой,
Что вовек никогда не кончается...
Вот вернется он с фронта домой
И под вечер со мной повстречается.

Я прижму его к сердцу, прижму
Молодыми руками горячими,
И скажу я в тот вечер ему,
Что самою судьбой предназначено.

А тебя об одном попрошу —
Понапрасну меня не испытывай.
Я на свадьбу тебя приглашу,
А на большее ты не рассчитывай.

1944

177. ЖИВЕТ У НАС В ПОСЕЛКЕ...

Живет у нас в поселке,
Над самою рекой,
Живет один парнишка,
Парнишка молодой.

У этого парнишки
На пиджаке медаль,
От этого парнишки
Пришла моя печаль.

Идет ли он с работы,
Гуляет ли в саду,—
Ни разу не заметит,
Что я кого-то жду.

Видать, парнишка мною
Не дорожит ничуть,—
Хотя бы оглянулся,
Сказал бы что-нибудь!

Но он проходит мимо,
А я молчу, терплю...
Не знаешь ты, парнишка,
Как я тебя люблю!

1944

178. ЛАСТОЧКА

Еще и артиллерия гремела
И мины рвались на краю села,
А ласточка уже взялась за дело
И, хлопоча, гнездо себе вила.

И люди выходили из укрытий
Навстречу дню большому своему,
И люди говорили: «Посмотрите,
Хоть и мала, а знает — что к чему».

1944

179. В НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Далеко мы ушли
От советской земли, —
Здесь походное наше жилье.
Но в родной стороне,
В той, что снится во сне,
Мы оставили сердце свое.
Так давайте ж споем
Про нее за столом
И давайте нальем
За нее.
За родную страну,
За родные края
Наливайте, друзья,
Поднимайте, друзья!

В этот день, в этот час
До́ма вспомнят про нас, —
Вспомнит друг, и подруга, и мать.
Ждут они одного,
Ждут сильнее всего,
Чтобы нас поскорей увидать.
За того, кто нас ждет,
Чья любовь не умрет,
Кто нам верен во все времена, —
За своих матерей,
За подруг, за друзей
Наши чарки осушим до дна!

Мы вернемся, придем,
Мы увидим свой дом, —
И да будет та встреча светла!
Но дорога домой —
В край отцовский, родной —
Через город Берлин пролегла.
Выпьем все как один
За поход на Берлин,
За победный, последний поход,
За удачу свою
И за доблесть в бою,
За того, кто к победе ведет!

И за то, чтобы враг
Пал, поверженный в прах, —
За ключи
От берлинских ворот!

30 декабря 1944

180. ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Отходили свое, отгуляли метели,
Отшумела в оврагах вода.
Журавли из-за моря домой прилетели,
Пастухи выгоняют стада.

Веет ветер весенний — то терпкий, то сладкий,
Снятся девушкам жаркие сны.
И всё чаще глядят на дорогу солдатки —
Не идут ли солдаты с войны.

Пусть еще и тиха и безлюдна дорога,
Пусть на ней никого не видать, —
Чует сердце — совсем уж, совсем уж немного
Остается теперь ожидать.

Скоро, скоро приказ о победе услышат
В каждом городе, в каждом селе.
Может статься, сегодня его уже пишут,
Всем на радость, в московском Кремле.

Апрель 1945

181. УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ...

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться.

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена;

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается,
Люби ж, покуда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая —
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

24 июля 1945

182. ОПЯТЬ ПЕЧАЛИТСЯ НАД ЛУГОМ...

Опять печалится над лугом
Печаль пастушьего рожка.
И, словно гуси, друг за другом
Плывут по небу облака.

А я брожу неторопливо
По этим памятным местам.
Какого здесь ищу я дива,
Чего я жду — не знаю сам.

У этих сел, у этих речек,
На тихих стежках полевых
Друзей давнишних я не встречу
И не дождусь своих родных.

Одни ушли, свой дом покинув, —
И где они, и что нашли?
Другим селибу в три аршина
Неподалеку отвели...

Какого ж здесь искать мне чуда,
Моя родная сторона!
Но я — твой сын, но я — отсюда,
И здесь прошла моя весна.

Прошла моя незолотая,
Моя незвонкая прошла.
И пусть она была такая, —
Она такая мне мила.

И мне вовеки будет дорог
Край перелесков и полей,
Где каждый дол и каждый взгорок
Напоминают мне о ней.

Пусть даже стерлись все приметы,
Пусть не найти ее следа,
И всё ж меня дорога эта
Зовет неведомо куда.

1945

183. РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей —
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают всё ниже,
А громы грохочут всё ближе,
Всё чаще недобрая весть.
И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросалися в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За всё ты бралася без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала, —
Да разве же всё перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

1945

184. ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

185. СНОВА ЗАМЕРЛО ВСЁ ДО РАССВЕТА...

Снова замерло всё до рассвета —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:

То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся — кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой.

Может статься, она — недалёко,
Да не знает — ее ли ты ждешь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даешь?!

1945

186. ГАЗЕТЕ «ПРАВДА»

(В день выхода десятитысячного номера)

Свой день, свой праздник празднуешь ты снова,
И вновь тебя приветствует народ...
Из года в год твое живое слово
Звучало нам и нас вело вперед.

Оно в труде нам силы придавало,
И свет его светил по всей стране;
Оно с бойцами рядом воевало
И побеждать учило на войне.

Во всех делах жила ты вместе с нами, —
Наставником и другом ты была,
И боевое ленинское знамя
Ты столько лет со славою несла!

Ты от страны родной неотделима,
Нигде свою не запятнала честь.
И названа ты «Правдой» справедливо:
Народной правдой ты была и есть!

1945

187. ПИСЬМО ЗЕМЛЯКАМ

Лишь снега потемнеют
И запахнет весною,
Вновь смоленские дали
Встают предо мною;
Вновь я вижу пределы,
Где в недавнюю пору
Враг топтал и калечил
Всё, как есть, без разбору;
Где лежали в руинах
Города и селенья,
Зарастая бурьяном —
Травой запустенья...

Навсегда я запомнил,
Как к домам разоренным
Возвращалися люди
По полям обожженным;
Как смотрели безмолвно,
Глаза утирали:
Многих, многих не стало,
Многих мы потеряли!
Всё кругом позаглохло,

Всё кругом одичало,
И живым обживаться
Нужно было сначала...
Но пускай об утратах
Наше сердце крушилось, —
Все мы знали, что правда
На земле совершилась:
Покатились на запад
Фашистские каски,
Стало можно повсюду
Дышать без опаски,
Проходить без боязни
По земле по родимой —
По израненной, скорбной,
Но до боли любимой.
Пусть всего вы лишились
До последней картошки,
Пусть у вас не осталось
Даже чашки и ложки;
Пусть дороги и тропы
Заросли полевые, —
Не упали вы духом,
Земляки дорогие.
По-хозяйски вы взялись —
Разумно, умело —
За большую работу,
За доброе дело.
Трудно было вам, трудно,
И забыть я не в силе,
Как вы из лесу бревна
Не возили — носили;
Как лопатами поле
По весне вы копали,
Как зерно для посева
На спине вы таскали...

Тяжко было вам, тяжко,
Но и так еще скажешь:
Коль фашистов свалили,
То уж это — не тяжесть.
Стали вашими снова
И поля и покосы;

Ваше солнце всходило,
Ваши падали росы;
Ваши срубы рубились,
Ваши печи топились,
К вам на помощь машины
Из Москвы торопились;
К вам погонщики гнали
Стада по дорогам...
Стали вы обживаться,
Обжились понемногу.
И хотя еще в доме
Нет большого достатка,
И хотя еще часто
Вам бывает несладко, —
Но уже недалёко
Те самые годы,
Когда вы заживете,
Не зная невзгоды.
Всё, что враг уничтожил
Жестокой рукою,
Всё, что было когда-то,
К вам вернется с лихвою;
Станет край наш смоленский
Богаче и краше,
В том великой порукою —
Партия наша.

Я привет вам душевный,
Друзья, посылаю,
Встретить радостно, славно
Майский праздник желаю.
Я желаю вам счастья
В этот день всенародный —
И успеха в работе,
И весны хлебородной,
И хороших покосов,
И ясной погоды,
И здоровья и силы
На долгие годы!

1946

188. В ДНИ ПРАЗДНИКА

Так повелось, что в эти дни всегда —
В кругу друзей, в кругу своем домашнем —
Мы вспоминаем прошлые года
И думаем о будущем о нашем.

Мы вспоминаем тяжкие бои,
Когда гроза над всей землей нависла,
И тех из нас, что головы свои
За Родину сложили бескорыстно.

Мы вспоминаем час великий тот,
Когда впервые замолчали пушки,
Когда встречал победу весь народ
И в городах, и в каждой деревушке...

Такой прошли мы с вами трудный путь,
Такую тяжесть с вами одолели!
И нас никто не смеет упрекнуть,
Что мы чего-то сделать не сумели.

Враг побежден. Окончена война —
Замолкла, отошла, отгрохотала.
Но мы живем в такие времена,
Когда про отдых думать не пристало.

Не наш ли долг — вернуть стране родной
Своими неустанными руками
Всё то, что было отнято войной,
Что было уничтожено врагами?

Не наш ли долг — заводы возводить,
Копать руду, раскрыв пласты земные,
Дороги строить и сады садить,
Пахать поля, растить хлеба густые?

Пусть нелегко приходится подчас,
Но мы отлично понимаем с вами:
Никто, никто не сделает за нас
Того, чего не сделаем мы сами.

И как тогда, в суровый час войны,
У всех у нас единое желанье:
Отчизна-мать! Мы — все твои сыны,
Мы выполним твои предначертанья.

И как бы ни был труден этот путь,
Мы не отступим, мы достигнем цели.
И нас никто не сможет упрекнуть,
Что мы чего-то сделать не сумели.

<1946>

189. ЗЕЛЕНА БЫЛА МОЯ ДУБРАВА

Всё во мне от счастья замирало,
Как к нему я шла.
Зелена была моя дубрава,
Зелена была...

Мы встречались с ним у перекрестка,
Мы бродили там.
Каждый кустик, каждая березка
Радовались нам.

Вся земля дышала и светилась,
Но прошла весна,
Птицы смолкли, небо помутилось, —
Началась война...

Он погиб у города Медыни —
Боль моя, слеза.
Навсегда закрылись молодые
Умные глаза.

У тропы — тропинки неприметной,
Между двух рябин,
Со своею славою бессмертной
Он лежит один.

Весть о нем, как горькая отрава,
Сердце мне прожгла. . .
Зелена была моя дубрава,
Зелена была.

1946

190. ИЗ ЧИСТОПОЛЬСКИХ ЗАПИСЕЙ

(1941—1942)

День и ночь прядут метели
В двести тысяч веретен. . .
Городок в снегах затерян
И снегами заметен.

Восемь суток почты нету —
Ни газеты, ни письма!
На дороге, видно, где-то
Замела ее зима.

Хоть бы радио нежданно
Весть какую принесло!
Но и радио недавно
Здесь на шепот перешло.

Мы сидим вдвоем с тобою.
Дом заснул. Огонь потух. . .
Только ветры за стеною
Разговаривают вслух.

1946

191. ПРОБИЛАСЬ ЗЕЛЕНЬ ПОЛЕВАЯ. . .

Пробилась зелень полевая
Навстречу свету и теплу,
И, настежь окна раскрывая,
Весна проходит по селу.

Ручей в овражке еле слышно
Поет о чем-то о своем,
И машет белой веткой вишня:
«Растем, товарищи, растем!»

1946

192. ПО РОСИСТОЙ ЛУГОВОЙ...

По росистой луговой,
По извилистой тропинке
Провожал меня домой
Мой знакомый с вечеринки.

Возле дома он сказал,
Оглядевшись осторожно:
— Я бы вас поцеловал,
Если это только можно.

Я ответила ему,
Что, конечно, возражаю,
Что такого никому
Никогда не разрешаю.

Сразу парень загрустил,
Огорченный, стал прощаться, —
Дескать, значит, я не мил,
Дескать, лучше б не встречаться.

Я в глаза ему смотрю.
— Раз такое положенье,
То уж ладно, — говорю, —
Поцелуй... без разрешенья.

1946

193. СЛАВА НАРОДУ

От бескрайней равнины Сибирской
До полесских лесов и болот
Поднимался народ богатырский,
Наш великий советский народ.

Выходил он, свободный и правый,
Отвечая войной на войну,
Постоять за родную державу,
За могучую нашу страну.

Сокрушая железо и камень,
Он врага беспощадно разил,
Над Берлином победное знамя —
Знамя правды своей водрузил.

Он прошел через пламя и воду,
Он с пути не свернул своего.
Слава, слава герою-народу,
Слава Армии Красной его!

1946

194. НА СМЕРТЬ М. И. КАЛИНИНА

Я вспоминаю: с севера и с юга,
Под жарким солнцем и в ненастной мгле,
К нему крестьяне ехали, как к другу,
Поговорить о жизни, о земле.

В те дни деревня новый путь искала,
За новой правдой шла в Москву она,
И у него тогда перебывала,
Наверно, вся Советская страна.

К нему стучались в двери днем и ночью,
И был для всех он как живой родник —
Тверской крестьянин, питерский рабочий
И ленинской закалки большевик.

И все его любили как родного, —
От стариков до маленьких детей.
Его дела, его простое слово
Навек остались в памяти людей.

Пусть нет его сегодня между нами,
Но это имя — всей своей душой —
Поднимем мы как боевое знамя,
Как символ жизни правой и большой.

1946

195. МОСКВА

И скорбь утрат и горечь отступленья
Мы испытали в том году не раз,
Но никогда, ни на одно мгновенье
Уверенность не покидала нас.

Враг наступал. От грохота моторов
Земля дрожала, гнулись дерева.
Но знали мы, что есть у нас опора,
Что есть на свете Красная Москва;

Она себя еще не раз покажет, —
Судьбу войны лишь ей решить дано,
И как Москва задумает и скажет,
То так и выйдет. Так и быть должно.

И срок настал. Москва сказала слово.
И чужеземец, слышавший его,
Едва ли мог с земли подняться снова,
Едва ль дошел до дома своего.

Да, срок настал!.. Напрасно лютой карой
Грозил Москве фашистский властелин:
Нет, не Москва поникла под ударом —
Поник Москвой поверженный Берлин.

Он ждал от нас богатой русской дани,
И нашу дань он получил сполна!..
Свою Москву в обиду мы не дали,
Как нас в обиду не дала она.

И, как всегда, Москва стоит сегодня,
И ей стоять по праву тыщи лет.
Велик и славен труд ее и подвиг,
Высок ее неугасимый свет.

Она стоит, советская столица, —
И мощь, и разум, и душа страны.
Огни ее, как дальние зарницы,
Со всех пяти материков видны.

Она стоит под ясным небосводом,
Под знаменем, взнесенным над Кремлем, —
Оплот бессмертной правды и свободы,
Надежда всех народов и племен.

Она стоит — могучий город русский,
И никогда не склонит головы...
Вся жизнь была б безрадостной и тусклой,
Когда б на свете не было Москвы.

Но жизнь идет... Спешат из школы дети,
И светит солнце, и шумит трава.
И жизнь поет, что радость есть на свете,
Что есть на свете Красная Москва.

1947

196. В ПОЛЕ

Мне хорошо, колосья раздвигая,
Прийти сюда вечернею порой.
Стеной стоит пшеница золотая
По сторонам тропинки полевой.

Всю ночь поют в пшенице перепелки
О том, что будет урожайный год,
Еще о том, что за рекой в поселке
Моя любовь, моя судьба живет.

Мы вместе с ней в одной учились школе,
Пахать и сеять выезжали с ней.
И с той поры мое родное поле
Еще дороже стало и родней.

И в час, когда над нашей стороною
Вдали заря вечерняя стоит,
Оно как будто говорит со мною,
О самом лучшем в жизни говорит.

И хорошо мне здесь остановиться
И, глядя вдаль, послушать, подождать...
Шумит, шумит высокая пшеница,
И ей конца и края не видать.

1947

197. НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

День погожий, день весенний,
Неба синего простор...
Деловито на машине
Вез начальника шофер.

Вдруг на взгорке, на пригорке,
У скрещения дорог,
Увидал шофер девчонку,
И мотор его заглох.

Говорит шофер со вздохом:
— Здесь придется мне сойти:
Незнакомая дорога,
Надо справки навести.

Он выходит из машины,
Он шагает за кювет,
Справки точные наводит —
Как зовут и сколько лет.

А девчонка отвечает:
— Совершенные лета́.
Совершенные лета,
И никем не занята́.

Так они стояли оба,
Продолжая разговор.
И про все как есть дороги
Позабыл тогда шофер...

Возвратился он к машине,
А начальник — аж кипит:
— Слишком долго эти справки
Ты наводишь, — говорит.

— Виноват! — сказал водитель. —
Только выслушайте всё ж:
Здесь ведь столько поворотов,
Что не сразу разберешь.

1947

198. КРАЙ МОЙ СМОЛЕНСКИЙ...

Край мой смоленский,
Край мой родимый!
Здесь моя юность
Когда-то бродила.

Здесь моя юность
Когда-то бродила,
По перелескам
Костры разводила.

В жите высоком
Венки заплетала,
Встречи нежданной
Здесь ожидала.

В дальние дали
Отсюда стремилась.
Где ж она делась?
Куда ж она скрылась?

Знать, отшумела
Весенней водою,
Знать, отгорела
Вечерней зарею.

В поле следы ее
Смыты дождями,
Голос развеян
Глухими ветрами...

Что ж я брожу
По родимому краю,
Что же я снова
Ее вспоминаю?

«Ей никогда
Не вернуться обратно», —
Желтые листья
Мне шепчут невнятно.

Гуси кричат,
Надо мной пролетая,
Что миновала
Пора золотая.

Кто-то чуть слышно
Ведет на гармошке:
«Позарастали
Стежки-дорожки;

Позарастали
Мохом, травою,
Где мы гуляли,
Милый, с тобою. . .»

1947

199. РАЗГОВОР НА КРЫЛЬЦЕ

Август месяц. Тихо. Сухо.
    Предвечерний час.
На крыльце сидит старуха
    И ведет рассказ:

— Я любое знала дело,
    На любое шла.
И пахать, и жать умела,
    И косить могла.

Молотила, лен трепала
    До вечерних звезд.
Одного холста наткала,
    Может, на сто верст.

А уж сколько спряла пряжи
За свои года!..
И никто спасиба даже
Не сказал тогда.

Да и было от кого там
Ожидать его?
Каждый знал свою заботу, —
Больше ничего:

Свой порог, свои полати,
Свой в окошке свет,
И свое же горе в хате,
Горе многих лет.

Каждый жил своим уделом,
Нес свою суму,
Ни до чьей судьбы — и дела
Не было ему.

И водилось так, бывало,
Шло из края в край:
Коль ты жив — живи, пожалуй,
Помер — помирай.

И какого ж я спасиба
Ждать-просить могла?
Впрочем, я и не просила,
Я и не ждала.

Мне о том лишь для примера
Вспомнилось сейчас,
Потому — иная мера
В жизни есть у нас.

Кто б ты ни был — ткешь иль пашешь,
Роешь ли руду, —
Все мы, все в державе нашей
Нынче на виду.

Нынче всякий труд почетен,
Где какой ни есть,
Человеку — по работе
Воздается честь.

Кто работу сердцем любит,
Кто баклуш не бьет,
За того — закон и люди,
За того — народ. . .

Пригляделась я, решила
И в колхоз пошла.
Брала лен, телят растила,
Птицу развела.

За телят, за эту птицу
Из родимых мест
Повезли меня в столицу
На колхозный съезд.

Там, в Москве, в кремлевском зале, —
Как в каком-то сне, —
Самый важный орден дали
За работу мне.

Самый главный орден дали
За большой успех,
И спасибо мне сказали
На весь мир, при всех.

Я сижу. Сижу и плачу —
С орденом в руках.
«Кто я есть, и что я значу?
А ведь вот же как! . .

Вот же как оно случилось!» —
Повторяла я.
И, как орден тот, светилась
Вся душа моя.

Я на том большом совете
Поняла тогда,
Что не может быть на свете
Счастья без труда.

Только труд — всему основа,
Честный труд людской...
Вот мое какое слово,
Вот мой сказ какой!..

Ну да я — старуха всё же,
Очень уж стара.
А вот вам-то, молодежи,
Это знать пора.

Вы живете по науке,
Вы идете в рост,
Вам теперь и книги в руки,
С вас — особый спрос.

Долго ль здесь на солнце греться
Остается нам?
Вся земля, весь мир в наследство
Достается вам.

Вам, наследникам по праву, —
Думать и решать;
За Советскую державу
Вам ответ держать, —

За ее красу и силу,
За ее дела
И за свет неугасимый,
Что она зажгла.

Вам — руками молодыми,
Сердцем и умом —
Укреплять ее твердыню
И стоять на том!

Чтоб и те, что в битвах пали
За ее права,
И за гробом даже знали,
Что она жива;

Что без горя, честь по чести,
Люди здесь живут,
Что хранит ее от бедствий
Ваш сыновний труд.

Где бы вам по белу свету
Ни пришлось бродить, —
Вам нельзя, вам права нету
Это позабыть.

Вас она зовет на подвиг,
Подвиг трудовой...
Вот какой вам сказ сегодня,
Вот наказ какой!

1947

200. ДЕТСТВО

Играйте же, дети, растите на воле,
На то вам и красное детство дано.

Н. А. Некрасов

1

Давно это, помнится, было со мною, —
В смоленской глухой стороне,
В поля, за деревню, однажды весною
Пришло мое детство ко мне.

Пришло и сказало:
«Твои одногодки
С утра собрались у пруда,
А ты сиротою сидишь на пригорке,
А ты не идешь никуда.

Ужели ж и вправду тебе неохота
Поплавать со мной на плоту,
Ручей перепрыгнуть с разбега, с разлета,
Сыграть на лужайке в лапту;

На дуб, на березу вскарабкаться лихо
Иль вырезать дудку в лесу? . .»
— «Мне очень охота, — ответил я тихо, —
Да, видишь, свиней я пасу.

Такое оно беспокойное племя,
Что только гляди да гляди.
И бегать с тобой, понимаешь, не время, —
Ты как-нибудь после приди. . .»

2

Пришло мое детство, пришло золотое
Июльской порою ко мне,
И так говорит, у завалинки стоя:
«Ты что же — опять в стороне?

Наверно, забыл, что поспела малина,
Что в лес отправляться пора?
Наверно, не знаешь — какого налима
Ребята поймали вчера? . .»

— «Я знаю, — со вздохом сказал я на это, —
Да только уйти не могу:
Все наши работают в поле с рассвета,
А я вот избу стерегу.

Двухлетний братишка со мною к тому же, —
Не смыслит еще ничего:
Уйдешь — захлебнется в какой-нибудь луже
Иль бык забодает его.

И куры клюют огурцы в огороде, —
Хоть палкой их бей по ногам!
Сгоню их — они успокоятся вроде,
А гляну — опять уже там. . .»

Так я говорил — деловито, печально,
Желая себя оправдать...
И, палочкой белой взмахнув на прощанье,
Ушло мое детство опять.

8

Пришло оно снова холодной зимою
В наш бедный нерадостный дом,
Взяло меня за руку жаркой рукою:
«Идем же, — сказало, — идем!

Могу я придумать любую забаву,
Любую игру заведу:
С тобою мы вылепим снежную бабу
И в бабки сразимся на льду;

На санках с горы пронесемся, как ветер,
Сыграем с друзьями в снежки...»
— «Мне б очень хотелось, — я детству ответил, —
Да руки, видать, коротки.

Ты разве забыло, что нынче — не лето,
Что не в чем мне выйти за дверь?
Сижу я разутый, сижу я раздетый,
И нет у нас хлеба теперь.

Ты б лучше весной... — попросил я несмело —
Тогда и в рубашке тепло...»
Безмолвно оно на меня посмотрело
И, горько вздыхая, ушло.

Ушло мое детство, исчезло, пропало —
Давно это было, давно...
А может, и вовсе его не бывало,
И только приснилось оно.

1947—1948

201. ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Александру Фадееву

Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне.

(Русская народная песня)

1

Та песня с детских лет, друзья,
Была знакома мне:
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне».

Трансвааль, Трансвааль — страна моя!..
Каким она путем
Пришла в смоленские края,
Вошла в крестьянский дом?

И что за дело было мне,
За тыщи верст вдали,
До той страны, что вся в огне,
До той чужой земли?

Я даже знал тогда едва ль —
В свои двенадцать лет, —
Где эта самая Трансвааль
И есть она иль нет.

И всё ж она меня нашла
В Смоленщине родной,
По тихим улицам села
Ходила вслед за мной.

И понял я ее печаль,
Увидел тот пожар.
Я повторял:
— Трансвааль, Трансвааль! —
И голос мой дрожал.

И я не мог уже — о нет! —
Забыть про ту страну,
Где младший сын — в тринадцать лет —
Просился на войну.

И мне впервые, может быть,
Открылося тогда —
Как надо край родной любить,
Когда придет беда;

Как надо родину беречь
И помнить день за днем,
Чтоб враг не мог ее поджечь
Погибельным огнем...

2

«Трансвааль, Трансвааль — страна моя!..»
Я с этой песней рос.
Ее навек запомнил я
И, словно клятву, нес.

Я вместе с нею путь держал,
Покинув дом родной,
Когда четырнадцать держав
Пошли на нас войной;

Когда пожары по ночам
Пылали здесь и там
И били пушки англичан
По нашим городам;

Когда сражались сыновья
С отцами наравне...
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне...»

3

Я пел свой гнев, свою печаль
Словами песни той,
Я повторял:
— Трансвааль, Трансвааль! —
Но думал о другой, —

О той, с которой навсегда
Судьбу свою связал.
О той, где в детские года
Я палочки срезал;

О той, о русской, о родной,
Где понял в первый раз:
Ни бог, ни царь и не герой
Свободы нам не даст;

О той, что сотни лет жила
С лучиною в светце,
О той, которая была
Вся в огненном кольце.

Я выполнял ее наказ,
И думал я о ней...
Настал, настал суровый час
Для родины моей;

Настал, настал суровый час
Для родины моей, —
Молитесь, женщины, за нас —
За ваших сыновей...

4

Мы шли свободу отстоять,
Избавить свет от тьмы.
А долго ль будем воевать —
Не спрашивали мы.

Один был путь у нас — вперед!
И шли мы тем путем.
А сколько нас назад придет —
Не думали о том.

И на земле и на воде
Врага громили мы.
И знамя красное нигде
Не уронили мы.

И враг в заморские края
Бежал за тыщи верст.
И поднялась страна моя
Во весь могучий рост.

Зимой в снегу, весной в цвету
И в ды́ма́х заводских —
Она бессменно на посту,
На страже прав людских.

Когда фашистская чума
В поход кровавый шла,
Весь мир от рабского ярма
Страна моя спасла.

Она не кланялась врагам,
Не дрогнула в боях.
И пал Берлин к ее ногам,
Поверженный во прах.

Стоит страна большевиков,
Великая страна,
Со всех пяти материков
Звезда ее видна.

Дороги к счастью — с ней одной
Открыты до конца,
И к ней — к стране моей родной —
Устремлены сердца.

Ее не сжечь, не задушить,
Не смять, не растоптать. —
Она живет и будет жить
И будет побеждать!

5

«...Трансвааль, Трансвааль!..» —
Я много знал
Других прекрасных слов,
Но эту песню вспоминал,
Как первую любовь;

Как свет, как отблеск той зари,
Что в юности взошла,
Как голос матери-земли,
Что крылья мне дала.

Трансвааль, Трансвааль! — моя страна,
В лесу костер ночной...
Опять мне вспомнилась она,
Опять владеет мной.

Я вижу синий небосвод,
Я слышу бой в горах:
Поднялся греческий народ
С оружием в руках.

Идет из плена выручать
Судьбу своей земли,
Идет свободу защищать,
Как мы когда-то шли.

Идут на битву сыновья
С отцами наравне...
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне...»

Пускай у них не те слова
И пусть не тот напев,
Но та же правда в них жива,
Но в сердце — тот же гнев.

И тот же враг, что сжег Трансвааль, —
Извечный враг людской, —
Направил в них огонь и сталь
Безжалостной рукой.

Весь мир, всю землю он готов
Поджечь, поработить,
Чтоб кровь мужей и слезы вдов
В доходы превратить;

Чтоб даже воздух, даже свет
Принадлежал ему...
Но вся земля ответит:
— Нет!
Вовек не быть тому!

И за одним встает другой
Разгневанный народ, —
На грозный бой, на смертный бой
И стар и млад идет.

И остров Ява, и Китай,
И Греции сыны
Идут за свой родимый край,
За честь своей страны;

За тех, что в лютой кабале,
В неволе тяжкой мрут,
За справедливость на земле
И за свободный труд.

Ни вражья спесь, ни злая месть
Отважным не страшна.
Народы знают:
правда есть!
И видят — где она.

Дороги к счастью —
с ней одной
Открыты до конца,
И к ней —
к стране моей родной —
Устремлены сердца.

Ее не сжечь, не задушить,
Не смять, не растоптать.
Она живет и будет жить
И будет побеждать!

Февраль 1948

202. ХОРОШО ВЕСНОЮ БРОДИТСЯ...

Хорошо весною бродится
По сторонке по родной,
Где заря с зарею сходится
Над полями в час ночной;

Где такое небо чистое,
Где ночами с давних пор
С молодыми гармонистами
Соловьи заводят спор.

Поглядишь — глазам не верится:
Вдаль на целую версту —
То ли белая метелица,
То ль сады стоят в цвету.

Ветка к ветке наклоняется —
И шумит и не шумит.
Сердце к сердцу порывается,
Песня с песней говорит.

И легко, привольно дышится,
И тебя к себе зовет
Всё, что видится и слышится,
Что живет и что цветет.

1948

203. МЫ С ТОБОЮ НЕ ДРУЖИЛИ...

Мы с тобою не дружили,
Не встречались по весне,
Но глаза твои большие
Не дают покоя мне.

Думал я, что позабуду,
Обойду их стороной,
Но они везде и всюду
Всё стоят передо мной,

Словно мне без их привета
В жизни горек каждый час,
Словно мне дороги нету
На земле без этих глаз.

Может, ты сама не рада,
Но должна же ты понять:
С этим что-то сделать надо,
Надо что-то предпринять.

1948

204. СТОИТ ВЕТЛА УНЫЛАЯ...

Стоит ветла унылая,
Шумит она, качается
  Над высохшим ручьем...
А нам, подружка милая,
А нам о чем печалиться,
  А нам жалеть о чем?

Пойдем, подружка верная,
За озеро, за мельницу,
  Под месяц молодой.
В полях тропа вечерняя
Сама собою стелется
  Нам под ноги с тобой.

Над травами зелеными
Плывет гармонь влюбленная, —
  Плывет и не плывет.
А травы — всё немятые,
А парни — неженатые,
  А всё кругом цветет.

Поют в четыре голоса
Нам песню величальную
  Четыре соловья.
О чем же ты задумалась,
Чего же ты печальная,
  Ровесница моя?

1948

205. ПЕСНЯ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ

На музыку Вл. Захарова

С одним желаньем, с думою одною,
Со всех концов родной своей земли
Мы собралися дружною семьею,
Мы все учиться мастерству пришли.

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовет.

Куда бы нас отчизна ни послала,
Мы с честью дело сделаем свое:
Она взрастила нас и воспитала,
Мы все — сыны и дочери ее.

Мы будем всюду первыми по праву
И говорим от сердца от всего,
Что не уроним трудовую славу
Своей страны, народа своего.

1948

206. ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ...

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой.
А я остаюся с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.

Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова всё это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

1948
Внуково

207. ДЕЛЕГАТАМ XI СЪЕЗДА КОМСОМОЛА

Со всех краев страны родной,
  Из городов и сел,
На слет, на съезд, на праздник свой
  Собрался комсомол.

Собрались те, чей славен труд
  Повсюду и всегда,
Чьи на земле сады цветут,
  Чья плавится руда;

Кто нефть и уголь достает,
  Взлетает в небеса,
Кто в степь широкую идет,
  Чтоб насадить леса. . .

Идти вперед, не отступать! —
    Таков у них девиз.
И каждый жизнь готов отдать
    В борьбе за коммунизм.

Привет же вам, друзья, привет!
    Привет мой и поклон,
Сияет вам великий свет,
    Что Лениным зажжен.

Вас слово партии ведет
    На подвиг и на труд,
И ваша слава не умрет,
    Дела не пропадут.

Идете вы, и цель ясна,
    И путь для вас открыт.
И вам спасибо вся страна
    Сегодня говорит!

Март 1949

208. НА РЕКЕ, РЕКЕ КУБАНИ...[1]

На реке, реке Кубани
За волной волна бежит.
Золотистыми хлебами
Степь кубанская шумит.
Знать, решили мы недаром —
Хлеборобы-мастера,
Чтоб ломилися амбары
От кубанского добра.
    Убирай да нагружай! —
    Наступили сроки.
    Урожай наш, урожай,
    Урожай высокий!

[1] Эта песня, как и две последующие («Каким ты был, таким остался...» и «Ой, цветет калина...»), была написана для кинофильма «Кубанские казаки».

Мы работать в эти степи
Выходили до зари,
Чтоб росли на нашем хлебе
Силачи-богатыри;
Чтобы все девчата были
И пригожи и ловки́,
Чтобы жарче их любили
Молодые казаки.
    Убирай да нагружай! —
    Наступили сроки.
    Урожай наш, урожай,
    Урожай высокий!

Уберем мы всё, как нужно,
Ни зерна не пропадет,
Потому что очень дружный
И надежный мы народ.
И пойдут, пойдут обозы
В города по большаку.
Не останутся колхозы
Перед родиной в долгу.
    Убирай да нагружай! —
    Наступили сроки.
    Урожай наш, урожай,
    Урожай высокий!

Не награды нас прельстили, —
Это скажет вам любой, —
Мы хлеба свои растили
Ради чести трудовой.
Если ж к этому награда
Будет нам присуждена,
Мы не скажем: нет, не надо! —
Мы ответим, что нужна.
    Убирай да нагружай! —
    Наступили сроки.
    Урожай наш, урожай,
    Урожай высокий!

1949

209. КАКИМ ТЫ БЫЛ, ТАКИМ ОСТАЛСЯ...

Каким ты был, таким остался,
Орел степной, казак лихой. . .
Зачем ты снова повстречался,
Зачем нарушил мой покой?

Зачем опять в своих утратах
Меня ты хочешь обвинить?
В одном я только виновата,
Что нету сил тебя забыть.

Свою судьбу с твоей судьбою
Пускай связать я не могла,
Но я жила одним тобою,
Я всю войну тебя ждала.

Ждала, когда наступят сроки,
Когда вернешься ты домой,
И горьки мне твои упреки,
Горячий мой, упрямый мой.

Твоя печаль, твоя обида,
Твои тревоги — ни к чему:
Смотри — душа моя открыта,
Тебе открыта одному.

Но ты взглянуть не догадался,
Умчался вдаль, казак лихой. . .
Каким ты был, таким остался,
А ты и дорог мне такой.

1949

210. ОЙ, ЦВЕТЕТ КАЛИНА...

Ой, цветет калина
В поле у ручья.
Парня молодого
Полюбила я.

Парня полюбила
На свою беду:

Не могу открыться,
Сло́ва не найду.

Он живет — не знает
Ничего о том,
Что одна дивчина
Думает о нем...

У ручья с калины
Облетает цвет,
А любовь девичья
Не проходит, нет.

А любовь девичья
С каждым днем сильней.
Как же мне решиться —
Рассказать о ней?

Я хожу, не смея
Волю дать словам...
Милый мой, хороший,
Догадайся сам!

1949

211. ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА

Я девушки этой, наверно, не сто́ю
И вслед ей напрасно гляжу.
Ее наградили Звездой Золотою,
А я без награды хожу.

Я, может, не стал бы грустить-огорчаться, —
За девушку сердцем я рад,
Но только неловко мне с нею встречаться,
Как будто я в чем виноват.

Глаза перед ней опускаются сами,
Слова с языка не идут.
И я одиноко брожу вечерами,
Где травы степные поют.

Полно мое сердце лишь ею одною,
Мне больно и сладко тогда...
Взойди же, взойди, загорись предо мною,
Моя золотая звезда!

1949

212. ОСЕННЕЕ

Жито убрано, скошено сено,
Отошли и страда и жара.
Утопая в листве по колено,
Снова осень стоит у двора.

Золотистые копны соломы
На токах на колхозных лежат.
И ребята дорогой знакомой
На занятия в школу спешат.

С хлебом тянутся в город обозы,
И поют журавли над землей.
Пишут письма в столицу колхозы
О победе своей трудовой.

Словно стяги, краснеют рябины,
Отраженные светлой водой.
И под вечер включает турбину
На реке машинист молодой.

И огни пробегают по хатам
И в густую плывут синеву.
И готовятся ехать девчата
За Звездой Золотою в Москву.

1949

213. ВЕЧНАЯ СЛАВА

(В День Победы)

Вечная слава и вечная память
Павшим в жестоком бою!
Бились отважно и стойко с врагами
Вы за отчизну свою.

Верные долгу, себя не щадили
  Ради победы ее.
Чтобы жила она в славе и силе,
  Отдали сердце свое;

Отдали жизнь, чтоб лихая недоля
  К нам никогда не пришла,
Чтоб на земле, что любима до боли,
  Каждая ветка цвела.

Пусть же проходят за го́дами годы, —
  Вас не забудет страна:
Свято и ревностно память народа
  Ваши хранит имена.

Бились отважно и стойко с врагами
  Вы за отчизну свою.
Вечная слава и вечная память
  Павшим в жестоком бою!

Май 1950

214. НАТАША

На поля, за воро́та
Родного села
В золотистой косынке
Наташа пошла.

Поднялась перед нею
Высокая рожь:
— А куда ж ты, Наталья,
Куда ты идешь?

Говорила Наташа:
— Иду на поля, —
Может, встретится снова
Мне радость моя;

Может, слово какое
Мне скажет она
И поймет — отчего я
Сегодня грустна...

Повстречалась ей радость
На том на лужке, —
В пиджаке нараспашку,
Часы на руке.

Повстречалась ей радость, —
Как будто ждала:
— Не ко мне ли, Наташа,
Ты в гости пришла?

Отвечала на это
Наташа ему:
— Я подобных насмешек
Никак не пойму.

Я хотела проверить —
Созрела ли рожь.
Отчего ж ты смеешься,
Пройти не даешь?

Улыбается парень:
— Как видишь — судьба:
Я ведь тоже собрался
Проверить хлеба.

Я один собирался,
А вышло при том —
Проверять нам придется
С тобою вдвоем.

1950

215. ВЫЙДИ В ПОЛЕ...

Выйди в поле утренней порою, —
Небо сине, дали широки.
Самолет всплывает над землею,
По земле спешат грузовики.

Зреет жито на колхозных нивах,
Свежим сеном пахнет на лугу.
Дед-пастух коров неторопливых
У реки пасет на берегу.

На листве еще дрожат росинки,
Птичий гам несется из кустов.
И в венке из полевых цветов
Девушка проходит по тропинке.

Складная и легкая такая —
Как виденье юности самой...
Это всё — страна моя родная,
Мирный край благословенный мой,

Мирный день советского народа,
Озаренный солнцем золотым...
И его мы от любого сброда,
От любого лиха оградим!

1950

216. ДУБ

Развесистый дуб на холме зеленеет,
Раскинувши ветви широко.
И в землю родную своими корнями
Он входит глубоко-глубоко.

И пусть над вершиной проносятся тучи,
Пусть ветры над ним завывают, —
Он держится крепко за землю родную,
И бури его не сломают.

1933, 1951

217. ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую,
Мужики там всё злые — топорами секутся,
А по будням там дождь и по праздникам
дождь...

(Из старой русской народной песни)

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я всё-таки рос и годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лапти... И может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего...
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ничего.

Под красное знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизни познавший вполне,
Он видел меня из далекого края,
Он видел и думал не раз обо мне,

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую нивку слезой поливал;

Чьи в землю вросли захудалые хаты,
Чьи из году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил топоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой и правдой России,
И славой ее и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел на решительный бой.

И мы, что родились в избе, при лучине,
И что умирали на грудах тряпья,
От Ленина право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.

Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной.

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему, —
И в дни торжества и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо, —
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вздоха и взгляда
Живому, великому делу его.

1940, 1951

218. ДА БУДЕТ СВЕТЕЛ КАЖДЫЙ ЧАС...

Да будет светел каждый час
Вовеки нам родной страны, —
Страны, что вырастила нас,
Страны, чьей силой мы сильны!
Да будет ясен каждый день
Ее станиц и деревень,
Ее полей, ее садов,
Ее могучих городов!
И пусть для нас горит всегда
Ее высокая звезда!

1951
Внуково

219. ЧЕРЕМУХА

Лиде

Что, друзья, случилося со мною! —
Обломал я всю черемуху весною.

Я носил, таскал ее возами,
А кому носил — вы знаете и сами.

В сумерках спешил я из-за речки,
Целый ворох оставлял я на крылечке;

Я бросал в окошко молчаливо
Белое лесное сказочное диво.

Я хотел, чтоб девушка вниманье
Обратила на мое существованье,

Чтоб она хоть раз да услыхала —
Как душа моя в черемухе вздыхала.

А она, притворная, молчала,
Словно вовсе ничего не замечала;

А она меня не пощадила —
В пепел все мои надежды превратила.

Да к тому ж, за все мои печали,
На селе меня Черемухой прозвали.

Как иду я — шепчутся девчата:
Дескать, вон идет Черемуха куда-то;

И поют, конечно не случайно:
— Отчего, мол, ты, Черемуха, печальна?..

И хожу я со своею болью,
Со своею несказáнною любовью.

Что мне делать — сам не понимаю,
Но сирень я тоже, видно, обломаю.

1951

220. ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ НА СМОЛЕНЩИНЕ

На опушке лесной собралась детвора,
И овеяна ветром, и солнцем согрета:
Наступила опять золотая пора,
Золотая пора пионерского лета.

Здесь, где в давние годы бродил я один,
Здесь, где детство мое затерялось бесследно,

Запылали костры пионерских дружин,
Пионерские горны запели победно...

Всё, о чем я мальчишкой не мог и мечтать,
Всё, что лучшего в детстве бывает на свете,
Всё дала вам советская родина-мать,
Пионеры — рабоче-крестьянские дети.

Сколько дней впереди! Сколько будет —
не счесть! —
И заманчивых дел, и забав, и походов;
Сколько песен хороших споете вы здесь
Под смоленским родным небосводом!

И хотя я судьбою обижен едва ль,
Но сегодня, у вашего шумного стана,
Мне становится чуточку-чуточку жаль,
Что родился я, может быть, рано.

Жаль, что детство мое к вам на праздничный
сбор
Не придет, не пройдет по знакомой поляне,
Жаль, что вы без него запалили костер,
Что оно заплуталось в тумане...

Но в душе у меня и тепло и светло
Оттого, что такое свершилось:
То, что раньше для нас никогда не цвело,
Буйным цветом для вас распустилось.

Пусть не ваш я ровесник — не всё ли равно? —
Мне от вас не уйти в этот вечер погожий...
Ну, а детство мое — может быть, и оно
Здесь незримо присутствует тоже.

И оно вам, ребята, желает добра,
Вашей дружбой и лаской согрето.
Хорошо ему с вами сидеть у костра
Золотою порой пионерского лета.

1951
Внуково

221. В ЛЕТНЕМ ПОЛЕ, В СПЕЛОМ ЖИТЕ...[1]

В летнем поле, в спелом жите
Голос девичий поет:
— Люди добрые, скажите,
Где любовь моя живет?
Я звала — не слышит зова,
Я искала — не нашла...
Хоть сказала бы мне слово,
Хоть бы адрес свой дала!..

Ходит девушка, вздыхает,
Топчет в поле мураву,
А того не понимает,
Что я рядом с ней живу;
А про то она, наверно,
И не знает ничего,
Что на свете самый верный —
Адрес сердца моего.

Июнь 1952
Внуково

222. МНЕ ВЕСНОЮ ТРАКТОРИСТ...

Мне весною тракторист
Говорил-рассказывал,
Что влюбился он в меня
До потери разума.

На такие на слова
Я ему ответила:
— Очень занята была, —
Просто не заметила.

Но прибавила притом:
Мол, не надо мучиться, —

---

[1] Песня «В летнем поле, в спелом жите...» и следующие за ней «Мне весною тракторист...» и «Посмотрю я в это утро раннее...» были написаны для кинофильма «Возвращение Василия Бортникова».

Полюби еще чуть-чуть,
Может, что получится...

С той поры по вечерам
Он со мной встречается,
И как будто бы у нас
Что-то намечается.

Ой, действительно — у нас
Что-то образуется:
Каждой думкою моей
Он интересуется...

А про свадьбу я скажу,
Коль узнать желательно:
Только снимем урожай, —
Будет обязательно!

1952
Внуково

223. ПОСМОТРЮ Я В ЭТО УТРО РАННЕЕ...

Посмотрю я в это утро раннее
На родные мирные края, —
Нет на свете краше и желаннее,
Чем земля советская моя.

Ты ветрами вешними овеяна,
Ты омыта светлою водой
И, руками нашими взлелеяна,
Наливаешь колос золотой.

Все твои богатства открываются
Для людей — в награду за труды, —
И моря в пустынях разливаются,
И шумят на севере сады.

И напрасно свора людоедская
Угрожает счастью твоему:
Мы тебя, земля моя советская,
Не дадим в обиду никому.

1952

224. НАША ПАРТИЯ

Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма.

(Из «Манифеста Коммунистической партии»)

Честь нашей эпохи, и совесть, и разум
Она воплотила в себе.
Ей — славной вовеки — народ наш обязан
Своею победой в борьбе.

Она, что поставила благо народа
И правду превыше всего,
Нигде и ни разу за долгие годы
С пути не сошла своего.

Могучая воля ее нерушима,
И неугасим ее свет.
И выше, чем тот, что она совершила,
В истории подвига нет.

И пусть не записано это в Уставе, —
Мы знаем, в чем сила ее:
Вложил в нее Ленин, ей Ленин оставил
Великое сердце свое.

И, нас вдохновляя своими делами
На подвиг, на доблестный труд,
Всегда и повсюду была она с нами —
Наставник, защитник и друг.

Мы с именем партии горы сдвигали,
В ней черпая силу свою,
А коль приходилось встречаться с врагами,
Мы насмерть стояли в бою.

И мы никому не сдадимся на милость,
Любые преграды сметем! —
Под знаменем партии — чтоб ни случилось —
До цели заветной дойдем!

Та цель недалеко. И срок уже близок.
И путь наш — вперед и вперед.
И бродит уже по Европе не призрак,
А явь коммунизма встает!

1 октября 1952

225. НОВЫЙ СВЕТ

(Об Америке времен правления Гарри Трумэна)

В отличие от Старого Света (Азия, Африка, Европа) Америку принято называть Новым Светом.

Из справочника

Лежит на ней бесславных дел позор,
В ней всё живое — ныне под запретом...
Так по какому ж праву до сих пор
Она еще зовется Новым Светом?

Какой он новый — этот самый свет,
Чей он слуга, заступник и ходатай, —
И негр и белый вам дадут ответ
В любом конце Соединенных Штатов.

Они расскажут, как из года в год
Дельцы карман свой набивают туго
И как бесправен трудовой народ,
Как он забит, ограблен и поруган...

Какой он новый — этот самый свет,
Поведает Корейский полуостров
На языке невыразимых бед,
На языке развалин и погостов.

Какой он новый? .. — Колорадский жук,
Что пожирает всё без сожаленья! ..
Возносит он превыше всех наук
Одну, свою — науку истребленья.

Он засевает нивы не зерном —
Чумою и холерой засевает,
И не водой — железом и огнем
Истерзанную землю поливает.

Он жаждет вновь — чумная эта тля —
Весь мир покрыть окопами и рвами,
Он хочет сделать мирные поля
Не мирными, а минными полями.

Таким он был, такой и ныне есть! ..
Нет, Новый Свет не там, за океаном, —
Он здесь, у нас! Он здесь, и только здесь
Открылся взору в октябре туманном.

Его открыл нам гением своим
Великий Ленин в грозный час восстанья.
И вся земля и все народы — с ним,
И правда говорит его устами.

Всему живому светит этот свет,
Свет созиданья, радости и братства,
И никогда он не погаснет, нет, —
Он только ярче будет разгораться.

Да, это так! И вечно будет так!
Один он в мире — истинный и правый.
И никакой заокеанский мрак
Не захлестнет его могучей славы!

1952

226. ЛЬНОВОДКИ

(Рассказ девушки)

В колхозе «Дружба» — в поле, за рекой —
Мы со своей подружкой-звеньевою
Растили лен. И вырос он такой,
Что все надежды оправдал с лихвою.

И по́д вечер мы всем своим звеном
Не раз бродили по льняному полю, —
Мы шли туда полюбоваться льном
И не могли налюбоваться вволю.

И, право, непонятно — отчего,
Да и была ль причина в самом деле,
Но нам казалось, глядя на него,
Что мы и сами все похорошели.

И мы шутили, что теперь, поди,
Заснимет нас районная газета...
И вдруг такие хлынули дожди,
Как будто небо провалилось где-то.

Они не затихали ни на миг
Четыре дня... И лен тот знаменитый
Не устоял: сначала он поник,
Потом полег, к сырой земле прибитый.

Конец приходит, видим, долгунцу, —
Лежит он, головы не поднимая...
И, выйдя в поле, как по мертвецу,
Заплакала от горя звеньевая.

Стои́м и мы. И тяжко на душе.
И выхода не видно никакого.
А между тем, — то там, то здесь уже, —
На стеблях плесень выступить готова...

И всё ж подружка наша не сдалась,
Перед бедой не опустила руки, —
Поплакала, одумалась, нашлась:
— Давайте-ка попробуем, подруги!

Трудна работа, и широк загон,
Да ведь и нас, как видите, не мало... —
И чтоб сберечь, чтобы спасти свой лен,
Она его
Руками поднимала.

За рядом ряд, за валом новый вал,
Пока что слаб и, может статься, жалок,
Но он держался, он уже стоял,
Склонясь на перекладины из палок.

Пошли дела как будто бы на лад,
И на душе не так уже печально...
А что до палок — палок целый склад
Нарезали мальчишки моментально.

И мы про всё забыли, кроме льна,
От звеньевой ни в чем не отставали.
Работали с темна и дотемна,
На поле том почти и ночевали.

И как отрадно было видеть нам,
Когда наш лен — на всем своем массиве, —
Приподнятый, выравнивался сам
И день за днем всё делался красивей.

Сказать по правде, мы в такой успех
Вначале вряд ли верили и сами.
Но лен стоял, и был он лучше всех,
Как звон, звенел своими бубенцами.

А дальше, что ж, — убрали без потерь,
Как говорят газетчики в отчетах.
И всё звено записано теперь
В колхозном клубе — на Доске Почета.

Вот вам и всё, что я сказать могла, —
Как будто ничего не пропустила...
А что газета нас не засняла, —
Так нас же много — пленки не хватило.

Сентябрь 1953

227. В ДОРОГУ!

Много, много есть у Родины моей,
Много верных сыновей и дочерей:
Отовсюду на призыв ее, на зов
Сколько сразу отозвалось голосов!

Сколько их в одном желании слилось,
Сколько нынче нас в дорогу собралось!
Отправляемся, садимся в поезда, —
Возвращаемся в колхозные места.

Но не в гости мы и едем и идем, —
Там отныне — наша улица и дом,
Там отныне наши думы и дела,
Там земля, что нас когда-то родила.

И идем мы не за славой-похвалой,
А в долгу мы перед этою землей.
И затем мы свой задумали поход,
Чтоб исчезло даже слово — недород,

Чтоб земля советским людям за труды
Полной мерою несла свои плоды.
С тем, товарищи, мы едем и идем,
В том поруку перед Родиной даем!

Сентябрь 1953

228. ТРИ РОВЕСНИЦЫ

За плотиною, за мельницей,
Где шаткие мостки,
На закате три ровесницы
Гуляют у реки.

То пройдут себе по берегу,
То станут над водой,
То сорвут они по веточке
С березки молодой;

То попробуют, потрогают —
Тепла ль в реке вода,

Будто только ради этого
И шли они сюда.

А уж сумерки спускаются, —
До дому не пора ль?
И всё чаще три ровесницы
Посматривают вдаль.

А вдали туман лишь стелется,
Над речкою дымит,
А вдали одно лишь слышится,
Как мельница шумит.

А на небе нет ни месяца,
Ни месяца, ни звезд...
И пошли обратно девушки,
Обижены до слез.

Три высоких, чистых голоса
Над речкой поплыли:
«Что ж вы, мальчики-обманщики,
Забыли — не пришли?!»

1953

229. СОПЕРНИКИ

Так уж, видно, пришлось,
Так наметилось,
Что одна ты двоим
В жизни встретилась;

Что и мне и ему
Примечталася,
Но пока никому
Не досталася...

Где бы ни была ты,
Он проведает, —
За тобой, словно тень,
Всюду следует.

Для тебя для одной
Он старается,
Для тебя на «Казбек»
Разоряется;

Для тебя надо мной
Он подшучивает,
Для тебя под гармонь
Выкаблучивает, —

Чтоб его одного
Ты приветила,
А меня б и совсем
Не заметила...

Ну, а я не такой
Убедительный,
Не такой, как мой друг,
Обходительный.

Молча я подойду,
Сяду с краюшка... —
Золотая моя,
Золотаюшка!

Где такая росла,
Где ты выросла,
Что твоя красота
Краше вымысла?

Ты и радость моя,
И печаль моя,
И надежда моя,
И отчаянье...

Если даже не мне
Ты достанешься,
И уйдешь от меня —
Не оглянешься, —

Я в себе затаю
Всю беду мою,

Но тебя упрекать
Не подумаю.

Пусть падет на меня
Неизбежное:
И тоска и печаль
Безутешная;

Сущей правды слова
И напраслина, —
Только б знать мне, что ты
В жизни счастлива!

1953

230. ТОЛЬКО КЛЕН...

Памяти Лиды

С той поры, как воздали тебе
Мы последние скорбные почести,
Я остался на этой земле
В безысходном своем одиночестве.

И всё горше мне день ото дня —
Неприютно, тревожно, неслаженно...
Только клен и встречает меня,
Клен, твоими руками посаженный.

Только он, что стоит у ворот
И в лучах предзакатных купается.
Только клен. Только клен. Но и тот,
Между прочим, уже осыпается.

1956

231. 25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Я снова думал, в памяти храня
Страницы жизни своего народа,
Что мир не знал еще такого дня,
Как этот день — семнадцатого года.

Он был и есть начало всех начал,
И мы тому свидетели живые,

Что в этот день народ наш повстречал
Судьбу свою великую впервые;

Впервые люди силу обрели
И разогнули спины трудовые,
И бывший раб хозяином земли
Стал в этот день за все века впервые;

И в первый раз, развеяв злой туман,
На безграничной необъятной шири
Взошла звезда рабочих и крестьян —
Пока еще единственная в мире...

Всё, что сбылось, иль, может, не сбылось,
Но сбудется, исполнится, настанет! —
Всё в этот день октябрьский началось
Под гром боев народного восстанья.

И пусть он шел в пороховом дыму, —
Он — самый светлый, самый незабвенный,
Он — праздник наш. И равного ему
И нет и не было во всей вселенной.

Сияет нам его высокий свет —
Свет мира, созиданья и братства.
И никогда он не погаснет, нет,
Он только ярче будет разгораться!

1956

232. ТОСТ

Мой тост, и слово, и присловье —
За правды сущей торжество,
За светлый разум, за здоровье,
За честь народа моего!

За славный труд, за подвиг новый,
За свет, что светит нам вдали;
За мир, где хватит счастья вдоволь
Для всех людей, для всей земли!

31 декабря 1957

233. ФОТОГРАФ

Из района — двадцать верст с лихвой —
Он пешком пришел в село Слободку,
Чтоб заснять на вахте трудовой
Для газеты — девушку-льноводку.

И такой уж, видно, был наказ,
Что снимал он в профиль и в анфас,
И до пояса, и в полный рост,
И на поле, и у трех берез.

Он снимал — фотограф молодой —
Без звезды и с золотой звездой,
Без платка и в шелковом платке,
Без цветка и со цветком в руке.

Он снимал, и снимкам счету нет, —
Хватит их для всех, поди, газет.
Но такой перед глазами фон,
Что не в силах оторваться он.

Девушку берет он за плечо:
«Ну, еще разочек, ну, еще! —
В «Огонек» пошлю я заодно...»
А уж пленка кончилась давно.

1959
Внуково

234. ЛЕНИН

Его следы от Волги многоводной
Во все края, ко всем сердцам легли.
Он стал любовью нашей всенародной,
Оплотом всех трудящихся земли.

Он в Октябре повел нас в бой суровый —
Разрушить мир насилия и тьмы,
Он завещал нам мир построить новый,
И — в сердце с ним — его построим мы.

Он — правда наша, сила наша, разум,
Всего живого свет и торжество.
Земля поблекла б и померкла б разом,
Когда б не знала имени его.

И чем всё больше времени уходит, —
За днями дни, за годом новый год, —
Тем выше имя Ленина восходит,
Тем всё светлей и шире небосвод.

Апрель 1960

235. ОПЯТЬ ИГРАЮТ ДВА БАЯНА

(Песня)

Опять играют два баяна
В весеннем парке на кругу.
И про тебя, мой окаянный,
Опять забыть я не могу.

Уж лучше б мне на белом свете
Своим путем идти одной...
Зачем же ты меня приметил,
В тот вечер встретился со мной?

Зачем ты мне ночами снился,
Зачем любовь мою будил?
А сам так даже не простился,
Когда отсюда уходил...

Забыла б я свои тревоги,
Мне всё бы стало ни к чему,
Но ты ушел не по дороге, —
Ты шел по сердцу моему.

Прошла весна, проходит лето,
А я тебя всё жду и жду...
Не знаю — где, но только где-то
Я всё равно тебя найду.

1961

ФЕЛЬЕТОНЫ. ШУТКИ. СТИХИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

236. РАЗГОВОР С РЕДАКТОРОМ

Недавно сказал мне смоленский редактор:
— Напрасно ты, братец, суешься в газету, —
Ну, где же в поэме общественный трактор? —
Я грустно заметил, что трактора нету.

Но тут же добавил восторженно пылко
(Редакторский вкус изучил я до точки):
— Зато ведь — в разделе втором — молотилка
Стучит от шестой до пятнадцатой строчки.

Редактор ответил с гримасой знакомой
И делая вид, что он дьявольски занят:
— Поймите, товарищ, что орган губкома
С одной молотилкой печатать не станет...

С тех пор я покинул родную газету:
С редактором спорить не хватит зарядки...
В провинции плохо живется поэту,
Который не пишет «в ударном порядке».

1926

237. О ЛУНЕ

Мне странно видеть эту старину,
Когда влюбленные
И многие поэты
Всю ночь вздыхают глухо на луну,
Совсем не зная существа планеты.

В груди, конечно, может быть пожар,
На сердце даже могут быть оковы,
Но ведь луна —
Обыкновенный шар,
Притом же — шар
Довольно пустяковый.

Она — волчок насупротив земли
И не в пример земному — легковесна.
И если б люди жить на ней могли,
То им, наверно,
Было б очень тесно.

У нас весной зеленый шум берез
Зовет под тень влюбленную натуру,
А там
Такой отчаянный мороз,
Что негде деться даже Реомюру.

Скажите — чем же хороша луна?
И чем ваш взор к ее кольцу прикован?
Ведь если светит иногда она,
То этот свет
У солнца уворован.

И нам искать достоинств у луны
По меньшей мере было бы наивно:
Луна, хотя б и с правой стороны,[1]
Всегда одна —
Бледна и примитивна.

---

[1] «Луна с правой стороны» — произведение С. Малашкина.

И если вас подталкивает бес
Вздыхать о ней и к ней стремиться снова,
То знайте: на луне
И ваш удельный вес
Гораздо ниже
Нашего, земного.

1927

238. ВОЙНА С ТАРАКАНАМИ

1

В теплый край улетали грачи,
Заклубилася осень туманами...
Дед Иван
погибал на печи,
Дед Иван
воевал с тараканами.

Он давил их, он жег кипятком,
Он травил их какой-то отравою.
А они — на него прямиком —
Наступали несметной оравою.

Он от них под армяк залезал,
Обворачивал руки онучами.
А они ему — в нос и в глаза, —
Старика совершенно замучили.

Сам не свой, он шептал за трубой:
— Что мне делать с отродьем иудиным?
Всем они завладели: избой,
И столом, и едой, и посудиной.

А еще говорят мужики
(Только это одна околёсица):
Дескать, нам тараканы с руки, —
Тараканами счастье приносится.

Кто-то выдумал сущую ложь
Да и выдал за правило важное:
Тараканов-то всюду найдешь,
А вот счастье у нас не у каждого.

Не понять — для чего и к чему
Есть на свете такие обманщики...
Задремал.
И приснились ему
Тараканы и тараканчики.

2

Дед к соседям ходил иногда,
Вел беседы о давних историях.
Но и там тараканья орда
Кочевала на всех территориях.

Взбунтовалось и подняло крик
Неспокойное сердце Иваново,
И решил седовласый старик
Начинать наступление заново.

Он пришел в комсомол и сказал:
«Ваша доля годами не скошена,
И веселые ваши глаза
Много знают и видят хорошего.

А вот мы — тут не тот уже сказ —
Век живем дураками-Иванами.
Научите ж, товарищи, нас,
Чтó нам делать, как быть с тараканами...»

Дед стоял, опершись на клюку,
Был момент и смешной, и торжественный.
И тогда подошел к старику
Самый юный и самый ответственный.

Взявшись правой рукою за стол
И тряхнув шевелюрою бурною,

Он сказал, что теперь комсомол
Революцией занят культурною:

— Вот сегодня составили план, —
Это наша работа, законная.
Таракан же — и есть таракан,
Таракан — это вещь насекомая.

И для нас он к тому же — не факт,
Есть у нас поважнее задания.
И на разных козявок никак
Обращать мы не можем внимания... —

Дед не слушал. Он понял давно,
Что надежды, как в омут, канули:
«Видно, нам, старикам, суждено
И в гробу воевать с тараканами!»

Январь 1928

239. ФОРМУЛА ЛЮБВИ

(Студенческое)

Студент-математик забросил давно
Зачеты и комнату низкую.
Студент-математик сказал: «Решено!»,
Увлекшись высокой лингвисткою.

Прекрасное чувство не может расти,
Не может гореть в неизвестности,
И вот на бульваре
скрестились пути
Биномов Ньютона
и русской словесности.

Студент-математик дышал горячо,
Шагая дорожками торными,
И думал:
«Какое крутое плечо!
Какие прелестные... формулы!..»

Невольно родятся в соседстве таком
И терпкая грусть и глухое томление...
Четыре затяжки сухим табаком
И —
    можно идти в наступление.

— Наташа! — сказал он без дальних затей. —
Наташа, родная, желанная!
Изранил меня
            треугольник страстей,
Заела любовь
            многогранная.

Я целую зиму, в метель и в мороз,
Ходил не своими дорожками.
И бредил я запахом черных волос,
Скитаясь у вас под окошками.

Меня от мороза бросало в озноб,
Лицо принимало окраску кирпичную,
И я начинал вытанцовывать дробь,
Сначала простую, потом десятичную.

И часто от странных приемов таких
Шарахались в сторону мирные жители;
Презрительной кличкой:
                        «пропащий жених» —
Встречали меня
            в общежитии.

Хотел я бежать из родной стороны
В леса ли,
        в болота ли,
                    в степи ли
И видел ночами тревожные сны —
Кошмары
        в тринадцатой степени.

И всё же я думал о вас без конца,
Забывши друзей и приятелей,

И всё же мечтал,
чтобы наши сердца
Свести к одному знаменателю.

Наташа! Мы счастливы будем вдвоем!
Наташа, любовь моя первая!..

Лингвистка сказала,
что этот прием —
Всего лишь
простая гипербола.

1928

240. СТАРУШКА

На самом краю небольшого села
Стояла, понятно, избушка.
И в этой понятной избушке жила —
Вне всяких сомнений — старушка.

За пост и молитвы, за кротость свою,
Не раз перед образом стоя,
Просила она себе место в раю —
Хотя бы поплоше какое.

И, так помолившись в ночной тишине,
Гасила оплывшую свечку,
И в свете луны, что сияет в окне,
Она возносилась на печку.

1929

241. ОБ ЭПИГРАММАХ А. БЕЗЫМЕНСКОГО

Тон — крикливый.
Рифма — страшно звонкая.
Бьют они противников безбожно.
В них ирония —

Такая тонкая,
Что заметить даже невозможно.
Безыменский эти эпиграммы
Продает в Москве на килограммы.

11 августа 1930
Смоленск

242. «МЕДНЫЙ ГОСТЬ» В РЕДАКЦИИ

(Посвящается сотруднику смоленской газеты «Большевистский молодняк» Глебу Ф — му, пишущему под псевдонимом «Глеб Медный», причем и внутренний и внешний облик Ф—ого вполне оправдывает подобный псевдоним).

Вследствие недостатка металлов, начинается сбор металлического лома.

(Из газетной хроники)

Гвозди бы делать из этих людей.

(Н. Тихонов, «Баллада о гвоздях»)

Он ранит взглядами навылет
И дряхлых дедов, и юнцов.
Могучий лоб из меди вылит,
Из бронзы сделано лицо.

А грудь — вы, может быть, видали —
Она по плану сложена:
В ней пятьдесят процентов стали
И ровно столько ж чугуна.

И если голод мучит Глеба,
И если Глеб не очень сыт, —
Наверняка он вместо хлеба
Употребляет антрацит.

Когда же говорит он речи,
Своей уверенностью пьян,
То кажется, что дождь картечи
В гигантский хлещет барабан.

Зачем ему слова живые?
Их для него на свете нет.
Он знает лишь передовые —
«Железный стиль» плохих газет.

И всех громит он с шумом, с треском,
Грохочет медная гроза.
Горят невыносимым блеском
Его свинцовые глаза.

И очень верно мой знакомый
Сказал однажды про него,
Что это — склад металлолома,
А не живое существо,

И что газете неуместно,
Нельзя держать таких людей,
И было б более полезно
Наделать из него гвоздей.

1930
Смоленск

243. НАКАЗ СЕЛЬСКОМУ СОВЕТУ

Слушай, слушай, сельский совет!
Нынче год —
        несомненно суров.
У республики
        мяса в достатке нет,
У республики
        мало жиров.
Что ж ты молча сидишь в окне,
Безразлично глядишь на крыльцо?
Поверни поскорей
        к свинье
Молодое свое лицо!
Береги
        ответственный пост,
Не в бумагах себя хороня,

И свинью,
в ее полный рост,
Ты поставь
на повестку дня.
Можешь речи о ней говорить,
Обсуждая со всех сторон.
Но свинья
должна покорить
Подчиненный
тебе район!
Всех, живущих в твоем краю,
Безо всяких бумажных затей,
Научи
уважать свинью
И ее
беспокойных детей.
Пусть ей будет дорога дана
На селе,
на полях,
в лугах.
Пусть торжественно ходит она
На своих четырех ногах!
Строй умелый и верный расчет,
Для свиньи ничего не жалей:
Знай,
что каждый свиной пятачок
Сто́ит целую сотню рублей.
Знай,
никто не хлестнет по рукам,
Не осудит работу твою,
Если даже
и беднякам
Ты подложишь
большую свинью.
Точно выполни этот совет! —
Нынче год, понимаешь, суров:
У республики
мяса в достатке нет,
У республики
мало жиров.

И сегодня мы все должны
Дело делать быстрей и честней.
Будет свинством с твоей стороны,
Если ты
позабудешь свиней!

1930

244. С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО

В каких-то глухих отдаленных краях,
Сверкая умом непреклонным,
Ходил он
В отвстственных секретарях,
Вождем величаясь
В масштабе районном.

Светило ли солнце,
Тянулся ли дождь,
Зимою, весною и летом, —
Сидел у себя
Начинающий вождь,
Писал циркуляры
«С гигантским приветом».

Он был первоклассным творцом директив, —
Шумели слова, как весенние ветки.
Писал он, что будет
Сплошной коллектив
В районе к концу пятилетки;

Что все коммунисты и вся беднота
Ответственным
Заняты делом,
Что нынче деревня, конечно, не та
И всё замечательно
В общем и целом;

Что сломлен в районе последний кулак
С его агитацией скверной.

И всё это — правильно,
Всё это — так.
И всё это —
С подлинным верно.

Посмотришь — какая во всём широта!
Какие прекрасные всходы!
Но... самая
Подлинная беднота
Сидела у моря
И ждáла погоды.

Увязан,
Подвязан
И связан вопрос, —
Звучит он неплохо стихами и в прозе,
Но рядом
Остался не убран овес,
Не убран картофель
В соседнем колхозе!

Писал секретарь, не жалея руки,
И мысли, понятно, пылали пожаром.
Но самые
Подлинные кулаки
Зерно зарывали
По темным амбарам.

Деревня шумела, деревня звала.
А он отвечал, соблюдая бесстрастность,
Что нужно сначала в такие дела
Внести
Надлежащую ясность.

И ясность, конечно, была внесена.
И стало нелепо
Писать и доказывать...
Дорожные вещи выносит жена,
Чтоб их согласовывать
И увязывать.

Уехать с позором, уйти на покой! —
Кто мог бы сказать
О такой неизбежности?..
Он смотрит понуро и гладит рукой
Свои
Канцелярские принадлежности.

«Не пил и не ел я в кулацкой избе.
Я линию вел, не взирая на лица.
А мне говорят:
Кулаки о тебе
Согласны
И денно и нощно молиться.

Я делал доклады
Четырнадцать раз
На сходках, в колхозе и в сельском совете.
А мне говорят:
Оторвался от масс,
Зарылся
В своем кабинете.

Мне было не жалко своей головы,
Чтоб вывести жизнь
На большую дорогу.
А тут заявляют:
Хромаете вы,
Товарищ,
На правую ногу.

Нет, я не позволю за каждый пустяк
Позорить меня беспримерно!..»
Но было всё правильно,
Было всё так
И, главное, —
С подлинным верно.

1930

245—246. *О НЕКОТОРЫХ ДЕРЕВЕНСКИХ ПОЭТАХ*

1

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ОТ ПОЭТА ИВАНА БЕЗУДЕРЖНОГО

(Почти подлинник)

Некоторые крестьянские писатели не желают учиться. Они заявляют, что у них — врожденный талант, что они — самородки и потому им не нужна никакая учеба. В конце концов из них выходят люди, которые очень много о себе думают и ничего не делают, т. е. графоманы.

(Из одной статьи)

Что ж молчат сотрудники газеты
И ответственные редактора́?
Гибнут ведь крестьянские поэты
И в тоске уходят со двора.

К их стремленьям все глухи́ и не́мы.
Вот и я — Безудержный Иван, —
Сочинил я сорок три поэмы
И вполне ответственный роман.

Я стремился выбиться из мрака,
Славу я хотел завоевать.
Я писал. Но ни одна собака
Здесь меня не хочет признавать.

Все мне ставят колкие преграды,
Мой талант навеки хороня.
(Только раз товарищи с досады
Обругали Пушкиным меня.)

Знать, в стране березового ситца
Места нет бунтующей судьбе.
Напишу в редакцию — «Учиться, —
Отвечают, — надобно тебе».

Я бегу в поля и огороды,
Не стерпев подобной чепухи:

Вы поймите, я же — самородок,
Урожденный гений от сохи!

Для чего же мне учеба, школа? ..
А еще уведомляю вас:
Выгнали меня из комсомола
За отрыв от комсомольских масс.

Не дают мне, молодому, воли,
Ниоткуда мне поддержки нет...
Впрочем, пусть их! — не был в комсомоле
Ни один классический поэт.

Ну, и я махнул на неудачу, —
Пустяки всё это, ерунда! ..
Не жалею,
Не зову,
Не плачу, —
Всё пройдет,
Как с гуся вода.

К сему *Иван Безудержный*

Постскриптум:

Друг редактор! Сотоварищ, брат!
Я хочу тебе напомнить кстати:
Вышли мне писательский мандат, —
Пусть увидят, что я есть писатель.

Пусть мандат враги мои прочтут
И поймут — какой я в самом деле.
Я прошу вас — не поставьте в труд,
Помогите мне добиться цели.

Иван Безудержный

2

МОЛОДОЙ ПОЭТИК...

Молодой поэтик
Написал про цветик,
Написал про цветик
Сто один куплетик.

Дескать, цветик-роза
Алая была,
В тишине колхоза
Пышно расцвела.

И до самых поздних,
До глухих времен,
Молодой колхозник
В розу был влюблен.

Вечера у розы
Проводил не раз,
Проливая слезы
Из колхозных глаз...

А другой о птичке
Написал лесной
И о том, что светит
Солнышко весной;

Травка зеленеет,
Выйдя на лужок...
Очень интересный
Выходил стишок!

1930

247. «ОДЕМЬЯНЕННЫЙ» ПОЭТ

В нашем городе жил он четырнадцать лет,
По профессии — лирик и пьяница.
Но однажды, на речь Авербаха в ответ,
Он в ударном порядке решил одемьяниться.

И теперь по-иному творит и живет,
И его достиженья огромны:
Что ни тема — грохочет гигантский завод,
Что ни строчка — пылают вагранки и домны.

Он в редакциях — свой. Он остриг волоса.
И, работая лишь по заданию,
Он в газете, в какие-нибудь полчаса,
Проводить наловчился любую кампанию.

Вам нигде и ни в чем не угнаться за ним,
Он — в две тысячи градусов пламенный.
И не зря у него боевой псевдоним:
«Тимофей целиком Одемьяненный».

1931

248. ЗАПИСКИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЕЛЬСКОГО СОВЕТА О ПУТЯХ СООБЩЕНИЯ

Не зря занимается наш Автодор
Решеньем дорожной проблемы:
С далеких времен,
С незапамятных пор
В дорогах нуждаемся все мы.

Везде кутерьма — на полях и в лесу,
И я,
Председатель совета,
Хотя и другую нагрузку несу,
Но всё ж отвечаю за это.

И я секретарше своей говорю —
Товарищу Бубновой Кате,
Что лично пойду
И мосты осмотрю
И лично
Обследую гати.

Взята установка.
Намечена цель.
Всё, в общем и целом,
В порядке.
Беру со стола карандаш и портфель,
Иду
Выявлять недостатки.

Весна впереди, и весна позади,
И солнце печет не на шутку. . .
Вдруг слышу:
— Товарищ Потапов, зайди!
Зайди, — говорят, — на минутку!

Куда ты, как ветер, летишь напролом?
Умерь молодую походку...—
Зашел я и вижу:
Сидят за столом
И хлещут, проклятые, водку.

— Тебе,—говорят они,—друг, повезло.—
Но я отвечаю спокойно,
Что водка у нас—
Социальное зло
И мне выпивать непристойно.

Они ж не пускают меня от стола:
Чего нагоняешь, мол, страху?..
И чайный стакан
Социального зла
Я выпил с единого маху.

А после в своих дорогих сапогах
Плутал по грязи
На каком-то участке
И чувствовал:
Нет ни в руках, ни в ногах
Хотя бы малейшей
Увязки.

Я сбился с дороги, усталый и злой,
Дошел до предела, до точки.
И ночью,
Свалившись с катушек долой,
Заснул одиноко на кочке.

Налево шумела забытая ель,
Направо—плакучие ивы...
К тому же
Посеял я новый портфель,
И деньги,
И все директивы.

И вот нахожусь
Перед грустным концом:

Мне нет
И не будет прощенья...
А в сущности,
Здесь виноваты во всем
Плохие
Пути сообщенья!

1931

249. КАК НА СТАНЦИИ АГРЫЗ ВАЛЕНКИ ВЫДАВАЛИ

(Рассказ старого кондуктора)

Достал человек из кармана ключи,
Открыл не спеша кладовку:
— Ну что ж, — говорит, — заходи, получи,
Возьми, — говорит, — обновку...

Зашел я в кладовку, и валенки мне
Он выбрал из груды товара:
— Вот эти, — заметил, — подходят вполне,
Весьма симпатичная пара.

Взглянул я и ахнул, и даже присел:
Да что же, товарищи, это?
Один-то мой валенок черный совсем,
Другой же — молочного цвета.

А он говорит:
— Не волнуйтесь, отец,
Не делайте этакой позы!
Не я же развел разношерстных овец, —
Разводят, конечно, колхозы.

И если такая не нравится масть,
Тогда не берите, не надо!
Нельзя же хотеть, чтоб советская власть
Для вас перекрасила стадо...

Ну, вижу, попался порядочный гусь,
Но мне не ходить же разутым.
— Давай, — говорю, — до весны обойдусь, —
Запачкаю, что ли, мазутом...

Сижу в уголке. Примеряю пока.
И вижу, что валенки —
разных размеров:
Один оборудован под старика,
Другой же
имеет в виду пионеров.

И снова подходит ко мне человек:
— Примерь, мол, приятель, попробуй.
Не сносишь, пожалуй, за целый свой век
Такую отличную обувь.

А я говорю:
— Перестань голосить!
Язык у тебя ненадежный.
И где уж мне валенки эти сносить,
Коль их и надеть невозможно!

И тут он вскипел, как в кастрюльке вода,
И начал, и начал ругаться:
— Зачем вы, — кричит он, — явились сюда?
Зачем? Надо мной издеваться?!

Я знаю отлично работу свою,
Не зря получаю зарплату.
И как мне приказано, так и даю —
По норме,
По форме,
По штату!

Берите скорее, и вся недолгá!
А дальше уж дело не наше.
И если у вас не проходит нога,
То пусть отвечает мамаша!

1933

250. ФИЛОСОФЫ ИЗ ВТОРОГО РАЙОНА

> Руководство 2-го эксплуатационного района Казанской железной дороги плохо заботится об удовлетворении жилищных нужд работников дороги. Многие из них по нескольку месяцев живут без квартир, ютятся где попало, спят на письменных столах в канцелярии и т. п.
>
> *(Из письма в редакцию)*

Застыло всё, заледенело, —
Зима проходит по земле.
И вам, конечно, надоело
Житье на письменном столе.

И вот в район летят запросы
Насчет жилья, насчет угла.
Но, видно, там большой философ
Ведет квартирные дела.

Он вам прочтет нравоученье,
Он скажет вам: квартира — тлен.
Затем доложит в заключенье,
Как жил на свете Диоген:

— Насчет квартир прекрасных правил
Держался этот самый грек:
Он добровольно дом оставил
И в бочке прожил целый век.

Вы представляете — в бочонок
Без рассуждения залез.
Вы понимаете — ученый,
А не какой-нибудь ДС. [1]

А вам — квартиру непременно,
Вам — дом величиной с Казбек!
Учитесь жить у Диогена —
Он был великий человек!

1933

---

[1] ДС — начальник станции.

251. ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

Сторож плотно запер будку,
Глянул внутрь через окно
И, подумавши минутку,
Заспешил на полотно.

Водит ветер хороводы,
Бродит вечер по кустам.
По Казанке полным ходом
Машинист ведет состав:

Взгляды зорки, руки ловки,
Только знай себе — лети!
Вдруг сигнал об остановке
Он увидел на пути.

Дальше, значит, путь опасный —
И не зря над головой
Свой фонарь кроваво-красный
Поднял сторож путевой.

Машинист в большой тревоге
Нажимает тормоза...
— Что случилось на дороге?
Где угроза?
В чем гроза?

Сторож вертит папиросу
И, бумагою шурша,
На тревожные вопросы
Отвечает не спеша.

— Нет... Какая там угроза?
Что напрасно говорить...
Просто мне от паровоза
Захотелось прикурить.

Прикурю — и можно трогать.
Заходите-ка в вагон...
Здесь хорошая дорога —
Этот самый перегон.

От такого оборота
Вся бригада смолкла вдруг.
Только дважды плюнул кто-то,
Кто-то выругался вслух.

Да кондуктор, в землю глядя,
Плел затейливый узор:
— Эх ты, Сема!
— Эх ты, дядя!
— Эх ты, старый мухомор!..

Сторож, мрачный от обиды,
Шел домой, мундштук грызя:
— Ишь какие нынче виды,
Прикурить — и то нельзя!

Не работа — наказанье,
Даже зло тебя берет!..
Выходя из расписанья,
Поезд двинулся вперед.

Может быть, такого случая на Казанской дороге и не было.

Может быть... Но нечто похожее определенно было. Вот послушайте:

— Поезд № 801 на всех парах проходил перегон Горки — Подлипки. Путевой сторож поднял над головой красный фонарь. Поезд стал.

— В чем дело? — спрашивают у сторожа.

— Да ничего такого, — отвечает тот. — Не волнуйтесь... Уж и остановить нельзя... Просто я хотел испытать, — верно ли, что по этому сигналу останавливается любой поезд. Теперь вижу, что верно... Прошу трогать.

Сторож, как видите, от паровоза не прикуривал. Но не всё ли это равно?

1933

252. ШКОЛЬНИКИ

Когда у нас день, — в Америке ночь.

(Из учебника географии)

В сентябрьский день, дорогою прямой,
Неторопливо, сдержанно, солидно
Из школы двое шествуют домой —
С урока географии, как видно.

Один пофилософствовать непрочь,
Он говорит, помахивая ранцем:
«У нас вот — день, а в это время ночь
У этих, как их там, американцев.

Ведь правда, получается чуднó:
У них — темно, у нас же солнце всходит;
У нас — обед, а там уж спят давно, —
Всё шиворот-навыворот выходит.

И так всегда — и сто, и тыщу лет. . .»
И, от земли не поднимая взгляда,
Второй сказал презрительно в ответ:
— Буржуи, что ж. . . Так им, чертям, и надо!

1933

253—255. *ИЗ ПАРТИЗАНСКИХ РАССКАЗОВ*

1

ПОРОСЯТА

Поутру пришел в отряд
Дед лесной тропою,
Двух отличных поросят
Притащил с собою.

— Пусть побегают пока
В нашем вольном стане. . . —
И пустил у большака
На лесной поляне.

Кто-то стал над ним шутить,
Дескать: — Что ты, старый?
Немца, что ли, угостить,
Хочешь этой парой?

— А хотя бы и его, —
Дед ответил смело. —
Поросята — ничего,
Не испортят дела.

Пусть приходит хоть сейчас,
И — уж будь надежен! —
И накормим в самый раз,
И в постель уложим...

Посмеялись и в кустах
Скрылись партизаны,
Только старый — ни на шаг
От своей поляны.

Сел на пень, достал кисет,
Смотрит на дорогу:
Едут гости или нет
К нашему порогу?

Курит, шутит сам с собой,
Греясь на припеке...
Над поляною лесной
День стоит высокий.

Ходит ветер, чуть дыша,
По траве несмятой,
И копают не спеша
Землю поросята.

Час и два сидит старик,
Ожидая срока...
Вдруг зафыркал грузовик
Где-то недалеко.

Мигом в чащу юркнул дед,
Командиру шепчет:
«Немцы едут на обед, —
Угощай покрепче! . .»

Видят немцы: что за черт?
Посредине бора
Поросята — первый сорт —
Ходят без надзора!

Ходят в мирной простоте,
Тихо землю роют.
А у немцев в животе
Словно волки воют.

Кто ж из немцев в этот миг,
Кто б не поживился?
Тут уж даже грузовик
Сам остановился.

(Грузовик у них такой,
Вымуштрован тонко:
Тормозится сам собой,
Встретив поросенка.)

Лихо с места сорвалась
Бравая пехота;
На поляне началась
Жаркая охота.

Обложили поросят
Сзади, слева, справа;
Ловят, бегают, галдят
Всей своей оравой.

Взяли бедных в переплет, —
Никакой пощады! . .
Тут и ахнул пулемет
В немца из засады.

Те пока в себя пришли
    Да назад махнули,
А уж пятеро легли,
    Ноги протянули.

Впрочем, скоро всем нашлось
    Место с ними рядом:
Здесь не тратит на авось
    Партизан зарядов!

Все свалились, как один,
    Безо всякой фальши,
Ни один собачий сын
    Не уехал дальше.

Поглядел кругом старик:
    Чистая работа!
— Разыграли, — говорит, —
    Немца, как по нотам.

Ловко встретили его,
    Крепко дали сдачи!
Поросенок — он... того...
    Очень много значит.

1941

2

ДВЕСТИ ДЕСЯТИН

Если враг обеспокоен,
Значит, вновь пришел Иван —
Знаменитый русский воин,
Приднепровский партизан.

По неведомым дорогам
Бродит он из края в край
И фашистов понемногу
Отправляет прямо в рай.

Тихо выйдет на опушку,
Подождет и в нужный час
Вмиг возьмет врага на мушку,
Укокошит в самый раз.

Укокошит, уничтожит —
Бьет без промаха Иван —
И для памяти положит
Белый камешек в карман,
Скажет: «Снова есть один!
Снова двести десятин!»

И опять спокойным шагом
По лесам да по оврагам
Он уходит в дальний путь,
Чтобы немцу-чужеземцу
Глотку пулею заткнуть.

Ясным днем иль ночью черной,
Он всегда мишень найдет.
И — глядишь — в карман просторный
Новый камешек кладет:
— Снова, стало быть, один!
Снова двести десятин! . .

И живет Иван, не тужит —
Удалая голова. . .

— Только ты скажи нам, друже,
Как понять твои слова?
Почему на десятины
Ты ведешь убитым счет? . .

— Есть на то свои причины, —
Отвечает патриот, —
Прошлый год, когда с Россией
Вздумал Гитлер воевать,
Приказал он генералам
Всех солдат к нему позвать.

Всех солдат и офицеров —
Палачей и кровопийц,
Всех воров и изуверов,
Людоедов и убийц.

Видно, в них разжечь отвагу
Захотел немецкий псих
И поэтому бумагу
Выдал каждому из них.
В той бумаге напечатал:
«Дескать, так придумал я,
Чтобы жили все солдаты,
Как бароны и князья;
Дескать, я назначил сроки
И предвижу день и час...
Посмотрите — на востоке,
Сколько там земли для вас!
Так идите ж, забирайте,
Добивайтесь своего!
Бейте русских, разоряйте,
Не жалейте никого!
Пусть не ждут они пощады,
Пусть полягут, как один!..
Я за это вам в награду
Дам по двести десятин.
Заживете вы спокойно,
Будет слава и доход...»

С той бумагою разбойной
И пошли они в поход.
Шли войной молниеносной,
Истребительной войной
За крестьянской, за колхозной,
За советскою землей.

Запылали наши хаты,
Застонали города...
И взяла меня, ребята,
Злоба лютая тогда:
«Ишь, придумали бумагу,
Ишь, нашелся фон-барон!»

И немецкого бродягу
Зарубил я топором.

«Вот-те двести десятин,
Проходимец, сукин сын!
Подыхай, собачья милость,
Ожидай другого дня!..»

С той поры и появилась
Поговорка у меня.
С ней ушел я в глушь лесную,
С ней повел своих друзей
Очищать страну родную
От баронов и князей.

Раздобыли мы винтовки,
Захватили пулемет.
В преисподнюю путевки
Немцам пишем круглый год.
Где штыком, где пулей меткой
Бьем баронов наповал.

Сто квадратных километров
Я один отвоевал.

Покосил я псов немало
И всегда готов косить,
Только жаль вот — трудно стало
Эти камешки носить...

1942

3

ОЙ, РУГАЛА Я СУДЬБУ...

Ой, ругала я судьбу,
    Ой, беда нагрянула! —
Занесло ко мне в избу
    Немца окаянного.

Приказал белье стирать,
Жарить кур награбленных.
И улегся отдыхать,
Как Адам, под яблоней.

Всё б и дальше так пошло, —
Тут придумать нечего.
Да примчались на село
Партизаны вечером.

Заметался мой Адам,
Гнется в три погибели:
Дескать, всё тебе отдам,
Коль спасешь от гибели;

Дескать, спрячь меня в дому
В этот час рискованный...
И раскрыла я ему
Свой сундук окованный.

Влез мой немец и затих, —
Было, знать, невесело.
Крышку я закрыла вмиг
И замок навесила.

А потом зову домой
Гостя долгожданного:
Полюбуйся, милый мой,
На мое приданое! —

Погляди-ка, что тут я
Нынче отчубучила, —
Специально для тебя
Немца засундучила!

1942

256. И. Н. РОЗАНОВУ,

СОБРАВШЕМУ ОКОЛО 100 ВАРИАНТОВ (ПЕРЕДЕЛОК) ПЕСНИ «КАТЮША»

Это, право ж, очень странно,
Прямо горе для жены:
В Никанорыча Ивана
Все Катюши влюблены.

Подойди-ка да послушай —
Хоть зимою, хоть весной:
Что ни вечер — он с Катюшей,
И, притом же, не с одной.

По две, по три ходят разом,
Как не ходят ни к кому.
Словно медом он обмазан, —
Так и ластятся к нему!

Он досуг свой с ними делит,
Он сидит средь них, как пан.
Вот какой на самом деле
Этот Розанов Иван!

14 июля 1945

257. СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ П. М. КАЗЬМИНА

У П. М. Казьмина — руководителя хора им. Пятницкого — в Ленинграде (в гостинице) крысы прогрызли портфель и съели всё в нем находившееся. Боясь крыс, Казьмин перестал ночевать в гостинице.

(Из хроники хора им. Пятницкого)

Это всё — не шутки ради,
Это было в самом деле:
Ночью крысы в Ленинграде
Казьмина чуть-чуть не съели.

И жене, подсев к окошку,
Он писал, объятый страхом:
Умоляю — вышли кошку,
Если можно — телеграфом.

1945

258. ПОЭТ И ЯЙЦО

(Нечто вроде басни)

Один поэт сюжет искал,
    Гуляя вне столицы.
И вдруг на кочке увидал
    Яйцо какой-то птицы.

— Нашел! Нашел! — воскликнул он,
    И, видимо, за это
К священной жертве Аполлон
    Потребовал поэта.

Поэт уселся у ольхи
    На той же самой кочке
И стал высиживать стихи —
    В неделю по две строчки.

Он так старательно сидел,
Что даже волос поседел.

Недели три на том яйце
    Сидел поэт московский
И вывод высидел в конце
    Глубоко философский.

Он кончил так: «Слабо́ оно:
    Надавишь пальцем — брызнет.
И всё же в нем заключено
    Начало птичьей жизни. . .»

Он был бы прав в конце концов,
    Но вот в чем запятая:
То было вовсе не яйцо,
    А скорлупа пустая.

1945

259. ОПЛОШНОСТЬ

(Рассказ об одном районном начальнике)

Наш колхоз по телефону
Извещал он всякий раз:
«Дескать, езжу по району,
Буду, значит, и у вас.

Надо встретиться с народом,
Разузнать про все дела,
Говорят, что много меду
Ваша пасека дала...»

Говорил он веско, четко
И кончал, бывало, так,
Что яичница и водка —
Это тоже важный факт.

Пить он мог и днем и ночью, —
Не за свой, конечно, счет.
И любил он, между прочим,
Чтобы был ему почет,

Чтоб у нас его встречали
Честь по чести у двора,
А как выпьет — чтоб качали
И кричали бы «ура».

Эта вещь — уж будь надежен! —
Нам знакома всем была.
Но одна оплошность всё же
И у нас произошла.

Не смекнули мы вначале,
Не сумели оценить:
Мы качать его качали,
Но... забыли уронить.

1947

260. СКАЗОЧКА ПРО БАБКУ И ДЕДКУ, ПРО МОРКОВКУ И РЕПКУ

(По белорусским мотивам)

1

Распахали землю,
Всыпали подкормку.
Дед посеял репку,
Бабушка — морковку.

Дед сказал: «Земелька
Взбита мягче пуха.
Нынче с урожаем
Будем мы, старуха».

2

Вот уж скоро осень, —
Лето на исходе.
Дедка с бабкой вместе
Бродят в огороде.

Только что же это? —
Боже ж ты наш, боже! —
Репка на морковку
Очень уж похожа.

Бабка глянет: «Репка!»
Дед в ответ: «Морковка!»
Бабка скажет: «Глебка!»
Дед ответит: «Бровка!»

Всё село сбежалось —
Спорили, галдели,
Но проникнуть в тайну
Так и не сумели:

То ли это репка,
То ли, нет, — морковка.
То ли это Глебка,
То ль, напротив, — Бровка.

И своей старухе
Дед сказал чуть слышно:
«Бабушка, родная,
Что же это вышло?!»

1948

261—262. *ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ*

1

Н. СЕМЕНОВУ

(Последнему секретарю Всероссийского Общества пролетарско-колхозных писателей — ВОПКП)

Стихов моих лирический стакан
Я нес тебе, далекий путь протопав,
Тебе — последнему из могикан,
Последнему вождю из племени прокопов.[1]

15 мая 1932

2

А. К. ТАРАСЕНКОВУ[2]

Для Вашей библиóтеки огромной
Я приготовил этот томик скромный.
У Вас поэты собраны различные —
Районные, столичные, фабричные,
И пухлые, и совершенно тощие,
И средние, и всяческие прочие...
Короче, Вам не занимать умения.
И всё ж во мне живет одно сомнение:
В свои шкафы Вы взять готовы всякого,
Но отношенье к нам — неодинаково:

---

[1] Прокопы — так в шутку называли пролетарско-колхозных писателей (про-ко-п).

[2] Покойный критик А. К. Тарасенков, как известно, много лет подряд собирал книги стихов, написанных на русском языке. В результате у него образовалась уникальная библиотека русской поэзии. Собранные книги А. К. Тарасенков сам же и переплетал.

Одних Вы так и этак величаете,
Других же к переплету назначаете;
Вы лично сами тех переплетаете,
Кого совсем отжившими считаете.
И потому — хоть ткань у Вас добротная —
Меня пугает Ваша переплетная:
А вдруг в тиски я Ваши попаду?!
Ей-богу ж, совершенно пропаду!

17 сентября 1952

263. НАПИСАЛ БЫ Я СТИХОТВОРЕНЬЕ...

(Посвящается тем начинающим поэтам, которые все свои надежды возлагают на помощь литературных консультаций и которые сами, к сожалению, не работают над собой сколько-нибудь серьезно.)

Написал бы я стихотворенье
И послал бы сразу же в печать,
Только вот какое затрудненье:
Я не знаю, как его начать.

Как начать и чем заполнить — тоже,
И какой в нем должен быть финал...
Быть бы мне немного помоложе —
Я б пошел в газету иль в журнал.

Я б пошел, как многие другие,
Что идут, поэзию любя,
Но за опусы свои плохие
Укоряют всё же не себя.

Я б пошел:
«Мол, дело не выходит,
Плохо развивается талант,
Потому что очень уж подводит
Ваш литературный консультант.

Никогда он не подскажет сразу,
Не умеет объяснить никак:
Где какую нужно ставить фразу,
Где какой уместен будет факт,

Где какие образы, идеи
Надо поощрять и утверждать,
Где подходят — как их там? . . — хореи,
Где с хореем лучше обождать. . .

Ставит он одну и ту ж задачу:
Сами, мол, дойдите до всего. . .
Ну, а он-то для чего назначен?
Нам работать, что ли, за него?!

Он ведь здесь поставлен специально
И обязан потому как раз
Знать приемы творчества детально,
Чтоб ввести в литературу нас. . .»

И еще б добавил я, пожалуй. . .
Впрочем, нет. Всё это — ерунда.
Даже в юности подобных жалоб
Не носил я, братцы, никуда.

Я писал и хуже, может статься,
Но искал я собственный свой путь.
И на мудрость разных консультаций
Всех надежд не возлагал отнюдь.

Я писал, и если, между прочим,
Всё ж не получалось ничего, —
Я других за это не порочил,
А ругал себя лишь одного.

Не чужим работал я уменьем,
А свое по капле запасал. . .

Написать бы мне стихотворенье,
Но как будто я уж написал.

1952

ИЗ ПЕСЕН ПРОШЛОГО[1]

264. ПЕСНЯ О СОЛДАТСКОЙ ЖИЗНИ

Мимо дворика,
Мимо хаты
За обозами
Шли солдаты.

Они шли-прошли
Слободою,
Звали девушку
За собою:

— Полетим скорей,
Пташка вольная!
У солдата жизнь —
Эх, раздольная!

Дом-то каменный,
Дверь дубовая,
Под окном река,
Да медовая.

За рекой — гора,
Вся алмазная... —

[1] Стихи «Из песен прошлого» написаны на темы старых русских песен. Некоторые же из стихов являются лишь поэтической обработкой старых народных песен.

Отвечала им
Девка красная:

— Ой, не врете ль вы,
Люди честные?
Жизнь солдатская —
Всем известная:

Не житье у вас,
А неволюшка;
Не жилье у вас —
Чисто полюшко.

За окном течет
Не вино, не мед, —
Это ваша мать
Горьки слезы льет.

Дорогих камней
Нет ни горсточки,
А рассыпаны
Ваши косточки.

1935

265. РЕКРУТЧИНА

(Песня-частушка)

Отходили мои ноги
По шелкóвой по траве,
Относил я русы волосы
На буйной голове.

Всё надеялся на жребий,
Ждал хорошего конца.
Больше не на что надеяться, —
Забрили молодца.

Слышишь, тятенька родимый,
Я — не пахарь, не косец:

В чужедальную сторонку
Нас погонят, как овец.

Генералы нам прикажут
Службу царскую любить,
Офицеры прямо в зубы
Новобранцев будут бить.

Нас никто не пожалеет —
У солдат защиты нет.
Для чего ж ты, мать родная,
Родила меня на свет?

Я ли дома не работал?
Я ли пашню не пахал?
За какую за провинку
В службу царскую попал?

Запрягай, папаша, лошадь,
Вдоль по улице промчи —
Отвези родного сына
На казенные харчи.

До свиданья, лес и поле,
До свиданья, вся родня!
До свиданья, красны девки,
Веселитесь без меня!

Сероглазая зазноба,
Прощевай — не позабудь!
В артиллерию солдатику
Пришли чего-нибудь.

1935

266. ПЕСНЯ О НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ

На гулянье пан девчонку обласкал,
Обласкавши — повенчаться обещал.

Только сам же насмеялся ей в лицо:
Взял обратно обручальное кольцо.

Взял обратно обручальное кольцо,
Утром вышел на парадное крыльцо,

Свистнул-крикнул на дворовых на людей:
— Вы подайте тройку быструю коней!

Вы подайте тройку быструю коней —
Сивогривых одношерстных лошадей.

Сел в карету, скрылся барин молодой,
И осталася девчонка сиротой.

Да такой же разнесчастной сиротой —
Ни невестой, ни женою, ни вдовой.

Стала плакать, безутешно слезы лить,
Стали люди про девчонку говорить:

— Под несчастною звездою рождена, —
С малолетства в негодяя влюблена.

А девчонка, стосковавшись по дружку,
За водой пошла на быструю реку.

Ведра ставила на берег на крутой,
В воду бросилась и скрылась под водой.

1935

267. ПЕСНЯ О ЗАМУЖЕСТВЕ

Не ходи ты, ветер,
В нашу сторону́,
Не качай, студеный,
Зелену сосну;

Под горой, под горкой
Не волнуй реку,
Ретивое сердце
Не вгоняй в тоску.

Без того — иду я,
А тоска — за мной:
На меня прогневался
Батюшка родной.

Позабыть велел он
Милого дружка,
Дочку за седого
Выдал старика.

С горькою судьбиной
Навсегда связал,
Целый век печалиться
Дочке приказал.

1935

268. ИЗБА

Весенними днями на речках
вода поднималася полая,
Весенними днями упрашивал
батрак бесталанный судьбу:
— Позволь мне, моя нехорошая,
позволь мне, моя невеселая,
Поставить над речкой над быстрою
со светлым оконцем избу;

Позволь мне за долгие годы,
за участь мою многотрудную,
В свое, не в чужое окошко
взглянуть хоть на старости лет...
— Не к месту, Данила Иваныч,
заводишь ты речь безрассудную,
Некстати, Данила Иваныч, —
судьба объявила в ответ, —

Напрасно ты просишь пощады,
напрасно ты требуешь милости:
Еще не наточены пилы,
не выкованы топоры,

Еще и леса строевые
для хаты батрацкой не выросли,
Еще в колыбели качаются
и плотники и столяры.

Пускай же сосновые стены
не снятся тебе и не грезятся, —
Как видишь, тебе не положено
такое построить жилье.
Но если, быть может, случится —
задумаешь с горя повеситься, —
Любое высматривай дерево,
и будет любое — твое.

1935

269. ПЕСНЯ О ДЕВУШКЕ

Я хожу по улице
Да не нахожуся,
Я гляжу на девушку
Да не нагляжуся.

Я б ее засватал —
Поп венчать не хочет.
Поп венчать не хочет,
Взять за сына прочит.

Дьякон — деньги нá кон —
Не идет, не служит,
Потому не служит —
Сам по девке тужит.

А дьячок не дьячит, —
Сам по девке плачет,
А звонарь не звонит, —
Сам по девке стонет.

Я пойду, ребята,
Из села родного,

В темной пуще зверя
Наловлю лесного.

Дам попу лисицу,
Дьякону куницу,
А дьячку-горюше —
Хоть заячьи уши, —

Может, добрым словом
Парня повстречают,
Может, с красной девкой
Парня обвенчают.

1935

ИЗ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

1914—1923

---

270. ПРОСЬБА СОЛДАТА

Светит солнца луч
Догорающий,
Говорит солдат
Умирающий:

— Напиши, мой друг,
Ты моей жене —
Не горюет пусть
О моей судьбе.

А еще поклон
Передай ей мой,
И меня она
Пусть не ждет домой.

Если ж жить вдовой
Ей не нравится —
С тем, кто пó сердцу,
Пусть венчается.

А еще тебе
Я хочу сказать:
Моему отцу
Не забудь писать —

Дескать, жив-здоров
Твой сынок родной,
Только ты его
Не зови домой...

Зашло солнышко,
Запылал закат.
Вместе с солнышком
Кончил жизнь солдат.

8 октября 1914

271. НА МОГИЛЕ

На кладбище тихом, под насыпью свежей,
Где шепчут березы и ели,
Где сходятся пóля широкого межи,
Лежишь ты в земной колыбели.

Лежишь и не знаешь, что Русь взволновалась,
Что брат твой порвал свои путы
И что невозможным, далеким казалось,
Исполнилось в эти минуты.

Те руки, что борозды эти пахали,
Развеяли сумрак ненастья;
В тех песнях, что в наших краях прозвучали,
Светлее надежда на счастье.

1917

272. ВСЁ ИСЧЕЗЛО, СКРЫЛОСЬ...

Всё исчезло, скрылось за сосновым бором:
Речка быстротечная, заросль соловьиная,
Ширь полей раздольная — не окинешь взором —
И она — хорошая, близкая, любимая.

Сердце одинокое тихой грустью сжалось:
Что-то позабыто, что-то не досказано,
Что-то незабвенное без меня осталось,
Что с моею жизнью светлой нитью связано.

1917

273. НОЧНАЯ ЗАПИСЬ

Сижу при свете папироски
У мутно-серого окна.
Стихов неясные наброски
Мне смутно шепчет тишина.

Ночной сверчок — мой друг давнишний —
Затронул вновь свою струну.
Стоят толпой безмолвной вишни,
Сойдясь к раскрытому окну.

Во тьме белеет занавеска,
Букет ромашек полевых.
Соседский пес залаял резко,
Потом подумал и затих.

Лето 1920
Ельня

274. НЕ ПОЙДУ, НЕ ПОЙДУ Я...

Не пойду, не пойду я к опушке,
Где стоят над рекою березы,
Не спрошу у гадалки-кукушки:
Что мне встретится — радость иль слезы?

Не умею я больше плакать
На немом деревенском просторе:
Как траву из цветущего мака,
Вырвал я из груди свое горе.

Распрощаюсь с родною избою,
Расстегну свой широкий ворот,
И за новой, за лучшей судьбою
Я отправлюсь в далекий город.

Сквозь леса и глухие болота
Проложу я прямую дорогу,
Потому что зовет меня кто-то
И не верится старому богу.

1921

275. ДЕД И ВНУК

1

Внуку дед говорил вчера:
«Люди птицами быть не могут...»
Дед соху починял с утра,
Внук с утра собирался в дорогу.
Дед по дереву — стук да стук:
«Завтра можно за пашню взяться...»
Уходил из деревни внук,
Чтобы в городе знаний набраться...

2

Крякнул дед: «Хороша соха!
Словно тесто, облогу пашет...»
Внук же небо летит пахать,
Деду крыльями сверху машет.
Перед дедом спустился внук,
Дед поближе ступить боится...
«Хочешь, дед, обгоню луну
На моей на железной птице?
Хочешь, плуг я такой скую,
Что до ночи всё поле вспашем?
Хочешь, снимем звезду твою
И повесим над хатой нашей?..»

Дед соху невзлюбил с тех пор:
«Отслужила свое, отскрипела...
Трактор — это другой разговор,
Это нам — подходящее дело...»

1922

276. В УЕЗДНОМ ГОРОДЕ

Уездный город — тишь да благодать,
Уездный город — сонный, захолустный,
Здесь даже днем прохожих не видать,
Здесь даже днем и сумрачно и грустно.

К восьми часам — все двери на засов,
Скребут уныло за обшивкой мыши.
И только месяц медным колесом
По вечерам катается по крыше.

1923

ПЕРЕВОДЫ

С УКРАИНСКОГО

Тарас Шевченко

277. ТРИ ДОРОГИ

Три широкие дороги
Пролегли куда-то...
С Украины на чужбину
Шли-ушли три брата.
Мать покинули родную;
Тот жену покинул,
Тот — сестру, а самый младший —
Лю́бую девчину.
Посадила мать-старуха
Три ясеня в поле,
А невестка — стройный тополь
На степном раздолье.
Три явора посадила
Сестра при долине,
А девчина молодая —
Красную калину.

Ой, засохла та калина,
Яворы пропали.
Не поднялся стройный тополь,
Ясени завяли.
Не идут назад три брата, —
Плачет мать родная,
И жена и дети плачут,
Долю проклиная.
А сестра искать уходит
Братьев на чужбину,

А девчину-сиротину
Кладут в домовину.
Не идут назад три брата,
По свету блуждают.
Три широкие дороги
Травой зарастают.

278. ДУМКА

Тяжко, тяжко жить на свете
Сироте без роду:
Негде, негде притулиться, —
Хоть с моста — да в воду!
Утопился б, чтобы света
Собой не печалить;
Утопился б, — сиротине
Некуда причалить.
У богатых — доля в поле
Жито убирает,
А моя-то, горемыка,
За морем блуждает.
Хорошо везде богатым, —
Их повсюду знают,
А со мной сойдутся люди —
И не замечают.
Пусть горбатый, да богатый, —
Девушка полюбит.
Надо мной же насмеется
И не приголубит.
«Чем же я плохой родился,
Чем же не удался?
Иль тебя любил не крепко,
Или надругался?
Люби ж себе, мое сердце,
Люби, кого знаешь,
Да не смейся надо мною,
Когда вспоминаешь.
Ой, пойду я на край света,
Счастье кликать стану;

Отыщу, а может статься, —
    Как листок, завяну».
Пошел казак одинокий,
    Побрел на чужбину,
Искал долю в чужом поле,
    Да там и — загинул.
Посмотрел он в час предсмертный,
    Как солнце лучится...
Тяжко, тяжко на чужбине
    С жизнью распроститься!

279

За меня моя родная
Поклонов не клала.
Без поклонов, без молитвы
Меня пеленала.
Пеленала, напевала:
«Пусть он сильным будет!»
Вот и вырос, слава богу,
Да не вышел в люди.
Лучше было б не родиться
Либо утопиться,
Чем гневить в неволе бога,
Целый век томиться.

А я хотел совсем немного:
Лишь хатку я просил у бога,
Одну хатеночку в гаю,
Да стройный тополь перед нею,
Да бесталанную мою,
Мою Оксаночку, чтоб с нею
Вдвоем с горы смотреть порой
На вольный Днепр, на яр крутой,
Да на просторы золотые,
Да на курганы на седые, —
Смотреть, и думать, и гадать:
Когда насыпаны вы были?
Кого в себе вы схоронили?
И тихо, тихо напевать
О том о рыцаре отважном,

О том о гетмане бесстрашном,
Кого враги в огне сожгли...
Потом бы мы с горы сошли,
По-над Днепром гуляли б с нею,
Пока в гаю не потемнеет,
Пока не спит еще земля,
Пока с вечернею звездою
Не встанет месяц над горою,
Туман не ляжет на поля.
Мы помолились бы вдвоем,
Да и пошли б своим путем
Вечерять под родною крышей...

Даешь ты, господи всевышний,
Сады панам в твоем раю,
Даешь высокие палаты.
Они ж — разбойники и каты —
На рай твой, господи, плюют.
А нам, несчастным, не дают
И маленькой, убогой хаты.

Я ж только хатку в этом рае
Желал и до сих пор желаю:
Чтоб умереть хоть — на Днепре,
Хотя б на маленькой горе.

280

Я — чтоб не сглазить — не хвораю,
Но всё же что-то примечаю:
Чего-то сердце ждет... Болит,
Болит и плачет, и не спит,
Как тот малыш, что всеми брошен.
Наверно, вести нехорошей
Ты ждешь.
Добра не ожидай,
Не ожидай желанной воли:
Ее замучил Николай,
Сама она не встанет боле.
Чтобы поднять и разбудить
Ее, больную, — надо миром

Обух широкий закалить
И наточить острей секиру[1] —
Да и скорей ее будить!
Не то она вовек не встанет,
Проспит до Страшного суда.
Ее баюкать барство станет,
Чтоб не проснулась никогда;
Дворцы и храмы будет ставить,
Царя хвалить, любить его,
Да византийство[2] хором славить,
И всё... И больше ничего.

Иван Франко

281

Ой, запел в саду, защелкал соловей
Песню вольную весенних ясных дней.
Он запел ее, как прежде запевал,
В час, когда он вёсны красные встречал.

Да не так теперь, не то теперь у нас:
Всё село гудит, бывало, в этот час.
А на улице девчата, словно рой,
А на вишне соловейка молодой.

Ой, не то теперь, что было!.. Вечерком
Не пройдут девчата с шуткой, с говорком,
Не выводят они песен на весь двор
Молодому соловью наперекор.

Изнуренные, с полей они спешат,
Руки-ноги, как отбитые, болят.
Не до песен тут, видать, не до затей, —
Им, сердешным, отдохнуть бы поскорей.

---

[1] «И наточить острей секиру» — эти слова перекликаются с лозунгом Чернышевского «К топору зовите Русь».

[2] «Византийство» — так называли Чернышевский и Герцен проявление официальной православно-монархической идеологии.

Грустно даже соловейке распевать,
Грустно, тяжко дни весенние встречать,
Славить радостными песнями простор,
Словно горю, горю нашему в укор.

Еще жаль ему соперниц, что гурьбой
Пели с ним по вечерам наперебой:
Что-то ждет их? — Муж постылый, плач детей,
Брань свекрови да попреки от людей.

282. В ШИНКЕ

Сидел в шинке и пил хмельную,
А возле сердца что-то жгло...
Припомнил он жену больную,
Детей и счастье, что ушло.
Да, был хозяином и он,
Его любили все соседи.
Ему — и ласка, и поклон,
И слово доброе в беседе.
А дальше... Дальше не хотел
И вспоминать!.. Настало лихо...
Зачем молчать он не умел,
Не пожелал держаться тихо?
Когда село обидел пан,
Он поднял голос справедливый, —
Он встал за правду, за крестьян,
Хоть не его пропала нива.
Но он не смог осилить зла,
И, как ни бился, ни старался —
Лишь разорился сам дотла,
А правды — правды не дождался.
Скотину, хату, поле, сад —
Всё отсудили, всё забрали
И в белый свет, в кромешный ад
Со всей семьей его прогнали.
Родные дети внаймах мрут,
Горячка бьет жену больную...
А батька где?.. — А батька тут, —
Сидит в шинке и пьет хмельную.

Янка Купала

283. ПЕСНЯ БЕЗЗЕМЕЛЬНОГО

Ты лети-звени, мой голос,
Песней неизменной
О той доле, о недоле,
Доле безземельной.

Полюбуйтесь, поглядите:
Я живу вельможей.
Ничего в моем хозяйстве
Вор украсть не может.

Мое поле, мои нивы —
Облака седые,
Мое стадо, мои кони —
Тучи дождевые.

Ветер пашню мою пашет
И пасет скотину,
Песни длинные слагает
Про мою судьбину.

Мой дворец — вот это небо,
Голубые своды.
Светит солнце в нем, а звезды
Водят хороводы.

И никто моих владений
Отобрать не может,
Податей за это поле
Никто не наложит.

Ой ты, поле голубое,
Высокая нива!
А когда ж от вас, скажите,
Я дождуся жнива?

Мчатся думы горькой песней,
Песней неизменной
О той доле, о недоле,
Доле безземельной.

284—285. *ИЗ ПЕСЕН О МУЖИЦКОЙ ДОЛЕ*

1

За сохой, бороной,
За серпом, за косой —
Что ни день, что ни год —
Плачет бедный народ.
Что же он получил,
Выбиваясь из сил?
Гей, го-го! Гей, го-го!
Мы живем и поем:
Хлеб другие едят,
Мы ж мякину жуем.

С топором да с пилой,
Злой холодной зимой —
Что ни день, что ни год —
Сосны валит народ.
Что же он раздобыл,
Выбиваясь из сил?
Гей, го-го! Гей, го-го!
Мы живем и поем:
Согреваем других,
Сами ж холод клянем.

На постройку дворца,
Без конца, без конца —
Что ни день, что ни год —
Бревна тащит народ.
Что же он раздобыл,
Выбиваясь из сил?
    Гей, го-го! Гей, го-го!
    Мы живем и поем:
    Пану строим дворец,
    Сами ж мрем под углом.

2

Как за хату выйду
Я на луг на свой —
Что ж косить я буду,
Боже дорогой?
    Ой, люли, люли,
    Что же мне косить?
        Луг такой — ни дать ни взять, —
        Стыдно людям показать:
        Там осока, кочки здесь —
        Вот и всё добро, что есть.

Как за хату выйду,
В поле погляжу —
Что же жать я буду,
Что на ток сложу?
    Ой, люли, люли,
    Что на ток сложу?
        Хлеб такой — ни дать ни взять, —
        Стыдно людям показать:
        Васильки, костерь, осот —
        Вот и весь доход-приход.

Как за хату выйду
В лес, в дремучий бор —
Что, скажите, будет
Мой рубить топор?
    Ой, люли, люли,
    Что срублю в лесу?

Я срублю — ни дать ни взять, —
Стыдно людям показать:
Хлам, кустарник, пни, гнилье —
Это, значит, всё мое.

Как за хату выйду —
Вдаль большак идет.
А куда ж, куда же
Он меня ведет?
Ой, люли, люли,
Куда ж он ведет?
Он ведет — ни дать ни взять, —
Стыдно людям рассказать:
На погост. В кабак. В тюрьму.
Вот и всё. Конец всему!

286. КОЛЬ БЫЛА Б Я ПЕРЕПЕЛКОЙ...

(По народным мотивам)

Коль была б я перепелкой —
Дома б не сидела,
А куда бы мне хотелось,
Я б и полетела:

То ль за ягодою сладкой
В рощу за усадьбы;
То ль в лесу густом и темном
Мне орехи рвать бы;

То ль бродить бы мне лугами,
Где река синеет,
Где на солнышке калина
Поспевает, зреет...

Но не быть мне перепелкой,
Крыльев не иметь мне;
Ни до рощи, ни до леса,
Ой, не долететь мне!

Нет в лугах за речкой ягод
Горше, чем калина;
Нет судьбины тяжелее,
Чем моя судьбина.

Как я выйду, молодая,
За ворота в поле,
Слезы сами набегают
От тоски-недоли.

Ой, они ручьями льются,
Горестные слезы,
Словно ро́сы летней ночью
С молодой березы.

Плачут очи век от века
И в избе и в поле
Не о добром человеке,
А о вольной воле.

287. А КТО ТАМ ИДЕТ? . .

А кто там идет, а кто там идет
Посреди лесов и гнилых болот?
— Белорусы.

Что ж несут они на худых плечах,
На согбенной спине, на истертых руках?
— Свою кривду.

А куда ж они с этой кривдой идут,
А куда ж ее напоказ несут?
— На свет белый.

А кто ж это их — не один миллион —
Кривду несть научил, разогнал их сон?
— Нужда, горе.

А чего же, чего захотелось им,
От ярма векового слепым и глухим?
— Людьми зваться.

Якуб Колас

288. ВРАГАМ

Каты-лиходеи,
Паны-богатеи!
Мы зовем на суд вас,
Подлые злодеи.

Вас зовет к ответу
Бедный да голодный,
Спрашивает гневно
Голос всенародный:

Чьими же руками
Жар вы загребали?
И на чьи вы слезы
Счастье покупали?

И за что, скажите,
Нас прикладом били,
Били-катовали,
Голодом морили?

Чьим трудом-заботой,
Отвечайте, каты,
Строили вы за́мки,
Пышные палаты?

Всё у нас забрали, —
Что же принесли вы?
То не наше ль поле
Смотрит так тоскливо?

И не наша ль это
Нива — в пол-аршина?
Не у нас ли в хлебе
Каждый год мякина?

Чья земля песчана,
Поле каменисто?
В чьих сараях пусто,
В чьих амбарах чисто?

Чьи овины, хаты
Гнутся сиротою?
Чьи струятся слезы
Летом и зимою?

Чья скотина бродит
По земле бесплодной,
Без травы, без корма
Гибнет ежегодно?

Чьи, скажите, песни
Ходят полем, бором,
Жалуются, стонут
И звучат укором?

Слушайте же, каты:
Бойтеся сермяги!
Много в сердце гнева,
Много в нас отваги.

Вас давно веревки
Наши ожидают,
И по вас осины
Слезы проливают!

289. МУЖИК

Я — мужик, бедняк унылый,
И меня «жалеет» всяк:
Кровь сосет и тянет жилы,
Надрывает мои силы,
Прижимает так и сяк.

Я — мужик. В неволе лютой
На мякине вырос я.
От ботвы — живот раздутый,
Ноги грязны, необуты,
Рвань — одежда у меня.

Я — мужик. Я — сын заботы.
Мало ем и мало сплю.

Надрываюсь над работой,
День стараюсь за два злотых,
Издевательства терплю.

Я — мужик. Не слышу звона,
Всё же ест меня червяк:
А не врет ли поп с амвона,
Что царю дал бог корону?
Ой, не может быть, не так!

Я — мужик. Но ум имею.
Будет время и мое.
Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею
Крикнуть: «Хлопцы, за ружье!»

290. ПЕВЕЦ

«Что ты грустен? — мне сказали, —
Что поешь ты всё про горе?
Эти песни — крик печали,
Стоны ветра на просторе.

Ты сложи нам песню воли,
Чтобы дух наш разыгрался,
Чтоб напев широкий поля
В струнах сердца отозвался;

Чтоб на нас весна дышала,
Грела душу теплотою,
Чтобы сердце нам ласкала
Тихим счастьем, добротою».

«Ой вы, люди! Нет мне воли:
Мысли скованы цепями;
Наши нивы пусты в поле,
Злобный вихрь шумит над нами.

Я ли сердцем не болею?
Я ль душою не томился?
Но пою я, как умею, —
Радость петь не научился».

291. ОСЕНЬЮ

С пригорка в низину дорога сбегает,
Дубы у дороги стоят.
А струи криничные — кто их там знает —
О чем-то, знать, важном звенят.

И сосны и ели — налево, направо, —
Как вдовы, столпилися здесь.
И слушают молча деревья и травы
Какую-то грустную весть.

И все неспокойны. Теснятся, вздыхая, —
И больно и боязно им.
А ветер-задира гудит, не смолкая,
И воет над лесом пустым.

Волнуется лес. А цветы на поляне
Склонились до самой земли.
«Не бойтесь! Зима не навеки настанет...» —
Кричат с высоты журавли.

С пригорка в низину сбегает дорога,
Дубы у дороги растут.
И по лесу бродят печаль и тревога,
И темные тени снуют.

Петрусь Бровка

292. ДУБОВЫЙ ЛИСТ

Не страшен мне ни дождь суровый,
Ни ветра вой, ни бури свист:
За жизнь держусь, как тот дубовый —
За ветвь свою родную — лист.

Весь медный, крепкий и упругий,
Горит в глухую осень он.
Его трясут лихие вьюги,
А он одно —
звенит, как звон.

Когда ж метель шумит, играет
И злобно щерится мороз,
Он, как ладонью, прикрывает
От стужи ветку, где пророс.

И лишь весною, в день безбрежный,
Когда тепло, светло вокруг,
Перед листочком новым, нежным
Он тихо падает на луг.

293. АЛЕКСАНДРИНА

Не позабыть мне песню далекой той весны:
«На Муромской дороге стояли три сосны...»

Бродили мы и пели, и с песней ты цвела.
Александрина, помнишь, какая ты была!

Любил тебя тогда я — зачем теперь таить? —
И ни с одним цветком я не мог тебя сравнить.

Взять василек, но краска — всего-то в нем одна,
Взять лилию, но эта уж очень холодна.

Взять колокольчик, может... Да всех ты
краше их!..
Такой ты мне казалась в семнадцать лет моих.

Летело время, мчалось, мне навевая сны,
Как где-то на дороге стояли три сосны.

Прошли весна и лето. Зима — над головой...
Александрина, где ты, подай мне голос свой!

294. КОММУНАРЫ ЖИВУТ

Коммунары живут, нет, они не мертвы, не убиты!
Пер-Ляшез, я стою пред тобой с головой непокрытой.

Пер-Ляшез! Отовсюду к тебе нас приводит дорога.
Коммунары живут! Посмотри, как сегодня их много.

Пер-Ляшез! Доблесть храбрых вовеки не может
забыться.
Вот и я здесь стою, чтоб героям твоим поклониться.

Спят герои в земле, но живет их великая сила.
Я срываю листочек с их скромной и славной могилы.

Я кладу его к сердцу, и сердце взволнованно бьется,
И оно — крепче кремня, огня горячее, сдается.

Закипает в нем боль перед этой стеною суровой,
И всё громче звучит его жаркое, верное слово.

Коммунары живут! Пусть в бою полегло их немало,
Но над всею землей в Октябре их звезда засверкала.

И всё шире растет — никаких не боится ударов —
Нерушима вовеки, живая стена коммунаров,

Коммунаров стена, что собой прикрывала народы,
Что сумела сдержать все напасти и все непогоды;

Над когортой бойцов гордо Ленинский стяг развевался,
Кто хотел его сбить — о гранит той стены разбивался.

Коммунары живут! Их на свете уже миллионы.
Слышишь их, Пер-Ляшез, видишь их боевые колонны?!

Слышишь, гимн их звучит — словно грома могучего
рокот,
Коммунары идут, и до цели уже недалеко!

Аркадий Кулешов

295. БЮРО СПРАВОК

Вот она — его родная школа.
Он стучится в двери раз, другой.
Тишина... Ответа никакого...
Лишь скрипят ступеньки под ногой.

Лет с семи сюда он прибегал,
Жизнь потом познал не в снах и грезах, —

Плавал морем, трясся на колесах,
От семьи от школьной отвыкал.

Не отвык.
И порешил на том:
Всё бюро, где выдаются справки,
Обойду, повсюду дам заявки,
Всех ребят найду таким путем...

Но, по неизвестным нам причинам,
Не с ребят он начал, а с дивчины, —
Стал разыскивать ее следы.
Впрочем, что же — в этом нет беды.

Он пошел...
Пиджак его дымился —
Всё еще под солнцем не просох.
Путь размыло.
На траве песок —
Здесь недавно ливень прокатился.

Он шагает с палкой.
А в кармашке —
Золотое вечное перо.
В небе ходят белые барашки.
Край села. И вот оно, бюро!

Тихий домик, под окном — рябины,
Здесь живет родная мать дивчины:
К ней идет он только справку взять,
А она, наверно, скажет — зять.

Дверь открыл нетвердою рукою
И с пером и с книжкой записною
Он вошел в знакомое жилье.
Мать встает.
Он узнает ее...

Зятя мать зовет тотчас за стол,
Угощает
Счастья полной миской;
Дочку называет коммунисткой
(Прошлый год вступила в комсомол).

Здесь была она не так давно
И опять умчалась...
Понемногу
Мать расскажет обо всем...
В окно
Смотрит гость на дальнюю дорогу...

А назавтра
затопила печь...
А ему пора уж собираться.
Только жалко (вот какая вещь!)
С этой тихой хатой расставаться.

Для чего ему дивчина та —
Он и сам не знает досконально.
Но она — как песня, как мечта,
От которой сладко и печально...
На крылечке мать простилась с ним.
Он идет. В полях тропинки вьются.
Адрес есть!

Плывет и тает дым
Над бюро, где справки выдаются.

296. БЕРЕЗКА

Стоит она возле ограды
Одна на погосте.
Осколки фашистских снарядов
Оставили след на бересте.
Стрелял чужеземец, но чудом она уцелела.
Стоит она, словно дивчина на месте расстрела.
Не плачь же, не лей свои слезы,
Березка!
Над светлой рекой заплети свои косы,
Березка!
Тебя не убили, тебя не угнали в неволю,
Расти же на радость и людям, и тихому полю!

297. МЕЛЬНИЦА

(Легенда)

— Как мне горько! — юноша сказал,
Расставаясь с девушкой своею, —
Лучше бы я мельницею стал!.. —
И мгновенно сделался он ею.
Вместо крови льется в нем вода,
Вместо сердца бьется тяжкий жернов.
И стоит он долгие года,
Мелет хлеб, работая покорно.
Говорит народная молва:
Для того чтоб колдовство пропало,
Должен он перемолоть сперва
Всё, что здесь ему принадлежало.
Коль немногим был он наделен,
То тогда, от чар освобожденный,
По весне к девчатам выйдет он,
Ни в одну пока что не влюбленный.
Если ж — многим? Что сказать в ответ?
Самому лишь юноше открыто,
Что ему принадлежал весь свет,
Как ходил он с девушкою в жито.

298. БАЛЛАДА О ЧЕТЫРЕХ ЗАЛОЖНИКАХ

Их ведут по родной сторонке
Четверых,
Под конвоем,
Из дому.
Лет четырнадцать старшей девчонке,
Года три пареньку меньшому.
Вместе с ними в подвал холодный
Гонят тетку — сестру Миная.
А Минай — это батька их родный,
Батька родный,
Мститель народный.
Об отряде его,
О бригаде
Немцы много в газетах писали.

И приказ, устрашения ради,
По округе по всей разослали.
А в приказе том говорится:
Дескать, ты командир партизанский, —
Должен ты покориться,
Смириться,
Сдаться в руки власти германской.
И висит тот приказ жестокий
На Минаевой хате и клети:
Коль не сдашься, пропустишь сроки —
Значит, будут расстреляны дети...

Ждут в подвале дети Миная,
Ожидают судьбы неминучей.
С ними вместе их тетка родная,
И ее людоеды замучат...
Самый младший спросил у тетки,
Припадая к ней русой головкой:
— Почему на окнах — решетки
И у двери — солдат с винтовкой?
Скоро ль батька придет за нами?..
— Скоро, — тетка в ответ меньшому, —
Он придет и родными полями
Поведет нас отсюда до дому.
— Что же нет его? — скорбно и кротко
Говорит он, глаза закрывая.
— Спи-засни, — утешает тетка,
Часа смертного ожидая.
И когда он заснул, всю правду
Тетка детям сказала — не скрыла.
Лишь меньшой не узнал, что завтра
Ожидает их всех могила.
— Он еще совсем несмышленый,
Пусть же спит, ничего не зная, —
Тихим голосом утомленным
Учит тетка детей Миная.
Спит — не спит он. Тревожно дышит, —
Видно, снится
Темница
Сыну:
— Тут и скользко и бегают мыши...
На кого ж ты нас, батя, покинул?..

— Спи, мой мальчик, усни до рассвета...
Скоро солнце взойдет над дубравой...
Спи, отец не придет...
На это
Нет ему отцовского права...

Ночь проходит.
Солнышко всходит.
Вьется жаворонок в небе над полем.
Их солдаты
Ведут куда-то.
Рад мальчишка и солнцу и воле...
Всех палач у стены поставил,
Взял ружье, с малыша начиная:
Прямо в грудь ему дуло направил.
Выстрел.
Сникла головка льняная.
И опять он ружье поднимает.
На стене — заложников тени.
Вот и всё...
. . . .
Перед батькой Минаем
Станьте, все отцы, на колени!

Адам Русак

299. БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ...

Будьте здоровы,
Живите богато,
А мы уезжаем
До дому, до хаты.

Мы славно гуляли
На празднике вашем,
Нигде не видали
Мы праздника краше.

Как в вашем колхозе
Широкое поле, —

Пускай же для счастья
Цветет ваша доля.

Пусть будут на речках
Да светлые воды,
Пусть плавают в речках
Гусей хороводы.

Желаем, чтоб каждый
Как надо трудился,
Чтоб двор от скотины
От разной ломился;

Чтоб лошади были
Сильны и красивы,
Чтоб куры возами
Вам яйца носили;

Чтоб в вашем колхозе
Все жили богато,
Добром наполнялась бы
Каждая хата;

Чтоб ели вы сладко,
Варили бы вкусно
Ботвинью, картошку,
Горох и капусту;

Чтоб на поле жито
Дружней колосилось,
Чтоб сало в кладовке
Всё время водилось;

Чтоб в печке горячей
Шипела бы шкварка,
А к ней — если надо —
Нашлась бы и чарка;

Чтоб к вам приезжали
Желанные гости,
Чтоб люди на вас
Не имели бы злости;

Чтоб дружной работою
Вашей бригады
Все были довольны,
Довольны и рады.

Еще пожелать вам
Немного осталось —
Чтоб в год по ребенку
У вас нарождалось.

А если, по счастью,
И двое прибудет, —
Никто с вас не спросит,
Никто не осудит.

Путь к вашему дому
Мы знаем прекрасно
И вас обещаем
Наведывать часто.

То просто заедем,
А то — к октябринам
Внесем караваи
Да по две осьмины.

Так будьте ж здоровы,
Живите богато,
А мы уезжаем
До дому, до хаты.

С ОСЕТИНСКОГО

Коста Хетагуров

300. ТРЕВОГА

Мой друг незнакомый, любимый, желанный,
Каким тебя именем мне называть?
С какой я надеждой и думою стану
Хранить тебя в сердце, о родина-мать?

Мне слышатся стоны из скал поднебесных,
Родная земля, — из груди из твоей...
И где бы ты ни был, мой друг неизвестный,
На клич, на призыв мой приди поскорей.

Он слышен и мертвым! И если укрыться
Решил от него ты — позор тебя ждет...
Осетия! Разве ты можешь смириться
Под властью пришельца, что мучит народ?

Быть может, надеждой на правду влекомый,
Доверил ты волю пришельцу тому?
Умри ж от раскаянья, друг незнакомый,
Коль ты хоть на миг подчинился ему!

301. ЗНАЮ

Знаю, поплачете, может,
Вы, зарывая мой прах,
И пожелаете в божьем
Царстве мне всяческих благ.

Знаю, барана забьете
Или еще что-нибудь,
Вдосталь араки нальете,
Чтобы меня помянуть;

Каждый об умершем скажет
То, что обычай велит.
После ж — не вспомните даже,
Где я в могиле зарыт.

302. ПАШНЯ МАРКО КОРОЛЕВИЧА

Сел вино пить Марко Королевич
С Ефросимой — матерью своею.
И когда они напились вдоволь,
Ефросима молвила юнаку:
«О сынок мой Королевич Марко!
Ты набеги прекрати лихие,
Зло добра вовеки не приносит,
И твои кровавые рубашки
Мне стирать, старухе, надоело.
Лучше б, Марко, ты ходил за плугом
Да пахал бы горы и долины,
Сеял бы кормилицу пшеницу,
Вот и были б мы с тобою сыты!»

Марко мать послушался родную,
Взял волов и выехал на пашню,
Но ни гор он, ни долин не пашет,
Пашет он султанские дороги.
Едут мимо турки-янычары
И везут на трех возах богатство.
Закричали янычары Марко:
«Эй ты, Марко, не паши дорогу!»
— «Эй вы, турки, не топчите пашню!»
— «Эй ты, Марко, не паши дорогу!»
— «Эй вы, турки, не топчите пашню!»
Надоело это Марко слушать,
Плуг с волами поднял Королевич,
Перебил турецких янычаров,
Три воза отнял у них с богатством
И отнес их матери-старухе:
«Для тебя я выпахал сегодня».

303. КОРОЛЕВИЧ МАРКО И БЕГ КОСТАДИН

Едет бег Костадин по дороге,
Едет рядом с побратимом Марком.
Так сказал Костадин побратиму:
«Побратим мой Королевич Марко,
Если в гости ко мне соберешься
В Дмитров день, что осенью, приедешь
Имя крестное мое прославить,
То увидишь честь и уваженье,
И найдешь ты дружескую встречу,
И на славу будет угощенье».

Отвечает Королевич Марко:
«Не хвалился б ты своею встречей:
В поисках за братом Андрияшем
Я заехал на твое подворье
В Дмитров день, что осенью, заехал
Имя крестное твое прославить,
Я увидел, что это за встреча,
Три твоих я мерзости увидел».
Костадин тут спрашивает Марка:
«Где, какие мерзости ты видел?
Объясни мне, Королевич Марко».

Отвечает Королевич Марко:
«Мерзость видел первую такую:
Сиротинки в дом твой постучались,
Белым хлебом бедных накормить бы
Да вином бы красным напоить их.
Ты ж на них, несчастных, раскричался:
«Убирайтесь, грязные поганцы,
Не поганьте вин и яств господских».
И тогда мне стало жалко нищих,
Жалко, бег, мне стало двух сироток.
Подошел я к двум сироткам бедным
И повел их прямо на подворье,
Накормил их вдоволь белым хлебом,
Напоил их и вином я красным.
Я одел обоих в алый бархат,
В алый бархат, в новый шелк зеленый
И послал к тебе во двор твой белый.

Сам следил за ними из укрытья —
Как теперь ты сиротинок примешь.
На руки ты взял сироток бедных,
Одного за левую взял руку,
За руку за правую — другого,
Усадил их за столом богатым:
«Ешьте, пейте, княжеские дети!»
Я увидел и вторую мерзость:
Посадил ты старое боярство,
Что свое богатство потеряло,
Что ходило в бархате потертом,
Посадил ты, бег, в конце застолья.
Ну а всё недавнее боярство,
Что недавно лишь разбогатело
И ходило в бархате нарядном,
Усадил ты, бег, на главном месте,
Вынес им и ви́на и ракию,
Угощал их сладостями щедро.
Мерзость третью видел я такую:
Для отца, для матери родимой
Не нашлось в твоем застолье места,
Чтобы чашу первую им выпить».

С ВЕНГЕРСКОГО

Шандор Петефи

304. РАКОЦИ

Свободы вождь, звезда на небе темном,
Великий сын родной своей страны!
Слезою жаркой, гневом неуемным,
О Ракоци, сердца у нас полны.

Дела твои, которым был ты предан,
Мы довершим. Но жалко одного:
Не быть тебе на празднике победы,
Не встать тебе из гроба своего.

О, если б только это можно было —
Найти твой прах, вернуть его домой!
Но кто же знает, где твоя могила?
Какой тебя засыпали землей?

Ты изгнан был из края из родного
За то, что больше всех его любил,
И век своею тяжестью суровой
Твою могилу смял и раздавил.

Но ты не мертв, — жива душа героя,
И смерть вовек не прикоснется к ней.
Приди же к нам, спустись в минуты боя,
Слети душой великою своей!

И стяг возьми невидимой рукою,
Неси его, веди своих солдат.
Пусть голос твой, приглушенный землею,
Гудит в солдатском сердце, как набат.

И мы пойдем, помчимся в бой с врагами! —
Пусть сотни глаз нам грустно смотрят вслед,
Пусть сто смертей возникнут перед нами, —
Назад мы даже не посмотрим, нет!

И в дни победы, в пламени рожденной,
Ради которой ты дышал и жил,
Воскликнет наш народ освобожденный:
«Кто начал дело, тот и завершил!»

305. МОЛОДОЙ БАТРАК

Гусару на коня не сесть красиво так,
Как на телегу сел тот молодой батрак.
Он сено свез, свалил, сложил на чердаке,
На хутор едет он в телеге налегке.

Везут его волы, он смотрит молодцом.
Передний самый вол шагает с бубенцом.
Редчайший бубенец! Так звóнок он в пути,
Что мог бы где-нибудь за колокол сойти.

Кричит батрак волам: «Вперед, волы, вперед!»
И правою рукой с телеги кнут берет,
Берет с телеги кнут — сажени три в длину —
И хлещет им волов: «А ну, волы! А ну!..»

А девушка в саду полола в этот час,
И парень подкатил к забору в самый раз.
Она, и не взглянув, по звуку поняла —
Чей это кнут и чья упряжка подошла.

И девушка в саду обрадовалась так,
Что вырвала цветок, а вовсе не сорняк.
А если вырван он, — назад не посадить.
И парню тот цветок пришлося подарить.

А парень — что ж сказать? — Не мог он, молодой,
Подарка не принять от девушки такой, —
От девушки такой, что как цветок сама
И что совсем его, совсем свела с ума.

И гордо свой цветок он к шляпе прикрепил,
В телегу снова сел и дальше покатил.
На хутор держит путь, и, торопя волов,
Как жаворонок, поет он песенку без слов.

Поет батрак о том, что в сердце он берег,
Что чувствовал давно, а высказать не мог.
И песня так звучит, что видно по всему —
Все жаворонки окрест завидуют ему.

306. К СВОБОДЕ

Дай взглянуть в твои, свобода, очи! —
Мы тебя искали дни и ночи,
По земле, как призраки, блуждали,
Звали мы тебя и ожидали.

С нами ты — и нам никто не страшен,
Божество единственное наше!
Пред тобой — бессмертной и священной —
Падают все идолы мгновенно.

Всё же ты бесправной оставалась,
Словно Каин, по земле скиталась;
За тобою палачи следили,
Твое имя к плахе пригвоздили.

Срок пришел — и те лежат в могиле,
Что тебя похоронить спешили.
Срок пришел — и мы с тобою вместе,
Ты средь нас — на королевском месте.

Ты одна — король и повелитель,
Ты одна — наш друг и покровитель.
В честь твою не факелы сверкают, —
То сердца́ огнем у нас пылают.

О свобода, в душу посмотри нам,
Ясным взглядом душу озари нам,
Чтоб окрепли силы у народа
От сиянья глаз твоих, свобода!

Но, свобода, что ж ты побледнела?
Иль о прошлом дума налетела?
Иль не всё мы сделали, быть может?
Или страх за твой венец тревожит?

Не страшись! Скажи нам только слово,
Только стяг свой подними. И — снова
Встанет войско грозно и сурово,
На победу и на смерть готово.

Если даже мы на поле брани
Все погибнем, — из могил повстанем,
Но врагов в покое не оставим! —
С призраками биться их заставим.

Венгерские народные песни и баллады

307. ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Провалилась моя крыша —
ой-ё-ё!
Даже аист сесть не хочет
на нее.

И такой прислали нынче
мне налог,
Что от тяжести прогнулся
потолок.

Входит в дом за недоимкой
сам судья,
И не слышит он, что плачет
вся семья.

И не видит он — как будто
вдруг ослеп, —
Забирает всю одежду,
весь наш хлеб.

Трудно, трудно жить на свете
бедняку:
Сколько горя он выносит
на веку!

От нужды его избавит
вековой
Разве только тяжкий камень
гробовой.

308. НЕ СДЕРЖАЛ ТЫ СЛОВА...

Не сдержал ты слова,
Не простился даже:
Обманул, покинул, —
Бог тебя накажет.

Бог тебя накажет
Барыней-женою,
Кучей ребятишек,
Покупной едою.

309. НАЗОВИ МЕНЯ МУЖЕМ

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да сжиться не мог я с женою своею...
Купил ей сапожки, купил — разорился,
Принес и поставил на стол перед нею:
— О радость моя, назови меня мужем!
— Вот новость еще! А на что ты мне нужен?

Я знатных господ, что отца навещали, —
И тех-то не очень... А вы б уж молчали!

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да сжиться не мог я с женою своею...
Купил я ей платье, купил — разорился,
Принес и на стол положил перед нею:
— О радость моя, назови меня мужем!
— Вот новость еще! А на что ты мне нужен?
Я знатных господ, что отца навещали, —
И тех-то не очень... А вы б уж молчали!

Эй, пава ты, пава, спесивая пава!..

Судила судьба — на богатой женился,
Да только с женою своею не сжился.
Пошел я по роще — развеять кручину,
Принес я и спрятал в сарае дубину.
— О радость моя, назови меня мужем!
— Напрасная просьба. На что ты мне нужен?.. —
Схватил я дубину, взмахнул я дубиной...
— О муж мой бесценный! О муж мой любимый!

310. ПОДМАСТЕРЬЕ МЕЛЬНИКА

С подмастерьем мельника
Я всю ночь сидела.
Я всю ночь сидела,
На него глядела.
Одного хотелось,
Чтобы ночь продлилась,
Чтобы я не скоро
С милым разлучилась —
С подмастерьем мельника...

Если бы колеса
Всех на свете мельниц
Золотыми были

И один бы жемчуг
Мельницы дробили;
Если б мне их дали,
Дали б и сказали б:
«Только не встречайся!» —
Я б не променяла
Подмастерья мельника...

Если б можно было
Всю морскую воду
Превратить в чернила;
Если б все травинки
Перьями бы стали;
Если бы все звезды
Писарями стали, —
И тогда бы даже
Было невозможно
Описать любовь мою
К подмастерью мельника.

311. ЗАПОЗДАЛАЯ СВАДЬБА

Батя в полном облаченье
Начинает обрученье.
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Батя парня обручает,
С черноглазою венчает.
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Обвенчал, но что случилось?
Что жена заторопилась?
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

Только как ни торопилась,
По дороге разродилась.
Ночь темна, милый мой,
Проводи меня домой!

312. ЖЕНА КАМЕНЩИКА КЕЛЕМЕНА

Было их, было двенадцать по счету,
Каждый на крепости Дэва работал, —
Стены из камня они воздвигали,
Только те стены недолго стояли:
За день поставят — разрушатся ночью,
За ночь поставят — разрушатся утром.

Келемен дал нерушимое слово:
— Чья бы жена ни явилася первой, —
Камнем обложим ее, замуруем
И обожжем, чтоб, скрепленная кровью,
Наша твердыня стояла вовеки...

Келемен видит: жена его первой
К крепости Дэва несет ему завтрак, —
На голове поместила корзинку,
А на руках ее малый ребенок...

«Господи, господи! Лютого зверя
Ты перед нею поставь на дороге, —
Может, вернется...»
Но нет, не вернулась.

«Господи, господи! Пусть ее лучше
Каменный дождь осыпает из тучи, —
Может, вернется...»
Но нет, не вернулась.
— Здравствуйте, здравствуйте, добрые люди!..
Боже мой, боже мой! Что это значит?
Всем поклонилась, а вы — как немые...

— Келемен, муж твой, дал клятву такую:
«Чья бы жена ни явилася первой, —
Камнем обложим ее, замуруем
И обожжем...»
Ты явилася первой.

— Что ж, если он меня так ненавидит, —
Я соглашаюсь...

Сняли корзинку и взяли малютку,
Стали закладывать женщину камнем:
Скрылись колени — считала за шутку,
Скрылся живот — посчитала за глупость,
Грудь заложили — поверила: правда!

— Мальчик мой! Люди тебя не оставят:
Добрая женщина грудью накормит,
Добрые дети с тобой поиграют,
Птицы тебя убаюкают пеньем,
Мальчик мой милый!..

— Где моя мама, отец мой, отец мой!
— Полно, малютка, воротится к ночи. —
Ночь наступила, а матери нету.

— Где ж моя мама, отец мой, отец мой!
— Полно, сыночек, под утро вернется. —
Утро проходит, а матери нету...
Умерли оба...

313. ЖЕНА ИШТВАНА ГЕРГЕ

— Ты отпусти меня, муж мой любезный,
Ты отпусти меня нынче в дорогу:
Младшую дочку хочу навестить я, —
Бедных она, говорят, не жалеет.

Вот и отправилась, как загадала,
Вот и слугу у ворот увидала:

— Добрый слуга, попроси ты хозяйку, —
Может быть, даст она бедной старухе
Хлеба кусок и позволит напиться?

— Барыня, добрая барыня наша,
Там у ворот ожидает старуха, —
Может, вы хлеба немного дадите,
Может, напиться вы ей разрешите?

— Нищенке хлеба?! Да я его лучше
Брошу собаке своею рукою.
Нищенке воду?! Да лучше в хоромах
Тою водою полы я помою.

— Добрая барыня, где вы родились?
Дочерью чьей до замужества были?
— Младшею дочерью Иштвана Герге.

— Были вы дочерью Иштвана Герге,
Я же ему прихожуся женою.

— Матушка, я же тебя не узнала!
Что ж ты стоишь? Заходи поскорее!
Вкусный обед я велю приготовить,
Лучшую дам для тебя я рубаху,
Дам я хоромы тебе расписные,
Дам я тебе дорогую коляску, —
Будешь кататься ты в ней шестернею.

— Пусть твой обед пожирают собаки,
Пусть унесет ураганом рубаху,
Пусть твой дворец от пожара погибнет,
Пусть твои лошади сдохнут от мора,
Ржа дорогую коляску покроет!
Крохи одной от тебя не приму я,
Ты и сама не нужна мне такая!

С ИТАЛЬЯНСКОГО

Антонио Гуерра

314. КИРПИЧ

Всю жизнь мой дед выделывал кирпич,
Всю жизнь отец выделывал кирпич,
И мой удел — выделывать кирпич.
Но всё ж не смог никто из нас притом
Себе построить дом.

В Суффраджо храм — его построил я.
Дома́, что рядом с ним, построил я;
Я воздвигал и башни, и мосты,
И виллы небывалой красоты,
Но сам я — без жилья.

315. ГЕТТО

Я видел гетто брошенных лачуг,
Где пахло прелым сеном и соломой
И колокол над крышами зеленый, —
Ночами совы на него садятся.

То был квартал, где жили бедняки,
Ютились за открытыми дверями.
Вдоль шатких стен их жалкий скарб виднелся,
Как будто это выставка какая.

Потом пришла холодная зима,
С деревьев листья сорвала сурово
И бедняков заставила убраться.
И до сих пор над ними нету крыши.

Джакомо Новента

316. ДЛЯ ТОГО, ЧТОБ УВИДЕТЬ МНЕ СОЛНЦЕ...

Для того, чтоб увидеть мне солнце,
Что сияет за тучею черной,
Я оставил родную долину,
Ввысь поднялся тропинкою горной.

Ввысь тропинкою горной поднялся,
Солнце в небе увидел я с кручи.
Но увижу ль долину родную
За тяжелой свинцовою тучей?

Франческо Масала

317. ПИСЬМО ИЗ САРРАБУСА МУЖУ-ЭМИГРАНТУ

Дни жатвы пришли. Но не в поле,
А в море ты сеял.
И в серых колосьях тумана —
Одни лишь истлевшие зерна.
Одни муравьиные гнезда
На нашем току запустевшем.
В лихую годину повесил
Ты серп свой над дверью.
Где ты отдыхал — на циновке
Из жестких стеблей кукурузы
Пустой лишь початок нашла я.
Когда ты вернешься (вернешься ль?),
Кольцá моего не ищи ты:
На хлеб променяла для сына...
Мой милый, мой милый, любимый,

Пишу я на волнах моря,
Пишу на порывах ветра,
И если услышишь мой голос,
То вспомни меня на чужбине.
Вернись, о ручей мой далекий, —
Я жажда твоя!
Вернись, золотистый мой парус, —
Волна я твоя!
Вернись, о мой муж! .. За окошком —
Луна, как печали цветок.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1

РП, 1924, 13 ноября
Строфа 9

Дед смеялся, пил лучи:
— Ваня, ты — кудесник!
Ишь коров-то приучил
К большевистской песне.

2

РП, 1926, 7 апреля
После строфы 3

В такие дни не огорчит ничто.
Мы просто рады, что живем на свете.
В такие дни горят одной мечтой
И старики, и маленькие дети.

7

«Красный журнал для всех», 1924, № 11, с. 825

Расскажет сторож в шумном ВИК'е,
С потухшим блеском старых глаз,
Рассказ о малом и великом,
Простой, бесхитростный рассказ.

И вновь суровая утрата
Стучится в души, как вчера.
И вновь Ильич в мужицких хатах
Зимой проводит вечера.

1

Чем заткнешь ты голодные рты,
Как внушить этой детской головке,
Что увел комитет бедноты
Молоко на пеньковой веревке?

В комитете — чужие сердца,
Не зайти к ним ни с фланга, ни с тыла:
Всюду-всюду стоят без конца
Батареи дежурных бутылок.

Одному их не взять «на ура»:
Сосчитают поленьями ребра...
Говорил тут один вчера,
Будто Ленин — простой и добрый.

Но столица не носит лаптей,
Что корова для Ленина значит?..
Чем же, чем накормить детей,
Обжигающих сердце плачем?

2

Всю ночь на полатях жестких
Метались мысли тревожно,
Скрипели и плакали доски,
И крался рассвет осторожный.

Решенье — то твердо, как кремень,
То — вдруг расплывется в тумане:
«Ведь Ленин же, всё-таки... Ленин!
А я — деревенский крестьянин.

Без нашей мужицкой боли
Работы у Ленина много,
И там, за безлюдным полем,
Не наша течет дорога...»

Но сердце учило другому, —
Не вынесло детского писка.
И вот он писал Совнаркому
Свою «докладную записку».

Что будет — не думал заране
И, хлебом заклеивши туго,
На почту письмо в кармане
Отнес, как горящий уголь.

8

Мужицкое сердце кололось
От едких насмешек на части:
— Ума у тебя ни на волос,
Ишь выдумал — против власти.

Теперича время такое,
Что надо держаться тише:
Ведь Ленин своей же рукою
Декреты подобные пишет.

Не делом ты тяжбу начал, —
Басили кулацкие глотки, —
Придется тебе, не иначе,
Покушать железной решетки...

Сырым застилало туманом
Огонь голубой деревень,
И бился хрустальным стаканом
Надежды отравленной день.

4

Это явь или только во сне? —
Всё село говорит об этом:
Нарочный на потном коне
Прискакал из уезда с пакетом.

Ленин писал приказ
Коротко и энергично:
«Корову вернуть сейчас
И донести мне лично»...

Это ль не солнечный ток,
Это ль не звездный ливень?
О, жизнь — золотой песок,
Где ты течешь бурливей?

Нарочный на белом коне
Ускакал из села с ответом...

Скажите, в какой стране
Могут мечтать об этом?

Стихает гвалт, и шум, и крики,
Порой сверкнет слезою глаз,
Когда рассказывают в ВИК'е
О Ленине простой рассказ.

Его разносят делегаты
По деревням и хуторам.
И Ленин вновь из хаты в хату
Идет по зимним вечерам.

10

РП, 1925, 15 сентября Стихи 35—39

И нет на нем следа от топоров,
И не измяты ветки, как бывало.
В углах овинов и в углах дворов
Я не заметил ни цепов, ни палок.

11

РП, 1925, 20 мая Между строфами 2 и 3

Послушай смысл мужицких прений
В весенний вечер на дровах,
И встанет пред тобою — Ленин,
А вместе с Лениным — Москва.

Строфа 5

И оттого-то всё напевней
Звенят колосья по утрам:
Москва — огромная деревня
И наша старшая сестра.

12

РП, 1925, 31 марта
Строфы 7—9

Отчего ж, скажите, отчего ж,
Непокорная ни мраку, ни погоде,
Хуторская наша молодежь
Прямиками на ячейку ходит?

Есть у ней широкие пути,
Зоркий глаз и жилистые ноги.
И никто не может воротить
Этот бег обратно с полдороги.

Будет время — выльется огонь
На луга, заросшие кустами.
И тогда вечерняя гармонь
Тосковать и плакать перестанет.

«Смоленская деревня», 1926, 7 сентября
Строфы 7—9

И когда стемнеют небеса
И дрожит осина от испуга,
Звонко молодые голоса
Созывают в тишине друг друга.

Есть у молодости много дней,
От которых старость сторонится.
Расступаются покорно перед ней
Хуторские частые границы.

И придет желанная пора,
И ее я праздником отмечу, —
Улыбнутся солнцу хутора
И друг другу полетят навстречу.

14

РП, 1926, 21 ноября
Вместо строф 3—8

Как у нас теперь
Размашистые дни,
По ночам у нас
Веселые огни.

По ночам у нас
Беседа-разговор —
Как мы жили,
Как мы бились до сих пор.

Пять десятков был я
Темным мужиком.
А теперь моя звезда —
Под потолком.

А теперь вот —
Выключатель на стене.
Мы такого
Не видали и во сне.

15

РП, 1925, 3 марта
Между строфами 3 и 4

И впервые под напев гармони,
Плакавшей о горестной судьбе,
Новый гимн бессмертного Маркони
Прозвучал в заплеванной избе.

18

ГОЛУБОЙ ПРИБОЙ

Комсомольцам

РП, 1926, 6 февраля

Не мне встречаться с солнцем у ручья
И рвать цветы весною на поляне.
Прошелестела молодость моя,
Как лебеди в нахлынувшем тумане.

Я в мир возил бы радость на возах,
Да вот пришла предательская дата,
И потускнели буйные глаза,
Кричавшие о радости когда-то.

Но эти мысли мне к лицу едва ль, —
Сейчас иной мотив по городам и селам.
И я гоню ненужную печаль,
Увидя вас, упорных и веселых.

Вам незнакома северная грусть,
Прекрасных лет — прекрасные соседи!
Вы выучить сумели наизусть
Пути неровные, ведущие к победе.

Идете вы по ним, куда зовет вас цель,
Не зная отдыха, не зная остановки.
Идете вы туда и в бурю и в метель,
Готовые всегда для ласки и винтовки.

Хвала вам всем! Великая хвала!
Вы в жизнь ворвались голубым прибоем.
И всё, чего нам жизнь не додала,
Вы у нее теперь возьмете с боем.

19

НАША ХАТА

РП, 1926, 11 февраля

Все пути пурга позамела,
Разгулялась в поле на свободе.
Наша хата на краю села
Кружится в метельном хороводе.

И дрожат вишневые кусты,
Что сажал я в детстве на кургане...
Мать моя тихонько ткет холсты
На старинном самодельном стане.

До полуночи не спит она,
А когда забудется немного —
Перед нею вместо полотна
Потечет широкая дорога.

Та дорога через шелест дней
Пролегла с востока до заката.
Хорошо бы побежать по ней,
Да под старость как-то страшновато.

Там ли, здесь ли — всё один конец, —
Смерть придет без шума и без крика...
На скамье усевшийся отец
Для лаптей обделывает лыко.

Он глядит на темное окно
И молчит, храня о чем-то жалость.
Раньше было всё говорено,
Но теперь ни слова не осталось.

Так идут и дни и вечера
В нашей старой, в нашей низкой хате.
И всю ночь у сонного двора
Бродит ветер в снеговом халате.

Только брат мой, синеглазый брат
В новые одежды нарядился.
Он смеется, как весенний сад,
Он доволен, что на свет родился!

Каждый вечер ходит он теперь,
Невзирая на метель и стужу,
Всё туда, где сквозь окно и дверь
Бьется жизнь кудрявая наружу,

Где волной широкой льется свет
На портрет, на алую оправу.
Брат писал мне: «Воспевай, поэт,
Нашу молодость и нашу славу!

Мы берем над стариною власть,
Мы враги скрипучему безделью! ..
Наша хата с места сорвалась
И пошла к востоку под метелью».

20

РП, 1925, 28 июля Между строфами 6 и 7

Вечер был задумчивый и свежий.
Мужики искали слов в затылках
И по праздникам ходили реже
К тем, кто радость продавал в бутылках.

Строфа 10

Ночь была и умирали звуки.
В эту ночь одна ты шла со схода.
И в кустах нажали чьи-то руки
На курок стального самовзвода.

Строфа 12

День пришел и был тоскою выпит.
День пришел, как гнойный жизни выдох...
Улетали ласточки в Египет
Щебетать на древних пирамидах.

25

РП, 1926, 26 сентября Строфы 1—2

Попрощаться с синим летом
Выхожу я за овин,
Где лучами, как ланцетом,
Вскрыты вены у рябин.

И густой струятся кровью
У рябины волоса.
Пахнет радостною новью
Стог соломы от овса.

27

П, с. 72 Несколько лет тому назад я написал нижеследующее стихотворение:

ВСТРЕЧА

Весна бушевала
Метелью черемух.
Сошлись мы с тобой невзначай.
В тяжелых альбомах
Искали знакомых
И пили без сахара чай.

Нам каждое слово казалось обновкой
И солнечным счастьем,
Нахлынувшим вдруг.
Мы оба любили,
Но было неловко
Об этом
Рассказывать вслух.

И мы ничего, ничего не сказали
Про тот голубой водопад.
Я, в полночь, билет покупал на вокзале,
Ты, дома, писала доклад.

С годами — любви нерассказанный слиток
Растекся по сельским буграм.
Ни писем грустящих,
Ни бойких открыток,
Ни смелых, как вихрь, телеграмм.

Но часто в глуши деревенских просторов,
Когда засверкает весенний ручей,
Мне хочется снова
Простых разговоров
У лампы
В шестнадцать свечей.

Прочитав это стихотворение, некоторые критики, основываясь на «тяжелых альбомах» и прочих вещах, обвинили меня в мещанском уклоне. Нападки критиков были настолько сильны, что я вынужден был переделать это стихотворение нижеследующим образом:

ВСТРЕЧА

Весна бушевала
Метелью черемух,
И не было вовсе дождей.

Мы в красных альбомах
Искали знакомых,
Искали знакомых
Вождей.

Нам каждый там лозунг
Казался прекрасным,
Казался великим, и вот —
Мы оба хотели,
Хотели ужасно
Запеть
Про кирпичный завод.

Но можно ль предаться
Мотивам веселым?
Не тот в нашем сердце магнит.
Ушла ты в ячейку,
А я в политшколу,
Чтоб грызть
Истормата гранит.

Я больше к тебе
Не вернулся обратно
Но, выйдя к себе на крыльцо,
Мне вспомнить бывает
Ужасно приятно
Партийное ваше лицо.

28

РП, 1925, 5 сентября Между строфами 1 и 2	Всё, что было, — стало невозвратным, И душа — пустее пустыря. То, что есть, — для деда непонятно, Словно в церкви чтенье псалтыря.
Между строфами 3 и 4	А ведь жили, как пирог на масле. Да уж, видно, спятили с ума. Открывают для кого-то ясли И еще какие-то дома.
Строфа 4	Для других на всё они готовы, Для себя — отсохнула рука. За своей работой непутевой Позабыли вовсе старика.

32

«Смоленская деревня», 1926, 27 июля Строфы 3—4	Никогда за прожитые дни Лес не знал подобного позора. Туполобые хохочут пни Над могилой голубого бора.

И скрипят тяжелые возы,
Увозя погибших под навесы.
И никто ни песни, ни слезы
Не подарит гибнущему лесу.

37—45
(41)

РП, 1926, 13 июня После строфы 4

Когда, проделавши вираж,
Упало солнце у опушки,
Переселенческий «багаж»
Грузился в грязные теплушки.

Вместили все в одном углу:
Детей, и лошадь, и теленка.
И выла баба на полу:
— Ты сторона ль моя, сторонка...

Другая вторила в ответ:
— Ах, где ж я завтра утром встану?..
И фонарем разбитым вслед
Им поклонился полустанок.

Часть 2. Великая буза

1

ПС, с. 121 После части 1

Худой, высокий, словно каланча,
Учитель встал на высохшие бревна.
Такой вопрос, что надо сообща,
Такое дело надо поголовно.

Зачем искать неведомых земель?
Зачем ломиться в дальние ворота?
Мы создадим крестьянскую артель
И отвоюем земли у болота.

Скользят слова, как за волной волна,
И ловит их внимательная сходка.
И новой радостью напоена
Весенних дней зеленая походка.

«Довольно ждать! Давно пришла пора!
Объявим вызов злополучной яме!
У нас в округе триста три двора,
И все они поднимутся за нами...»

Последний звук. Последний взмах руки.
И отошел учитель утомленный.
Тогда заговорили мужики
И речь была, как уголь раскаленный:

«За каждый лапоть пахотной земли
Мы поломать готовы переносья. . .»
И тихо нивы к сходке подошли,
Показывая тощие колосья.

«В июне мы скандалим за покос,
А с февраля на крышах косим сено.
Теперь такой негаданный вопрос,
И быть должна большая перемена. . .»

День догорел, как синяя свеча,
И над болотом лег туман неровно:
— Такое дело надо сообща,
В такое дело — надо поголовно.

2

Мужики под кумачный рассвет
Собрались для решительной мести.
И болото за тысячу лет
Не видало подобных нашествий.

Не напрасно тревожная тень
На болото ложилась ночами.
Вот они — из семи деревень,
И лопаты у всех за плечами.

Разворотят, раздвинут пласты,
Добираясь до жирного сока.
Зашумели тоскливо кусты,
Задрожала в испуге осока.

Инженер, по фамилии Глан,
Вдохновитель великого чуда,
Посмотрел на истрепанный план
И сказал:
«Начинайте отсюда!

Будет главная здесь магистраль,
Там — четыре пройдут перереза».
Засмеялась весенняя даль,
И в кустах зазвенело железо.

Руки клали за взмахом взмах,
Стали мы на работу богаты.
Так всё лето, с лопатой в руках,
Мы в болоте встречали закаты.

Под напором людского труда,
Под железным сверкающим жалом,
Черной кровью сочилась вода
И текла по широким каналам.

«Эй, не вешай на куст головы!—
Мужики ободряли друг друга. —
Сколько будет здесь сочной травы,
И какая здесь будет уруга!»...

3

Мужики разглаживали бороды,
Каждый был и удивлен и рад.
Прикатил учитель наш из города
И привез мудреный аппарат.

Между липой и высоким тополем
Проложил над крышей провода.
Все стояли да глазами хлопали —
Дескать, что же здесь за ерунда?

Брали в руки трубки нерешительно
(Как бы что такое не стряслось!),
Но нельзя ж не доверять учителю,
Ведь учитель знает всё насквозь.

А потом понравилось. Раскушали.
И лишь солнце скатится в туман,
Приходили и тихонько слушали —
Что Москва расскажет для крестьян.

И морщины грустные и строгие
Расплывались в солнечной мечте.
Ой вы, хаты старые, убогие,
Вы всё те же и совсем не те.

В нашем поле запахи медовые
Пронеслись по бархатной траве,
И надежды радостные, новые
Закружились в нашей голове.

И под вечер, выйдя на завалинку,
Говорит учитель мужикам:
— Нам бы, граждане, теперь читаленку...
Открываем, что ли?! . По рукам!

4

Непокорные строки лениво текли
На бумагу с засаленным краем:
«...И от бела лица
До сырой земли
Мы поклоны тебе посылаем.
А еще, дорогой наш сын,
Жизнь у нас без тебя —
Нескладна:
Мать хворает,
Отец — один,
И с хозяйством —
Совсем неладно.

Прошлый год до Вязовой реки
Провели по болоту канавы.
А потом, сообща, мужики
Там посеяли разные травы.

Нынче ржаветь не будет коса,
Не заплачет скотина о сене.
Только я, словно конь без овса,
И мне трудно угнаться за всеми.

Нам и дальше — расчет прямой,
Хоть немного порыться в болоте.
Приезжай же, сыночек, домой,
Помоги старику в работе.

Ждем тебя непременно к косьбе.
Брось свое бездоходное место.
А еще сообщаем тебе —
Есть у нас на примете
Невеста.

Девка, прямо сказать, огонь.
И к себе-то относится строго,
И работает, словно конь,
И приданого очень много.
Приезжай!
Поглядишь. Поживешь.
Разутешишь родную семейку.
А то там —
Заработаешь грош,
Мы же здесь —
Потеряем копейку...»

5

Не грусти, береза-белостволица,
Отряхни безрадостную сонь.
И послушай — как кипит околица,
Как поет веселая гармонь.

Ты послушай, голова садовая,
Про любовь, и радость, и весну.
И откуда эти песни новые
Залетели в нашу сторону?

Разбудили сразу, растревожили.
Сердце бьет во все колокола.
Мы воскресли.
Мы сегодня ожили,
Чтоб творить
Великие дела.

55

РП, 1927, 6 ноября
Главка 1
Вместо строфы 2

И выпуклый месяц,
Как медный кувшин,
И гулкий разбег
Типографских машин.

И кипы бумаги,
И узкий проход.
И шел мне тогда
Девятнадцатый год

Главка 2
Строфа 1

Я прошлые годы
Увидел во сне
И сонную Ельню
На сонной Десне.

Главка 3
Вместо строфы 2

Трещал телефон
Непрерывным звонком.
Какие-то люди
Входили в уком.

В нахмуренных взглядах
Решимость легла.
И брали путевки
Они со стола.

Читали и клали их
Молча в карман,
И молча скрывались
В молочный туман.

Между строфами 4 и 5

И там теребили
Своих и чужих,
Чтоб дал революции
Хлеба мужик.

Строфа 7

А третьи бросали
Под ливень свинца
Бесстрашно, как мячик,
Живые сердца.

Главка 4

Степные дороги,
Далекий поход!
Дымился в стране
Девятнадцатый год.

И мертвые люди
Катились в овраг.
И в Ельне ночами
Не спал телеграф.

Тревожно гудели
Всю ночь провода:
— В далеких просторах
Горят города.

— Под черной охраной
Трехцветных знамен
По улицам бродит
Кровавый барон.

— Расстрелы рабочих
В тылу Колчака
И
— Новый приказ
Всероссийской Чека.

Гудела, дрожала
Тревожная медь:
— Товарищ, повсюду
Ты должен поспеть!

Суровое время,
Плохая пора.
И я с телеграфом
Не спал до утра.

Чадила коптилка
В полночной тиши.
— Товарищ, сегодня
Газету пиши!

Дымился морозом
Кирпичный этаж.
— Замерзли чернила —
Бери карандаш!

Холодные руки
Дыханьем согрей,
Но только пиши
И пиши поскорей!

Ты сдай не газету,
А сердце в печать,
Чтоб даже заборы
Могли закричать.

Зови к обороне,
Зови на борьбу
Железный завод
И глухую избу.

Тяжелое время,
Лихая пора!
И надо работать
С утра до утра.

И в тесной каморке,
Где тени густы,
Тревожно всю ночь
Шелестели листы.

И сердце ломало
Свои тормоза,
И едкая копоть
Съедала глаза.

А утром — субботник,
Работа в полку
И вместо обеда —
Щепоть табаку.

5

После главки 4

Мне ельнинский ельник
Приснился во сне,
И сонная Ельня
На сонной Десне.

И выпуклый месяц,
Как медный кувшин,
И гулкий разбег
Типографских машин,

И кипы бумаги,
И узкий проход.
Дымился в стране
Девятнадцатый год.

И мертвые люди
Катились в овраг,
И нервно ночами
Стучал телеграф.

Суровое время,
Суровый вопрос! —
На станции Глинка
Замерз паровоз.

И две машинистки
В четыре руки
Стучали, что нету
Ни дров, ни муки,

Что белые рати
Идут на Москву...
Я это видал
Не во сне, наяву.

58

РП, 1926, 15 января
Вместо строф 8—9

Им нету места в боевом строю,
У них совсем особые натуры...
Так я храню республику мою,
Прекрасную республику литературы.

63

«Крестьянский журнал», 1929, № 4, с. 6
Между строфами 1 и 2

Они принесли из деревни сюда,
Где праздник светлей и богаче,
Безмолвную радость большого труда
И радостный возглас удачи.

После строфы 6

Не раз потухали высокие дни
И звезды светили, как тусклые лампы,
Пока не нашли, не достали они
Зарытые в землю таланты.

125

«Правда», 1941, 15 февраля Между строфами 8 и 9

Такой деловитый и строгий,
Что взрослому было б под стать,
И даже счастливой дороги
Охота ему пожелать.

137

«Правда», 1941, 29 июня Между строфами 2 и 3

Грозной силой на земле и в море
Встретим мы непрошеных гостей,
И фашистской кровожадной своре
Не собрать вовек своих костей.

237

РП, 1928, 1 января Между строфами 6 и 7

Не тратьте ж, братцы, ваших светлых глаз,
Не лейте слез по умершей природе.
Ну что луна? —
Попутчица у нас,
А ведь попутчики,
Вы знаете, не в моде.

245—246

ПРИПИСКА ВТОРАЯ

«На лит. посту», 1930, № 15-16, с. 152 После «постскриптума» (в журнальной публикации: «Приписка первая»)

Здесь не в силах больше я страдать
От непониманья и гонений.
Я решил, товарищи, издать
Полное собранье сочинений.
Мы покажем глупым головам
Солнце славы под моим зенитом...
Шлите ж деньги, — я приеду к вам,
Чтобы стать навеки знаменитым.

Копию с письма снял и опубликовал
Мих. Исаковский.

269

М. Исаковский, Стихи и песни. М., 1938, с. 57 Между строфами 1 и 2

Светит месяц ясный
Во всё чисто поле,
А в том чистом поле
Девка просо полет.

Девка просо полет,
Белы руки колет,
Белы руки колет
От несчастной доли.

275

«Крестьянский журнал для всех», 1925, № 8, с. 461
После стиха 8

Дед до ночи соху вязал,
Расстегнувши широкий ворот.
Внук к обеду пришел на вокзал
И до вечера съехал в город.

299

ПОЖЕЛАНЬЕ [1]

СП-40, с. 46

После праздника гости
Собираются вместе,
Говорят на прощанье
Жениху и невесте:

«Оставайтесь здоровы
Да живите богато.
Пусть не знает печали
Ваша светлая хата!

Пусть в ней радостно будет
И зимою и летом;
Пусть к вам люди приходят
За хорошим советом!

А еще мы желаем
Вам ни много, ни мало —
Чтоб колхозное поле
Недородов не знало;

Чтоб в лугах вырастали
Выше пояса травы,
Чтобы рожь поднималась
Вровень с темной дубравой;

Чтоб в озерах и реках
Не мутилися воды,
Чтоб гуляли по водам
Да гусей хороводы;

---

[1] В стихотворении «Пожеланье» мною использованы мотивы белорусской народной песни «Будьте здоровы», записанной со слов тов. Адама Русака и в свое время переведенной мной на русский язык для книги «Творчество народов СССР».

Чтобы каждый колхозник
На полях не ленился,
Чтобы двор ваш просторный
От скотины ломился;

Чтобы лошади были
И сильны и красивы,
Чтобы куры возами
Вам яйца носили;

Чтоб у каждого в печке
Да шипела бы шкварка,
Чтобы к ней, если надо,
Находилась и чарка...

Напоследок желаем
Мы вам самую малость:
Чтобы в год по ребенку
Непременно рождалось.

Но никто с вас не спросит,
Вас никто не осудит,
Если даже, по счастью,
Сразу двое прибудет.

Пусть растут на здоровье
Без печали, без муки:
На земле на советской
Счастье каждому — в руки;

На земле на советской
Всем достаточно места...
Ну, жених, до свиданья!
До свиданья, невеста!»

1936

ПРИМЕЧАНИЯ

С 1921 по 1964 год вышло около шестидесяти сборников и собраний сочинений М. В. Исаковского.[1] Настоящее издание является наиболее полным по числу включенных оригинальных стихотворений. В основу его положено последнее, четвертое двухтомное собрание сочинений поэта (М., 1961). Книга расширена за счет произведений, прежде не печатавшихся или не входивших в сборники и собрания сочинений Исаковского.

Первый, основной раздел составляют стихотворения и песни 1924—1961 гг. Во втором помещены традиционно выделяемые автором фельетоны, шутки, стихи на литературные темы. Далее следуют цикл «Из песен прошлого», написанный по мотивам народной поэзии, и ранние стихотворения 1914—1923 гг. В заключительный раздел входят избранные переводы.

Тексты печатаются в последней авторской редакции. Наиболее важные варианты и другие редакции выделены в особый раздел; ссылки на них в примечаниях обозначаются звездочкой перед порядковым номером примечания.

Комментарии имеют следующую структуру: вначале указывается первая публикация стихотворения, затем все последующие, в которых текст подвергался какой-либо авторской правке, и, наконец,

---

[1] По ступеням времени, Смоленск, 1921; Взлеты, Смоленск, 1921; Четыреста миллионов, Смоленск, 1921; Провода в соломе. Первая книга стихов, М. — Л., 1927; Провинция. Стихи. Смоленск, 1930; Мастера земли. Книга стихов, М. — Л., 1931; Избр. стихи, М. — Л., 1931; Война с тараканами. Стихи, Смоленск, 1932; Избр. стихи, М., 1933; Вдоль да по дороге, вдоль да по Казанке. Стихи, Смоленск, 1934; Стихи, <Смоленск>, 1935; Избр. стихи, М., 1936; Четыре желания. Стихи, Смоленск, 1936; Песни, Смоленск, 1938; Стихи и песни, М., 1938; Стихи и песни, М., 1940; Избр. стихи и песни, М., 1940; Стихи и песни (Б-ка «Огонек», № 3), М., 1941; Новые стихи, М., 1942; Наказ сыну, М., 1943; Здравствуй, Смоленск! Стихи и песни, Смоленск, 1944; Стихи и песни, М., 1944; Родное. Стихи и песни, М. — Л., 1945; Песня о Родине. Избр. стихи, М., 1945; Лирика (Б-ка «Огонек», № 3), М., 1946; Ты по стране идешь.., М. — Л., 1947; Избр. стихотворения («Б-ка избр. произв. сов. л-ры»

последняя редакция, то есть источник, по которому произведение печатается в настоящем сборнике. Если текст стихотворения был исправлен М. В. Исаковским для данного издания, в примечаниях указано: «Печ. с поправками автора». Комментарии содержат сведения о произведениях Исаковского, положенных на музыку, со ссылками на соответствующие издания. Если композитор сохранял авторское название песни, в ссылках оно не повторяется. В ряде случаев приведена также библиография народных вариантов произведений Исаковского, то есть разного рода переделки их — «продолжения», «ответы» и т. п.

Датировка большинства стихотворений принадлежит автору. Некоторые уточнения сделаны составителем, что каждый раз оговаривается в примечаниях.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

БМ — газета «Большевистский молодняк» (Смоленск).

БО — М. Исаковский, Стихи и песни (Библиотека «Огонек», № 3), М., 1941.

Бузник — В. В. Бузник, О работе М. Исаковского над стихотворением (сб. «Вопросы советской литературы», вып. 6, М. — Л., 1957).

Васильев-Буглай — Д. Васильев-Буглай, Шесть хоров на слова М. Исаковского, М., 1956.

«Вдоль да по дороге» — М. Исаковский, Вдоль да по дороге, вдоль да по Казанке. Стихи, Смоленск, 1934.

Жел. пр. — газета «Железнодорожный пролетарий» (орган политотдела Московско-Казанской ж. д.).

Зап. обл. — журнал «Западная область» (Смоленск).

ЗС — М. Исаковский, Здравствуй, Смоленск! Стихи и песни, Смоленск, 1944.

И-50 — М. Исаковский, Избранное, М., 1950.

ИС-31 — М. Исаковский, Избранные стихи, М. — Л., 1931.

ИС-33 — М. Исаковский, Избранные стихи, М., 1933.

1917—1947), М., «Сов. писатель», 1947; Избр. стихотворения, М., Гослитиздат, 1947; Избр. стихи и песни, М., 1947; Стихи. Песни. Поэмы, Смоленск, 1947; Стихи и песни, Курск, 1947; Стихи и песни, <М.>, 1948; Избр. песни и переводы, <Смоленск>, 1948; Что за славные ребята (Б-ка «Крокодила», № 31), М., 1948; Стихи и песни, М. — Л., Детгиз, 1949; Стихи и песни, М., «Сов. писатель», 1949; Избранное, М., 1950; Стихи и песни, М. — Л., 1950; Соч. в 2-х т., М., 1951; Стихи и песни, <М.>, 1952; Стихи последних лет (Б-ка «Огонек», № 1), М., 1952; Избр. стихи и песни для самодеятельности, М., 1953; Стихи и песни, М., 1953; Избр. стихи, М., 1955; Соч. в 2-х т., изд. 2-е, доп., М., 1956; Стихи и песни («Б-ка сов. поэзии»), М., 1957; Летят перелетные птицы, М., 1958; Слово о России, М., 1958; Песня молодости, М., 1958; Соч. в 2-х тт. <изд. 3-е>, М., 1959; Соч. в 2-х тт. <изд. 4-е>, М., 1961; Родина, <М.>, 1962; Ты по стране идешь... Избр. стихи и песни, М., 1964.

ИС-36 — М. Исаковский, Избранные стихи, М., 1936.
ИС-47 (ОГИЗ) — М. Исаковский, Избранные стихотворения, М., ОГИЗ, 1947.
ИС-47 (СП) — М. Исаковский, Избранные стихотворения («Библиотека избранных произведений советской литературы». 1917—1947), М., «Советский писатель», 1947.
ИСП-40 — М. Исаковский, Избранные стихи и песни, М., 1940.
ИСП-47 — М. Исаковский, Избранные стихи и песни, М., 1947.
Литвин — Э. С. Литвин, Поэзия Исаковского и народное творчество, Смоленск, 1955.
Мартынов — И. Мартынов, Государственный русский народный хор имени Пятницкого, М., 1950.
«Материалы» — В. Ю. Крупянская и С. И. Минц, Материалы по истории песни Великой Отечественной войны, М., 1953.
МЗ — М. Исаковский, Мастера земли, М. — Л., 1931.
Наказ — М. Исаковский, Наказ сыну. Стихи о войне, М., 1943.
НС — М. Исаковский, Новые стихи, М., 1942.
П — М. Исаковский, Провинция. Стихи, Смоленск, 1930.
П-38 — М. Исаковский, Песни, Смоленск, 1938.
ПМ-52 — М. Исаковский, О поэтическом мастерстве, М., 1952.
ПР-45 — М. Исаковский, Песня о Родине. Избр. стихи, М., 1945.
ПС — М. Исаковский, Провода в соломе. Первая книга стихов, М. — Л., 1927.
РП — газета «Рабочий путь» (Смоленск).
С-35 — М. Исаковский, Стихи <Смоленск>, 1935.
С-51 — М. Исаковский, Соч. в 2-х томах, М., 1951.
С-56 — М. Исаковский, Соч. в 2-х томах, изд. 2-е, М., 1956.
С-59 — М. Исаковский, Соч. в 2-х томах, изд. 3-е, М., 1959.
С-61 — М. Исаковский, Соч. в 2-х томах, изд. 4-е, М., 1961.
СП-40 — М. Исаковский, Стихи и песни, М., 1940.
СП-44 — М. Исаковский, Стихи и песни, М., 1944.
СП-48 — М. Исаковский, Стихи и песни, <М.>, 1948.
СПП-47 — М. Исаковский, Стихи. Песни. Поэмы, Смоленск, 1947.
ЧЖ — М. Исаковский, Четыре желания. Стихи, Смоленск, 1936.
Юдкевич — Л. Г. Юдкевич, Проблемы песенной лирики в советской поэзии (Творчество М. Исаковского), Казань, 1959.

СТИХОТВОРЕНИЯ

* **1.** РП, 1924, 13 ноября; ИС-31; С-35. Печ. по ПР-45, с. 5.

* **2.** РП, 1926, 7 апреля. Печ. по ИС-47 (СП), с. 20.

3. СПП-47, с. 62. *«Трансвааль, Трансвааль — страна моя»* — популярная песня начала XX века, явившаяся откликом на англобурскую войну. См. также № 201.

4. РП, 1924, 29 июня, с др. вариантом строфы 2, вынесенной в качестве эпиграфа; ПС, без эпиграфа. Печ. по СПП-47, с. 64.

Отава (атава) — по позднейшему объяснению самого автора, «свежая трава, растущая на месте недавно скошенной» (ПМ-52, с. 26). *Иван Купала* (Иванов день) — христианский праздник (24 июня ст. ст.), сохранивший много языческих черт; в этот день гадали, прыгали через огонь, искали цветы папоротника, клады.

5. РП, 1925, 15 августа, без загл.; ПС. Печ. по СПП-47, с. 67. *Нескороженный* — здесь: неприбранный, нечесаный.

6. РП, 1925, 28 августа; ПС. Печ. по сб.: М. Исаковский, Лирика, М., 1946, с. 5.

*** 7.** «Красный журнал для всех», 1924, № 11, с. 825 (др. ред.); ПС. Печ. по СПП-47, с. 295. Дата уточнена по первой публикации. *Солнце всходит и заходит* — строка из песни, включенной в пьесу Горького «На дне».

8. РП, 1926, 14 марта, с пометой «Смоленск»; ПС. Печ. по С-61, т. 1, с. 73. Дата уточнена по РП.

9. «Прожектор», 1925, № 22, с. 11; ПС; СПП-47. Печ. по ИСП-47, с. 14. Дата уточнена по РП, 1926, 18 июля.

*** 10.** РП, 1925, 15 сентября; ПС; ИС-31. Печ. по ИС-33, с. 37.

*** 11.** РП, 1925, 20 мая, с пометой «с. Оселье»; ПС; ИС-31; ИС-36. Печ. по С-51, т. 1, с. 29.

*** 12.** РП, 1925, 31 марта; ПС; С-35, с эпиграфом; ИС-36. Печ. по СП-44, с. 9. Вскоре после опубликования стихотворения в РП появилась статья, в которой, как о распространенном явлении, говорилось: «деревня... расходится по хуторам» (РП, 1925, 21 июля). К разъединению крестьян Исаковский сразу отнесся отрицательно (см. первую редакцию, с. 436). Через несколько лет о недостатках хуторской системы заговорила вся печать (см. статьи: «Враги культуры: хутор и отруб», «Хутор себя изжил» и др. в «Смоленской деревне», 1928, 7 и 24 февраля). Более четко выражает свое отношение к этой проблеме Исаковский во второй редакции стихотворения. В С-35 в качестве эпиграфа приведены две строфы из неопубликованного стихотворения «Потерянная деревня»:

Я так спешил в смоленские края,
В глазах моих — тревога и усталость..
Скажите мне, товарищи-друзья,
Куда моя деревня затерялась?

Какой Мамай рубил ее сплеча,
Являя здесь непрошеную милость?
И в груды мусора, в обломки кирпича
Когда моя деревня превратилась?

13. РП, 1925, 5 декабря, под загл. «Письмо из деревни»; ПС, под тем же загл. Печ. по СПП-47, с. 87.

* **14.** РП, 1926, 21 ноября, под загл. «Песня» (др. ред.); ПС, без загл. Печ. по СП-44, с. 5. С нотами: В. Захаров, М., 1938. Одно из первых стихотворений М. Исаковского, ставших популярной песней (зарегистрировано 13 изданий с нотами). «Однажды, — говорит поэт в автобиографии, — было это в 1934 или 1935 г., в кино я услышал с экрана песню на свои слова... Это была песня «Вдоль деревни». После оказалось, что руководители хора имени Пятницкого — П. М. Казьмин и В. Г. Захаров — в какой-то хрестоматии встретили стихотворение «Вдоль деревни». Захаров написал музыку, и хор начал петь новую песню» (С-56, т. 1, с. 47). «Эту песню я писал долго, — вспоминал В. Захаров. — Я написал четыре варианта ее. Мне хотелось использовать мастерство исполнения хора имени Пятницкого... Я не рассчитывал, что эта песня будет исполняться самодеятельными коллективами, так как очень трудны в ней запев и фигурация у высоких женских голосов» (Мартынов, с. 65).

* **15.** РП, 1925, 3 марта, без строфы 5 и с эпиграфом: «Во многих деревнях Смоленской губернии установлены радиоприемники»; «Целина», 1925, № 2-3. Печ. по СПП-47, с. 78.

16. РП, 1925, 23 сентября; ПС; ИС-33; СП-44; СПП-47. Печ. по ИСП-47, с. 33. *Укладка* — самодельный сундучок, часто обитый полосами жести.

17. РП, 1925, 7 ноября, под загл. «Письмо матери»; ПС, под тем же загл. Печ по ИС-36, с. 12.

* **18.** РП, 1926, 6 февраля, под загл. «Голубой прибой» (др. ред.); ПС, под загл. «Комсомольцам». Печ. по С-51, т. 1, с. 39.

* **19.** РП, 1926, 11 февраля (др. ред.), под загл. «Наша хата»; ПС, под тем же загл. Печ. по С-51, т. 1, с. 41.

* **20.** РП, 1925, 28 июля, под загл. «В тумане», с др. эпиграфом: «В Дымовке убита молодая общественная работница — девушка Шазаранова»; ПС, под тем же загл., без эпиграфа; С-35, под загл. «В темную ночь», с др. эпиграфом; ИС-36, под загл. «Памяти погибшей»; ИСП-47; М. Исаковский, Стихи и песни, М., 1957. Печ. по С-59, т. 1, с. 45. Эпиграф — из незавершенного стихотворения Исаковского.

21. РП, 1926, 21 марта, под загл. «Песня»; ПС; С-35. Печ. по П-38, с. 36. В статье «Работа над песней» М. В. Исаковский, приведя четыре начальные строки из стихотворения, говорит: «Казалось бы, что слова эти — самые песенные. И я долго не мог понять, почему они не «приглянулись» ни одному композитору. А потом понял, что хорошей песни из этих стихов не выйдет по той причине, что уж очень много здесь деталей, подробностей. Ведь одних эпитетов три...» (ПМ-52, с. 26). Позднее было положено на музыку и это стихотворение. См.: Ю. Слонов, Девичья песня, М., 1947; А. Животов, Весна. Вокальный цикл, М. — Л., 1949.

22. РП, 1926, 19 августа; ПС. Печ. по СПП-47, с. 129.

23. РП, 1926, 20 июня, под загл. «Под сосной кудрявой», без строфы 2; ПС. Печ. по С-61, т. 1, с. 75.

24. РП, 1926, 26 сентября, вместе с № 25 под общим загл. «Осенние мотивы». Печ. по ПС, с. 97 (здесь — в цикле «Осенние стихи»).

* **25.** РП, 1926, 26 сентября; ПС, без загл. Печ. по С-59, т. 2, с. 55. См. примеч. № 24. С нотами: Б. Гибалин, Романс, М. — Л., 1950.

26. РП, 1926, 22 августа; ПС. Печ. по СПП-47, с. 134.

* **27.** «Юный товарищ» (Смоленск), 1926, 30 декабря, под загл. «Встреча» (др. ред.); П, под загл. «Два варианта». Печ. по С-61, т. 1, с. 81.

* **28.** РП, 1925, 5 сентября, под загл. «Дед». Печ. по СПП-47, с. 136. Дата уточнена по РП.

29. РП, 1927, 20 марта, под загл. «Весна», 6 строф; СПП-47. Печ. по С-56, с. 96. *Стреха́* — нижняя, свисающая часть крыши.

30. ПС, с. 111, без загл.; ПР-45, с. 26, без загл. Печ. по СПП-47, с. 140.

31. ПС, с. 81. Печ. по С-61, т. 1, с. 87. *Бурштын* Борис Сергеевич (1893—1964) — критик, поэт, переводчик; впоследствии печатался под псевдонимом Б. Иринин; свою литературную деятельность начинал в Смоленске (см.: Б. Бурштын, Четыре года. Воспоминания о литературной жизни Смоленска 1921—1924 гг. — «Наступление», 1935, № 8, с. 66—78).

* **32.** «Смоленская деревня», 1926, 27 июня; ПС; СПП-47. Печ. по С-51, т. 1, с. 58.

33. РП, 1927, 16 марта и «Крестьянский журнал», 1927, № 9, с. 5, под загл. «Конокрады. Деревенская быль». Печ. по ПС, с. 64.

34—36. С-59, т. 1, с. 62. *Крест* — здесь: перекресток.

* **37—45.** В цикл вошли стихи из двух незавершенных поэм. Впервые (не полностью) объединены в цикл в С-35, под загл. «Прошлое»; СПП-47, под загл. «Былое (Стихи о старой деревне)». Печ. по ИС-47 (ОГИЗ), с. 57. Первые публикации и послед. варианты: 1. «В нашей местности» — СПП-47, с. 92. 2. «Нужда, нужда...» — ПС, с. 115, в качестве начала большого произведения «Земля», имевшего подзаголовок «Материалы к поэме»; С-35, под загл. «Скупая земля (Из цикла стихов о старой деревне)»; СПП-47. 3. «Рассказ о сибирской земле» — ИС-47 (ОГИЗ), с. 58. 4. «Край любимый...» — ПС, с. 116, в качестве 2-й главки 1-й части «Земли»; С-35, под загл. «В покинутой деревне (Из цикла стихов о старой

деревне)». 5. «Переселенцы» — РП, 1926, 13 июня (др. ред.), в качестве самостоятельного стихотворения; ПС. 6. «Ночь молчит. . .» — ПС, с. 118, в качестве 3-й главки 1-й части «Земли»; С-35, под загл. «Ночью (Из цикла стихов о старой деревне)». 7. «Отъезд» — С-35, с. 17. 8. «Продажа коровы» — С-35, с. 21, под загл. «Молоко (Из цикла стихов о старой деревне)». 9. «На погосте» — ПС, с. 79, с подзаголовком «Отрывок из поэмы».

46. РП, 1927, 1 мая; ПС, в качестве 6-й заключительной главки 2-й части поэмы «Земля»; СПП-47. Печ. по С-56, т. 1, с. 107. Дата уточнена по РП.

47. РП, 1927, 20 марта. Печ. по ИСП-40, с. 26.

48. «Дружные ребята», 1946, № 7, с. 8. С нотами: В. Дехтерев, Два романса, М. — Л., 1948; Васильев-Буглай.

49. «Журнал крестьянской молодежи», 1928, № 4, с. 9, с эпиграфом из стихотворения украинского поэта Сосюры: «Хочу писати офиційно. А починается на „лю"»; П; ИС-31; ИС-33; ИСП-40; ИС-47 (ОГИЗ). Печ. по ИС-47 (СП), с. 64.

50. П, с. 36, вместе с №№ 60 и 61 под общим загл. «Песенные мотивы»; МЗ, без загл.; С-56, т. 2, с подзаг. «Шутка». Печ. по С-59, т. 1, с. 81.

51. «Лит. газета» (Смоленск), 1927, март, № 1; ИС-31; С-35. Печ. по С-51, т. 1, с. 75.

52. «Крестьянский журнал», 1927, № 14, с. 1 и РП, 1927, 20 ноября, под загл. «Разговоры»; П; С-35. Печ. по ИС-47 (СП), с. 71.

53. РП, 1927, 17 июля. Остин *Чемберлен* (1863—1937) — английский консерватор, один из инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР в 1927 г. Тема «Наш ответ Чемберлену» не сходила в эти месяцы со страниц советской печати (см. также стих. № 54). *Наркомвоен* (точнее, Наркомвоенмор) — народный комиссар по военным и морским делам.

54. «Смоленская деревня», 1927, 16 сентября, под загл. «Ответ»; ИС-31, под тем же загл.; И-50. Печ. по С-51, т. 1, с. 85.

* **55.** РП, 1927, 6 ноября, под загл. «О революции и о Ельне»; ИС-31. Печ. по ИС-47 (СП), с. 74. Написано к 10-летию Октябрьской революции. *Уком* — уездный комитет (партии или комсомола). *«Навстречу заре»* — имеется в виду песня «Молодая гвардия» (слова А. И. Безыменского).

56. РП, 1929, 10 февраля; «Земля советская», 1930, № 1; П; с посвящением смоленскому журналисту Г. Нилову; С-35; СПП-47;

С-51, т. 1, с. 91, с подзаг. «Рассказ о шубе, о поэзии и о прочих вещах»; С-59, т. 1, с. 236. Печ. с поправками автора.

57. РП, 1928, 5 февраля. Печ. по П, с. 52. *Любовь без радости была* — видоизмененная строка из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Договор».

* 58. РП, 1928, 15 января; ИС-31. Печ. по С-56, т. 1, с. 142. Дата уточнена автором.

59. П, с. 55. Печ. по С-51, т. 1, с. 104.

60. «Красная нива», 1930, № 7, с. 17, вместе с 61, под общим загл. «Две песни»; П, без загл.; П-38, под загл. «Шуточная песня»; ИС-47 (СП), с подзаг. «Шутка». Печ. по ИСП-47, с. 63. См. примеч. № 50.

61. «Крестьянский журнал», 1929, № 5, с. 5, под загл. «Песня»; П, без загл.; СПП-47. Печ. по С-51, т. 1, с. 97. См. примеч. № 50.

62. «Земля советская», 1929, № 6, с. 25; ИС-31; С-35. Печ. по С-51, т. 1, с. 100.

* 63. «Крестьянский журнал», 1929, № 4, с. 6; МЗ. Печ. по ИСП-40, с. 27.

64. «Земля советская», 1929, № 8, с. 40; МЗ; ИС-31, под загл. «Утро в колхозе». Печ. по ИС-33, с. 17.

65. РП, 1930, 5 сентября и «Земля советская», 1931, № 4, с. 52; С-35. Печ. по ИС-47 (СП), с. 85. *Рóсстани* — перекресток.

66. «Клубный сборник», Смоленск, 1930, № 1, с. 67; МЗ; С-35, под загл. «Года размерены». Печ. по С-51, т. 1, с. 111.

67. РП, 1930, 1 марта и «Земля советская», 1930, № 3, с. 35; П. Печ. по С-35, с. 96. *Кольцевая почта* — нововведение тех лет, вызвавшее широкий отклик в печати; кольцевая почта — движение почтового транспорта по кругу, без повторных заходов в одни и те же пункты. *Наркомпочтель* — народный комиссар почт и телеграфа.

68—69. В составе цикла стихотворения опубликованы в П. Позднее под загл. «В заштатном городе» печаталось только первое стихотворение. 1. «В деревянном городе» — П, с. 17; С-51. Печ. первая редакция П, восстановленная автором в наст. издании. 2. «За рекой, за озером. . .» — РП, 1930, 1 января, под загл. «Друзья». Печ. по П, с. 20. *Заштатный город* — город, не являющийся каким-либо административным центром. *За километрами да за перегонами Есть совсем другие люди и дела.* Программа индустриализации страны требовала огромных средств. Их уже не оставалось для развития провинции. Газеты тех лет много писали о тяжелом положении заштатных городов, о скудости местной обще-

ственной жизни (см., например, Л. Байкальский, В заштатном городе. — РП, 1926, 15 августа).

70. РП, 1930, 17 сентября, под загл. «Даешь советский дирижабль», с подзаг. «Песня о дирижабле»; С-35, с. 132. Печ. с поправками автора. *Цеппелин* — тип дирижабля, названный по имени немецкого изобретателя Ф. Цеппелина.

71. П, с. 42.

72. «Крестьянский журнал», 1929, № 4, с. 6; МЗ. Печ. по СПП-47, с. 160.

73. «Колхозник», 1931, № 11, с. 12, под загл. «Ударная песня»; ИС-31, под тем же загл. Печ. по С-51, т. 1, с. 123. Первоначальный текст сопровождался примечанием: «Написано совместно с И. Зиборовым». После ИС-31 строки Зиборова были сняты. С нотами: И. Шишов, Песня юности, М., 1936; В. Захаров, Пять песен, М. — Л., 1940, с подзаг. «Комсомольская» (др. авторская ред.). Есть отд. нем. изд. (1951). Строфа 6 перефразирует строки песни «Мы — красные кавалеристы» А. д'Актиля (псевдоним А. А. Френкеля).

74. «Земля советская», 1930, № 12, с. 57, под загл. «Дорожная песня»; МЗ; ИС-31; СПП-47, под загл. «В дороге». Печ. по ИС-47 (СП), с. 92.

75. «Наступление», 1931, № 11-12, с. 11 и «Колхозник», 1931, № 20, с. 10, с эпиграфом: «В колхозе «Маяк» открылась электростанция»; С-35. Печ. по ИС-47 (СП), с. 99. Дата уточнена по первой публикации.

76. Печ. впервые. Отрывок из незаконченной поэмы «Любовь и картошка», фрагменты которой публиковались в 1931—1932 гг.

77—79. С-61, т. 1, с. 171.

80. «Наступление», 1932, № 4, с. 26; ИС-33. Печ. по ИС-47 (СП), с. 99. *Ликбезный.* Ликбез — движение по ликвидации безграмотности.

81. «Наступление», 1934, № 4, с. 12; С-35. Печ. по С-51, т. 1, с. 136.

82. «Наступление», 1932, № 2-3, с. 51. Печ. по С-51, т. 1, с. 138.

83. И-50, с. 92, с подзаг. «Отрывок». Печ. по С-59, т. 1, с. 129.

84. «Известия», 1935, 28 января и «Наступление», 1935, № 1, с. 34; С-35. Печ. по СПП-47, с. 167.

85. С-35, с. 73. *Персидскую топят княжну.* Имеется в виду песня Д. Н. Садовникова о Степане Разине («Из-за острова на стрежень. . .»).

86. БМ, 1935, 4 июля, под загл. «Письмо Буденному из колхоза». Печ. по ЧЖ, с. 47.

87. «Молодой колхозник», 1935, № 5, с. 1; ЧЖ; Печ. по ИС-47 (СП), с. 111.

88. ЧЖ, с. 42, с подзаг. «Песня»; П-38. Печ. по ИСП-40, с. 81. С нотами: И. Шишов, М., 1937.

89. «Известия», 1935, 8 марта, под загл. «Песня»; ИС-36, без загл. Печ. по П-38, с. 27. С нотами: Ф. Козицкий, Киев, 1956 (текст на русск. и укр. яз.). *Ты не шей мне, матушка, Красный сарафан* — видоизмененные строки старинной песни (слова Н. Г. Цыганова).

90. Вместе с нотами: «Молодой колхозник», 1937, № 4, с. 14, музыка Дм. и Дан. Покрасс («Прощальная комсомольская»). Печ. по ИС-47 (СП), с. 127.

91. «Лит. газета», 1935, 30 апреля; ЧЖ; СПП-47. Печ. по ИС-47 (СП), с. 129.

92. БМ, 1935, 4 ноября и «Колхозник», 1935, № 11, с. 3. Печ. по ЧЖ, с. 7. С нотами: А. Животов, М. — Л., 1951; В. Миневрин («Советская музыка», 1953, № 9, нотное приложение).

93. ЧЖ, с. 23. Эпиграф — из «Легенды о Марко» М. Горького.

94. «Земля советская», 1932, № 7, с. 21 (др. ред.); «Наступление», 1935, № 3, с. 3 и «Колхозник», 1935, № 9, с. 21; ЧЖ. Печ. по ИС-47 (СП), с. 134. В первой публикации — др. эпиграф: «Колхозник Илья Григорьевич Манченко (с. Кислянка) ночью сторожил колхозный хлеб. С поста он увидел, что загорелась его собственная хата. В хате — имущество, жена, дети. Несмотря на это, он снялся с поста только тогда, когда в селе проснулись от пожара и прислали ему смену. Колхозники решили построить для т. Манченко новую хату».

95. «Наступление», 1935, № 4-5, с. 12, под загл. «Ненависть»; «Колхозник», 1935, № 5, под загл. «Кулаку»; ИС-36, под загл. «Ненависть». Печ. по ИСП-40, с. 29.

96. БМ, 1935, 18 октября; СПП-47; ИС-47 (СП); М. Исаковский, Стихи и песни, М. — Л., 1949 (сокращ. вариант); И-50. Печ. по С-59, т. 1., с. 190.

97. Поэма печаталась по частям. «Запев» — «Земля советская», 1930, № 6, с. 89, под загл. «Весной»; П, под загл. «Отрывок»; МЗ, под загл. «Весной (Отрывок)». Первая песня — БМ, 1935, 8 июля, под загл. «Первая песня о жизни батрака Степана Тимофеевича». Вторая песня — БМ, 1935, 16 мая, под загл. «Сапоги с подковками (Вторая песня о жизни батрака Степана Тимофеевича)». Третий отрывок, под загл. «Изба», не вошедший в окончательный текст, см. под № 268. Полностью — БМ, 1935, 7 ноября и «Колхозник», 1935, № 12, с. 15; ЧЖ; С-51, т. 1. Печ. по С-61, т. 1, с. 229. *Красная горка* — первое воскресенье после Пасхи; в этот день, по старому обычаю, принято было устраивать свадьбы. *Домовина* — гроб.

98. БМ, 1935, 1 сентября и «Наступление», 1935, № 8, с. 3; ЧЖ. Печ. по ИС-47 (СП), с. 153.

99. П-38, с. 7. Печ. по С-51, т. 1, с. 191.

100. ИСП-40, с. 8.

101. «Красноармеец и краснофлотец», 1937, № 3, с. 27, под загл. «Просьба матери»; СПП-47; С-51, т. 1, под загл. «Когда вошла в приемный зал. . .». Печ. по С-56, т. 1, с. 234.

102. М. Исаковский, Стихи и песни, М., 1938, с. 32. Печ. по ИСП-40, с. 51.

103. «Смена», 1958, № 7, с. 15.

104. СП-44, с. 44. С нотами: А. Животов («Советская музыка», 1950, № 7, нотное приложение); В. Кучеров, Березка (Берiзка), Київ, 1955 (русск. и укр. текст, пер. Т. Масенко).

105. ИСП-40, с. 57.

106. БМ, 1936, 4 февраля, под загл. «Прощание» и с примеч.: «Тема стихотворения заимствована из фильма «Подруги». Печ. по ИСП-40, с. 89. С нотами: В. Захаров, Три песни, М., 1938. Народный вариант стихотворения см. в сб. «Уральский фольклор», Свердловск, 1949, с. 111.

107. «Знамя», 1936, № 11, с. 121, с примеч.: «Прошу редакцию авторский гонорар за это стихотворение внести в фонд продовольственной помощи женщинам и детям Испании. Автор». Печ. по ИСП-40, с. 49. С нотами: М. Блантер, Партизанка, М., 1947. *«По долинам и по взгорьям Шла дивизия вперед»* — начало популярной в те годы советской песни (слова П. Парфенова в обработке С. Алымова).

108. «Красная новь», 1938, № 2, с. 34; П-38. Печ. с поправками автора.

109. СПП-47, с. 201.

110. ИСП-40, с. 21, с подзаг. «Отрывок». Печ. по ПР-45, с. 9.

111. «Красная новь», 1938, № 1, с. 71. С нотами: Д. Кабалевский, Девушка, прощай, М. — Л., 1938; Н. Чаплыгин, Сольные песни, М., 1938; П. Малый («Степные огни», Чкалов, 1940, № 3).

112. «Комсомольская правда», 1940, 21 апреля; тут же воспроизведена фотография плаката М. Бубнова, который изд-во «Искусство» выпустило к первомайскому празднику вместе с текстом Исаковского.

113. «Колхозник», 1939, № 1, с. 63; ИСП-40, без загл. Печ. по СП-44, с. 44. С нотами: Н. Пейко, Зимний вечер. Романс, М., 1943; Д. Прицкер, Две песни, М., 1947; Б. Терентьев, М., 1948, Б. Гибалин, М., 1950; А. Животов, Л. — М., 1951; А. Артамонов (в сб. «Песни края родного», Ростов н/Д., 1956).

114. «Социалистическое земледелие», 1939, 6 августа; ИСП-40. Печ. по СП-44, с. 46. С нотами: О. Сандлер, Три песни, Л., 1944. Стихотворение «возникло на основе народной юмористической песни «Чечетка», известной в русских и белорусских вариантах. Перечисление «семи сыновей» тетушки Христины и их различных занятий восходит к «семи дочерям» или «семи зятьям» устной песни. Воздействие последней определило также размер и строфику произведения...» (Литвин, с. 99).

115. СПП-47, с. 229, в разделе «Песни из кинофильмов», под загл. «Песня Зои». Печ. по С-59, т. 1, с. 199.

116. «Красная новь», 1939, № 3, с. 153. С нотами: В. Захаров, М. — Л., 1939. Позднее вместе с нотами вышли украинское, латышское, немецкое, английское издания этой песни Исаковского (на языке оригинала и в переводе). «Толчком к написанию песни «И кто его знает...» послужила народная песня, ...украинская. В ней меня привлекла фраза: «бісов батька його знае, чого він моргае». Эта фраза и дала мне разбег для песни» (М. Исаковский, Работа над песней. — «Лит. газета», 1950, 8 апреля). И. Мартынов приводит отрывок из письма М. Исаковского к В. Захарову: «Мне хотелось бы только, чтобы эта песня не была «скороговорочной», а чтобы музыка была плавной, быть может несколько замедленной. Что же касается припева, то он, по моему разумению, должен быть каким-то «лукавым», что ли. Это потому, что ведь девушка знает, почему всё происходит, но отчасти из девичьей скромности, а больше из лукавства и своеобразной кокетливости делает вид, что она не понимает, в чем дело». Замысел поэта, отмечает И. Мартынов, «раскрыт был композитором полностью. В него были привнесены и новые черты — в песне появился оттенок нежной грусти, придающей ей особую прелесть и привлекательность» (Мартынов, с. 113—114). В заметках Н. Колпаковой «Фольклорист на фронте» упоминается песня «Ходит Гитлер по Берлину...», являющаяся переделкой текста Исаковского («Ленинград», 1945, № 15-16, с. 26). См. также: П. Афонин, Шумел сурово брянский лес. Песни брянских лесов, Брянск, 1946 («По Берлину ходит Гитлер...»). Переделка песни Исаковского записана также в 1948 г. на Урале (В. Гусев, Русские народные песни Южного Урала, Челябинск, 1957, с. 120). Э. Литвин пишет, что в годы войны «наиболее значительное количество песен-пародий объединялось напевом и композиционно-стиховой структурой песни «И кто его знает...». Певцами-любителями и начинающими поэтами из красноармейской и партизанской среды эта песня стала использоваться для разоблачения хвастливости и наглости захватчиков. Пародийные тексты: «На закате ходит Гитлер возле фронта своего...», «В подземелье хмурый Гитлер счет потерь своих ведет...», «Клейст

спросил Гудериана...» и т. д. были известны едва ли не в каждой воинской части или партизанском соединении» (Литвин, с. 158). Песня «И кто его знает...» упоминается в романе А. Фадеева «Молодая гвардия».

117. Вместе с нотами: М. Блантер, Катюша. Песня, М. — Л., 1939. Одна из самых популярных песен М. Исаковского, получившая мировую известность (только в 1939 г. она издавалась в СССР четыре раза, а всего зарегистрировано 22 отдельных издания с нотами). Распространялась в авторской редакции еще до опубликования текста. Уже в период финской кампании появились «ответы» на «Катюшу» («Нахожусь в Финляндии, Катюша...»). В большинстве случаев они написаны от лица воина, идущего в бой. В годы Отечественной войны «Катюша» и ее переделки, приспособленные к местным условиям, распевались повсюду. Сохраняя облик верной, любящей подруги, Катюша в народных песнях военных лет обрела свою биографию. Она не только любит и ждет, она борется с врагом в партизанском отряде, она на фронте — «с автоматом девушка простая», она медицинская сестра — «раны крепко перевяжет, На руках из боя унесет» и т. п. «Катюшей» стали называть самодельные зажигалки, а затем — первые реактивные установки:

Вот к передней «Катя» подходила,
Подвозя снаряды за собой,
И такую песню заводила,
Что фашисты подымали вой.

(«Материалы», с. 112).

Сам поэт написал в 1944 г. «Песню про „Катюшу"» (см. № 170). Уже к 1945 г. проф. И. Н. Розанов собрал около 100 текстов (более 50 сюжетов) народных переделок и «ответов» на «Катюшу». М. Исаковский обратился по этому поводу с шуточным посланием к собирателю (см. № 256 наст. изд.). Работа И. Н. Розанова посмертно опубликована в сб. «Русский фольклор Великой Отечественной войны», М. — Л., 1964, с. 310—325. Народные переделки и «ответы» см.: «Материалы», с. 105—114; В. Тонков, Народное творчество в дни Великой Отечественной войны, Воронеж, 1945; П. Афонин, Шумел сурово брянский лес. Песни брянских лесов, Брянск, 1946, с. 45; сб. «Советский фольклор Чкаловской области», Чкалов, 1947, с. 90—93; сб. «Фольклор Советской Карелии», Петрозаводск, 1947, с. 98—100; И. Гуторов, Борьба и творчество народных мстителей, Минск, 1949, с. 189—198; сб. «Русские народные песни, записанные в Ленинградской области, Л.—М., 1950, с. 59—60; сб. «Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР», Казань, 1955, с. 154—155, 160—163; В. Гусев, Русские народные песни Южного Урала, Челябинск, 1957, с. 114—116; Беларускі фальклор Вялікай Айчыннай вайны, Мінск, 1961, с. 202. «Катюшу» пели бойцы движения сопротивления во Франции, в Италии (по сообщению одного из участников партизанской войны в Италии, группа советских воинов, которую в дни победы пожелал увидеть папа римский, вошла в Ватикан с пением «Катюши» — «Лит. газета», 1965, 13 февраля); «Катюша» «впереди отрядов партизанских Чуть не всю

Италию прошла», — писал А. Прокофьев после посещения этой страны («Катюша», 1958). После 1945 г. «Катюша» стала особенно популярной в Японии. В Токио есть кафе «Катюша», где эта песня исполняется по крайней мере один раз за вечер. «Негры двое славили Катюшу, Ту, что Исаковский написал», — рассказывает А. Малышко о своих американских впечатлениях (цикл «За синим морем»).

118. П-38, с. 34, под загл. «Девушка из Всходского района». Печ. по ИС-47 (СП), с. 187. С нотами: А. Животов, Весна. Вокальный цикл, М. — Л., 1949; А. Островский, «Где росла ты, девушка?», М., 1950; Н. Светлов (в сб. «Песни самодеятельных композиторов», Тула, 1952); Ж. Зорина («Под баян», сб. 1, М., 1953).

119. ИС-47 (СП), с. 193. Печ. по С-56, т. 1, с. 263. *Прощай же, товарищ!* и т. д. Видоизмененные строки из старой революционной песни «Вы жертвою пали...» (слова В. Архангельского).

120. «Октябрь», 1940, № 6-7, с. 116, под загл. «У колодца». Печ. по И-50, с. 157. С нотами: В. Захаров, Пять песен, М. — Л., 1940; М. Блантер, У колодца, М. — Л., 1941. Написано вскоре после боев у озера Хасан. В первых публикациях были строки: «Вижу — парень он хороший И хасанистый такой».

121. «Правда», 1939, 1 мая. С нотами: Л. Бакалов, Песни, М., 1946. *На родимую сторонку Ясный сокол прилетел* — строки из старой народной песни.

122. «Новый мир», 1941, № 3, с. 60.

123—124. 1. «На восходе солнца» — «Правда», 1939, 27 сентября, с подзаг. «Песня». С нотами: В. Захаров («Советская музыка», 1940, № 3). 2. «Встреча» — «Правда», 1939, 5 ноября, под загл. «В те дни». В составе цикла — ИСП-47. Печ. по С-59, т. 1, с. 212.

*** 125.** «Правда», 1941, 15 февраля, под загл. «Пограничник». Печ. по СП-44, с. 61. С нотами: А. Животов, Л. — М., 1951. Написано к 20-летию создания советских пограничных войск.

126. СП-44, с. 29. С нотами: В. Захаров, Избранные песни, М. — Л., 1943.

127. Вместе с нотами: Л. Шварц, Ташкент, 1942; М. Блантер, <М.>, 1949.

128. «Новый мир», 1940, № 11—12, с. 69. *Пригорнула* — прижала к себе, обняла.

129. «День поэзии», М., 1957, с. 49. С нотами: М. Блантер, М., 1958.

130. «Красная новь», 1940, № 11—12, с. 82, с подзаг. «Песня». Печ. по СП-41, с. 25. С нотами: В. <Соловьев->Седой, Четыре песни, М. — Л., 1943; Л. Бакалов (Песни Великой Отечественной

войны, вып. 2, М., 1944). В 1954 г. фольклористы А. Г. Хурмеваара и К. В. Чистов в одном из рукописных песенников дер. Загубье Толвуйского сельсовета Карельской АССР обнаружили песню «Не скрывая...», которая как бы продолжает сюжет стихотворения М. Исаковского и исполняется на тот же мотив:

Пристает ко мне подруга,
Говорит о пустяках:
«Что-то, что-то очень часто
Стала петь о моряках».

Я ответила подруге:
«Брось улыбочку свою,
Просто нравится мне песня,
Оттого ее пою».

Но подруга привязалась:
«Ой, признайся, что не зря
Ты на блузке у кармашка
Вышиваешь якоря!»

Отвечала я подруге:
«Брось ехидный этот тон,
Блузка сшита как матроска,
Просто взят такой фасон».

Извела меня подруга
И покою не дает:
«Что за книги ты читаешь
Всё про море да про <флот>?»

Я ответила с досадой:
«Надоел мне твой допрос!
Эти книги брат читает,
Это он вчера принес».

Тут из книги вдруг упала
Фотография твоя.
«Это так, один знакомый!» —
Покраснев, сказала я.

Обняла меня подружка:
«Не валяй-ка дурака,
Вот уж год, как все мы знаем,
Что ты любишь моряка».

Пусть меня морячкой дразнят
И подруги и друзья,
Всё равно люблю и буду
Я лихого моряка.

(Архив Карельского филиала АН СССР, колл. 77, № 19).

131. «Красная новь», 1940, № 11—12, с. 95. С нотами: С. Полонский («Культурно-просветительная работа», 1947, № 4).

132. Вместе с нотами: В. Захаров, О моряках, М., <1942>, стеклограф. изд.; В. <Соловьев->Седой, М., <1943>, стеклограф. изд.; Б. Корних, М., <1944>; Б. Мокроусов, Четыре моряка <М.>, 1945.

133. Вместе с нотами: «Огонек», 1941, № 13, с. 6, под загл. «Песня», муз. М. Блантера. См. также: М. Блантер, «Полюбила я парнишку. . .», М., 1944; В. Захаров, Избранные песни, М. — Л., 1943; В. Никитенко (в «Песнях краснознаменной Балтики», сб. 11, Л., 1944); В. Зудов (в сб. «Песня молодости», сост. Б. Надеждин, Ташкент, 1954, текст на русск. и узбекск. яз.); Г. Смирнова, М., 1957. В 1953 г. в Воронежской области записана частушка, оказавшаяся первой строфой этой песни («Русские частушки», М., 1956, с. 15).

134. Вместе с нотами: «Огонек», 1946, № 1, с. 18, муз. Б. Мокроусова; одновр.: Б. Мокроусов, М., 1946, стеклограф. изд.

135. «Огонек», 1941, № 11, с. 4; НС. Печ. по сб.: М. Исаковский, Лирика, М., 1946, с. 4.

136. СП-44, с. 63. С нотами: Д. Васильев-Буглай, Песни и хоры, М., 1948; М. Шнейдерман, Минск, 1960.

* 137. «Правда», 1941, 29 июня; НС, под загл. «Прощальная песня»; ЗС, под загл. «До свиданья, города и хаты!»; ИС-47 (ОГИЗ); СПП-47, под загл. «Походная песня». Печ. по сб. «Стихи и песни», <М.>, 1948, с. 58. С нотами: М. Блантер, М. — Л., 1941; З. Дунаевский, Походная песня, <М.>, 1941; И. Дунаевский, Комсомольская походная (в сб. «Фронтовой песенник», Л. — М., 1942); В. Захаров, Избранные песни, М. — Л., 1943 (под загл. «Походная»).

138. «Правда», 1941, 19 ноября.

139. НС, с. 13.

140. ИС-47 (ОГИЗ), с. 192. Печ. по С-51, т. 2, с. 14. В г. *Чистополе* М. В. Исаковский находился в эвакуации в первый год Отечественной войны.

141. «Знамя», 1942, № 1-2, с. 108. Печ. по С-61, т. 1, с. 16.

142. ЗС, с. 48. С нотами: М. Блантер, «Летели вдали самолеты. . .», Песня, <М.>, 1947; Д. Васильев-Буглай («Советская музыка», 1949, № 1, нотное приложение).

143. «Правда», 1942, 18 июня, под загл. «Урожайная песня»; СПП-47, под тем же загл. Печ. по С-51, т. 2, с. 37. С нотами: Д. Васильев-Буглай («Политпросветработа», 1943, № 10).

144. Наказ, с. 38. Печ. по С-51, т. 2, с. 48.

145. «Правда», 1942, 26 августа; Наказ; СПП-47. Печ. по С-51, т. 2, с. 52.

146. «Красная новь», 1942, № 3-4, с. 28. Печ. по С-51, с. 16. С нотами: Н. Чаплыгин, Три хора, М., 1947.

147. «Правда», 1942, 28 января.

148. «Правда», 1942, 21 сентября. С нотами: М. Блантер, В лесу прифронтовом, М., 1944; Л. Бакалов, М., 1944. Посвящено жене поэта. Песня пользовалась огромной популярностью: только с нотами Блантера она печаталась в сорока двух изданиях. Мелодическая основа ее — старинный вальс «Осенний сон». Народный вариант см.: «Материалы», с. 197—198.

149. «Агитатор и пропагандист Красной Армии», 1942, № 24, с. 2 (обл.), под загл. «Туманы мои, растуманы...». Печ. по ИС-47 (СП), с. 240. С нотами: В. Захаров («Политпросветработа», 1943, № 10); Ю. Шапорин, М., 1948. О возникновении замысла стихотворения сам поэт пишет: «Мне очень понравились эти «туманы, растуманы». Мне как бы представился тот край, где я родился и вырос, край, в котором много лесов и болот, край, где мои земляки партизаны вели в то время борьбу с фашистскими захватчиками. В результате появилась песня» (М. Исаковский, Работа над песней. — «Лит. газета», 1950, 8 апреля).

150. «Красная новь», 1942, № 3-4, с. 27.

151. «Литература и искусство», 1942, 1 мая; НС. Печ. по И-50, с. 218.

152. Сб. «Тыл — фронту», М. — Л., 1943, с. 5; И-50. Печ. по С-51, т. 2, с. 31.

153. НС, с. 25.

154. «Красная новь», 1942, № 3-4, с. 28. С нотами: В. Нечаев, Лирика войны, М., 1943 (под загл. «Куда б ни шел, ни ехал ты»); В. Захаров, М., 1945; Д. Васильев-Буглай, М., 1946; З. Левина, М., 1947; О. Чернышев, М. — Л., 1948; А. Александров, За родину, М., 1948.

155. «Известия», 1942, 27 июня, под загл. «Семья». Печ. по СП-44, с. 79.

156. «Комсомольская правда», 1942, 4 апреля. Текст Исаковского вошел в народный песенный репертуар — частью в измененном или в совершенно переработанном виде; появились также «ответы» и «продолжения» (см. «Уральский фольклор», Свердловск, 1949, с. 112—113; И. Гуторов, Борьба и творчество народных мстителей, Минск, 1949, с. 143—148; «Материалы», с. 154). Составителем записан текст, возникший в среде военнопленных в фашистских

лагерях («Крутится, вертится пленный наш брат. Где он ни сунется — всюду солдат...» и т. д.) *«Крутится, вертится шар голубой...»* — дореволюционная песня, вновь ставшая популярной после выпуска кинотрилогии Г. Козинцева и Л. Трауберга о Максиме (1933—1938), где она использована.

157. «Правда», 1943, 19 апреля, с подзаг. «Песня». Печ. по СП-44, с. 96. С нотами: Н. Макарова, 1944, стеклограф. изд.; Н. Чугунов, М., 1944; А. Матюшин, Песни, М. — Л., 1945; М. Блантер, М. — Л., 1947. Этот текст был положен на музыку многими композиторами, однако, как свидетельствует И. Нестьев, «в быт вошла мелодия, нигде не опубликованная. Интонационно она родственна песне «Огонек», сочиненной в городе Кронштадте краснофлотцем баянистом Никитенко (опубликована в «Песнях краснознаменной Балтики», сб. 10, Л., 1944)». Далее И. Нестьев пишет: «Летом 1944 г. не было такого уголка на всем протяжении Первого и Второго Украинских фронтов, где бы не звучала песенка «Огонек»... Ее пели на концертах самодеятельности, распевали в тесном кругу друзей в блиндажах, под нее танцевали на лесной полянке, под баян, текст ее печатали в армейских газетах, переписывали друг у друга» (И. Нестьев, Советская массовая песня, М. — Л., 1946, с. 15). Группа солдат сообщала поэту в сентябре 1945 г.: «Часто случается так, что едешь в поезде или идешь по дорогам чужой земли и слышишь напевы «Огонька». Его поют не только красноармейцы, но и чехи, и поляки, и другие народы» («Материалы», с. 121). Народные переделки «Огонька» и «ответы» на него записывались неоднократно (см. «Материалы», с. 120—124; сб. «Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР», Казань, 1955, с. 166; А. Анисимова, Песни и сказки Пензенской области, Пенза, 1953, с. 203—204). В альбоме И. Петуховой из д. Понизье Чухломского района Костромской обл. составителем был обнаружен «Ответ на „Огонек"», в котором осуждалась легкомысленная подруга воина. Однако в большинстве известных народных вариаций нет подобной сатирической разработки сюжета. Чаще всего речь идет о верности в чувствах, которую обнаруживают и боец и его подруга («Нежно девушка встретила Молодого бойца, Обнимала любимого На ступеньках крыльца». — «Материалы», с. 123).

158. «Правда», 1942, 26 октября; Наказ. Печ. по СПП-47, с. 374. С незначительными изменениями вошла в народный песенный обиход (см. «Материалы», с. 159—161).

159. «Правда», 1942, 12 декабря; ЗС, под загл. «Рассказ старухи»; ИСП-47. Печ. по С-51, т. 2, с. 55. Тиражом в 100 тыс. экз. был выпущен плакат «Рассказ старухи». Рис. Д. Моора, М., 1943. См. иллюстр. между с. 224 и 225 наст. изд. *Грючить* — греметь, бренчать.

160. «Смена», 1943, № 1-2, с. 12. Печ. по С-51, т. 2, с. 59.

161. «Крестьянка», 1943, № 9, с. 11. Печ. по ЗС, с. 43.

162. «Правда», 1943, 1 сентября.

163. «Правда», 1943, 26 сентября.

164. «Правда», 1943, 28 октября. Печ. по ЗС, с. 49. Дата уточнена по ЗС. С нотами: Б. Карахан, М., 1947, стеклограф. изд.; М. Блантер, <М.>, 1948; И. Шишов, Три вокальных произведения, М. — Л., 1948.

165. «Правда», 1943, 27 ноября.

166. «Правда», 1943, 25 ноября.

167. «Правда», 1943, 14 апреля.

168. «Октябрь», 1943, № 11-12, с. 89. *«Бывайте здоровы, живите богато. . .»* — см. примеч. № 299.

169. «Правда», 1944, 1 января; С-51, т. 2. Печ. по С-59, т. 2, с. 73.

170. «Красноармеец», 1944, № 12, с. 24 и «Спутник агитатора», 1944, № 15-16, с. 2 (обл.). С нотами: В. Захаров, Три песни. М., 1945. См. примеч. № 117.

171. «Октябрь», 1944, № 7-8, с. 55, с подзаг. «Песня». Печ. по ПР-45, с. 54. С нотами: Б. Мокроусов, М., 1945; М. Блантер, М.—Л., 1946 (наиболее популярная мелодия); В. Захаров, Девять песен, М.—Л., 1947. См. вступ. статью, с. 25.

172. «Правда», 1944, 6 октября; СПП-47; И-50. Печ. по С-51, т. 2, с. 87.

173. «Правда», 1944, 6 ноября, под загл. «Слово об отчизне», и «Октябрь», 1944, № 11-12, с. 1; ПР-45. Печ. по С-51, т. 2, с. 82. С нотами: В. Захаров, Слава советской державе, М., 1943.

174. «Октябрь», 1944, № 1-2, с. 116 и «Красноармеец», 1944, № 13-14, с. 53; ЗС. Печ. по С-59, с. 82. Замысел стихотворения относится к 1928 г.

175. «Октябрь», 1944, № 11-12, с. 2. С нотами: М. Блантер, Под звездами балканскими, М., 1945.

176. «Смена», 1944, № 7-8, с. 13; М. Исаковский, Лирика, М., 1946, под загл. «Не тревожь ты себя, не тревожь. Девичья песня». Печ. по СПП-47, с. 238. С нотами: В. Соловьев-Седой, «Не тревожь ты себя, не тревожь. . .» («Песни краснознаменной Балтики», сб. 12, Л., 1944); Б. Мокроусов, <М., 1945>, стеклограф. изд.; И. Дунаевский, «Не тревожь ты себя, не тревожь (лирические частушки)», <М.>, 1945, стеклограф. изд. (переиздано типографским способом в 1946 и 1947 гг.). В статье, написанной к 60-летию М. В. Исаковского, В. Соловьев-Седой вспоминает: «В годы войны, вскоре после возвращения с Калининского фронта, ко мне пришла актриса

Шульженко и принесла напечатанный на машинке текст песни «Не тревожь ты себя, не тревожь...». Эти стихи я уже слышал от кого-то, они меня взволновали. Обрадовавшись, я стал писать музыку. Песню запели, но радость моя была еще больше, когда вскоре на берегу Волги, в Куйбышеве, я услышал, как пели эту песню девушки, она стала хоровой, полюбилась молодежи...» (В. Соловьев-Седой, О моем друге-поэте. — «Литература и жизнь», 1960, 20 января). В рукописном песеннике Л. Ошуновой, заполнявшемся в 1952—1954 гг. в Карельской АССР, составителем найден «ответ» на текст М. Исаковского — «Назначай поскорее свидание...» (Архив Карельского филиала АН СССР, колл. 77, № 114).

177. «Комсомольская правда», 1944, 12 октября, под загл. «У нас в поселке. Песня». Печ. по «Октябрю», 1944, № 11-12, с. 2.

178. «Октябрь», 1944, № 7-8, с. 55.

179. «Правда», 1944, 31 декабря, под загл. «Фронтовой тост»; СПІ-47, под загл. «Новогодний тост». Печ. по ИС-47 (СП), с. 299.

180. «Комсомольская правда», 1945, 10 апреля. С нотами: Н. Чаплыгин, Три хора, М., 1947.

181. «Октябрь», 1946, № 1-2, с. 9. Датируется по автографу (см.: Юдкевич, с. 109; там же текстологический анализ рукописи). С нотами: В. <Соловьев->Седой, М., 1946, стеклограф. изд.; Б. Мокроусов, <М.>, 1946, стеклограф. изд.; Г. Свиридов, Романсы и песни, тетрадь 1, М., 1960.

182. «Октябрь», 1946, № 1-2, с. 9. *Селиба* (селитьба) — усадьба.

183. «Правда», 1945, 1 ноября и «Крестьянка», 1945, № 11, с. 2 (обл.).

184. «Знамя», 1946, № 7, с. 63. С нотами: М. Блантер, М., 1961.

185. «Октябрь», 1946, № 1-2, с. 9. С нотами: Б. Мокроусов, Одинокая гармонь, <М.>, 1945, стеклограф. изд. Наиболее популярная мелодия — зарегистрировано 47 изданий, в том числе с текстом в переводе на узбекский, латышский, польский, французский языки. См. также: В. Захаров, Девять песен, М. — Л., 1947 (под загл. «Гармонист»); Ю. Слонов, Одинокая бродит гармонь. Песня, <М., 1947>. Песня Исаковского получила широчайшее распространение и вызвала многочисленные отклики, подражания и «ответы». Такой «ответ» хранится, например, в архиве Карельского филиала АН СССР (колл. 77, № 21. Песенник Люси Ватаевой):

Приоткрыв осторожно <окошко>,
Слышит девушка будто во сне —
Где-то близко играет <гармошка>,
Разливаясь в ночной тишине.

Пусть и музыка эта знакома,
Всё же твердо решила она:
Пусть он ходит кругом мимо дома,
Пусть он ходит всю ночь у окна.

Он своею игрою задорной
По ночам может всех разбудить,
Но характер ее непокорный
Пареньку никогда не сломить.

Он играет дорожкой вдоль дома,
Не спуская с окна ее глаз.
Только девушка знает, что надо
Пареньку-гармонисту сейчас.

Приоткрыв осторожно окошко,
В хате вспыхнул мгновенно огонь.
Сердце парня забилось <тревожно>
И в руках заиграла гармонь.

186. «Правда», 1945, 24 сентября.

187. «Правда», 1946, 27 апреля. Печ. по С-51, т. 2, с. 120.

188. «Правда», 1946, 7 ноября.

189. Вместе с нотами: М. Блантер, Дубрава. Песня <М.>, 1947.

190. ИС-47 (СП), с. 305.

191. «Огонек», 1946, № 25-26, с. 27. С нотами: В. Дехтерев, Два романса, М. — Л., 1948; Васильев-Буглай (под загл. «Растем, товарищи, растем»).

192. «Новый мир», 1947, № 2, с. 9. С нотами: М. Блантер, Тропинка. Песня, М., 1947; П. Триодин, М., 1947. Анализ рукописи — см.: Юдкевич, с. 110—113.

193. «Правда», 1946, 9 мая. Написано к первой годовщине победы над фашистской Германией.

194. «Правда», 1946, 4 июня, под загл. «Живой родник». Печ. по ИС-47 (СП), с. 316. М. И. Калинин скончался 3 июня 1946 г.

195. «Правда», 1947, 10 сентября. Анализ рукописи — см.: Юдкевич, с. 106—108.

196. Вместе с нотами: М. Блантер, Пшеница золотая, М., 1947, стеклограф. изд.; А. Титов, М., 1954. Печ. по СП-48, с. 98.

197. «Советский воин», 1947, № 21, с. 23. С нотами: В. Захаров, Русские песни, М., 1949; Г. Плотниченко, Кубанская станица, Краснодар, 1949.

198. СП-48, с. 91. С нотами: М. Блантер, Лирические песенки, М., 1954; М. Осокин, <М.>, 1954. Анализ рукописи — см.: Юдкевич, с. 98—104. *Позарастали стежки-дорожки* — начало старой народной песни.

199. «Правда», 1947, 30 апреля.

200. «Новый мир», 1950, № 3, с. 124. Анализ рукописи — см.: Юдкевич, с. 113—116. Эпиграф — из стихотворения Некрасова «Крестьянские дети».

201. «Огонек», 1948, № 8, с. 19. Анализ работы поэта над стихотворением — см.: Бузник, с. 432—433. 8 апреля 1948 г. А. Фадеев, которому М. Исаковский посвятил это стихотворение, написал автору: «Большое спасибо тебе за «Трансвааль». Написано чудесно и очень перекликается с моей юностью, что, вероятно, ты почувствовал через «Удэге»...» (А. Фадеев, За тридцать лет, М., 1957, с. 753). *Ни бог, ни царь и не герой* — строка из «Интернационала».

202. «Новый мир», 1950, № 3, с. 126. С нотами: М. Осокин, М. — Л., 1951; В. Шебалин, Избр. хоровые произведения, М., 1954; В. Резвиков, Песня над Волгой, Саратов, 1960; П. Косач, Минск, 1962; Л. Крутиков, Весеннее, Тбилиси, 1957 (текст на груз. яз.).

203. «Знамя», 1949, № 7, с. 4, с указанием, что эта песня из фильма «Веселая ярмарка» (сценарий Н. Погодина, музыка И. Дунаевского). Фильм на экраны не вышел. С нотами: А. Животов, Л. — М., 1951; Б. Мокроусов («Смена», 1952, № 17 — вошло в радиопостановку «Поддубенские частушки»). В 1954 г. было издано звуковое письмо (с грампластинкой).

204. Вместе с нотами: М. Блантер, Над травами зелеными, <М.>, 1949; Г. Плотниченко (в сб.: «Цвети, наша Родина», Краснодар, 1950, под загл. «Девичья»); М. Осокин, М., 1960.

205. Вместе с нотами: В. Захаров, Пройдут года, М., 1948.

206. СП-48, с. 99. С нотами: М. Блантер, <М.>, 1949. Анализ работы поэта над стихотворением — см.: Бузник, с. 433—436.

207. «Комсомольская правда», 1949, 29 марта, под загл. «Привет делегатам»; С-51. Печ. по С-61, т. 2, с. 177.

208. «Знамя», 1949, № 7, с. 3. Из фильма «Веселая ярмарка». См. примеч. № 203. Впоследствии №№ 208, 209, 210 были использованы в фильме «Кубанские казаки». Все три песни впервые напечатаны в сборнике «Песни и частушки из музыкальной комедии „Кубанские казаки“», изд. Упр. кинофикации, Рига, б/г. Отд. текст с нотами: И. Дунаевский, По реке, реке Кубани, <М.>, 1950 (в др. изд.: «Урожайная песня»).

209. Вместе с нотами: И. Дунаевский, Каким ты был. Песня из кинофильма «Кубанские казаки», <М.>, 1950. В 1950 и 1956 гг. было выпущено звуковое письмо (с грампластинкой). Имеется перевод песни на киргизский яз. (1950).

210. «Октябрь», 1951, № 2, с. 155. С нотами: И. Дунаевский, Песня из кинофильма «Кубанские казаки», <М.>, 1950; имеются переводы на нем. и узбекск. языках. В 1951 и 1955 гг. было выпущено звуковое письмо с этой песней.

211. «Октябрь», 1951, № 2, с. 155. С нотами: И. Дунаевский, («Крестьянка», 1951, № 4).

212. «Правда», 1949, 6 ноября, под загл. «Колхозная осень»; С-51, т. 2, под загл. «Осень»; С-56, т. 2, под загл. «Осеннее». Печ. по С-59, т. 2, с. 142. С нотами: Б. Терентьев, Колхозная осень, <М.>, 1951; В. Шебалин, Избр. хоровые произведения, М., 1954; В. Власов, Колхозная осень, М., 1954.

213. С-51, т. 2, с. 171.

214. «Новый мир», 1950, № 7, с. 107. С нотами: В. Соловьев-Седой, Наташа. Песня из спектакля «Рассвет над Москвой», Л., 1959.

215. «Огонек», 1950, № 40, с. 10. С нотами: З. Компанеец, Широкие дали, <М.>, 1951; Г. Плотниченко (в «Сборнике песен кубанских композиторов», Краснодар, 1952).

216. «Огонек», 1951, № 45, с. 9. С нотами: В. Шебалин, Избр. хоровые произведения, М., 1954; Г. Плотниченко, Кубань — родная сторона (в «Сборнике песен и хоров», Краснодар, 1958). Первоначальный вариант стихотворения относится к 1933 г.

217. «Огонек», 1951, № 45, с. 9.

218. БО, с. 5. Печ. по С-56, т. 2, с. 166. С нотами: В. Шебалин, Избр. хоровые произведения, М., 1954; Васильев-Буглай.

219. «Огонек», 1951, № 20, с. 22, с подзаг. «Лирическая шутка». Печ. по БО, с. 30. С нотами: М. Блантер, <М.>, 1952; В. Захаров, <М.>, 1952; Г. Плотниченко (в «Сборнике песен кубанских композиторов», Краснодар, 1952). Первоначальный вариант стихотворения относится к 1940 г.

220. «Огонек», 1951, № 45, с. 9.

221. «Новый мир», 1953, № 9, с. 129, под загл. «В тихом поле, в спелом жите. . .». Печ. по С-56, т. 2, с. 171. С нотами: К. Молчанов, Две песни из кинокартины «Возвращение Василия Бортникова», <М.>, 1954. Анализ рукописи — см.: Юдкевич, с. 104—106. Первоначально была написана от лица парня.

222. Вместе с нотами: К. Молчанов, Две песни из кинокартины «Возвращение Василия Бортникова», <М.>, 1954.

223. Вместе с нотами: К. Молчанов. Песня из кинофильма «Возвращение Василия Бортникова» («Советская музыка», 1953, № 12, нотное приложение).

224. «Правда», 1952, 5 октября. В С-61, т. 2, с. 213, вместо 1 октября 1952 г., ошибочная дата: 1 октября 1953 г.

225. «Новый мир», 1952, № 11, с. 41. Печ. с поправками автора.

226. «Правда», 1953, 20 сентября, под загл. «Лен». Печ. по С-56, т. 2, с. 173. В письме к автору А. Фадеев говорил о стихотворении: «Оно написано с той предельной простотой, которая даже для тебя, всю жизнь пишущего необыкновенно прозрачно и просто, является необычной и поразительной». Далее следует подробный разбор стихотворения (см.: А. Фадеев, За тридцать лет, М., 1957, с. 753).

227. «Правда», 1953, 7 ноября, с подзаг. «Песня». Печ. по С-56, т. 2, с. 178. С нотами: Е. Жарковский (в сб. «Песенник», М., 1954); П. Гутин (в сб. «К всероссийскому смотру художественной самодеятельности», М., 1954); М. Папашик (в сб. «Песни», Челябинск, 1955); А. Берлин (в сб. «Пустыню в край цветущий превратим», сост. И. Дулгаровой, Ташкент, 1955, — на русск. и узбекск. яз.).

228. «Смена», 1958, № 7, с. 15.

229. С-56, т. 2, с. 176.

230. С-59, т. 2, с. 164.

231. «Правда», 1956, 8 ноября.

232. «Правда», 1958, 1 января, под загл. «Пожелание». Печ. по С-59, т. 2, с. 170.

233. «Правда», 1959, 19 июля.

234. «Правда», 1960, 22 апреля.

235. Печ. впервые. Б. Мокроусов по рукописи написал музыку.

ФЕЛЬЕТОНЫ. ШУТКИ. СТИХИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

236. П, с. 77, где ошибочно датировано 1927 г.

*237. РП, 1928, 1 января. Печ. по С-56, т. 1, с. 125. Книга С. Малашкина «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь...» (М., 1927), посвященная нравственно нечистоплотным героям, вызвала резко отрицательное отношение советской общественности.

238. РП, 1928, 19 февраля; П, с ошибочной датой: 1927 г.; сб. М. Исаковский, Война с тараканами, Смоленск, 1932. Печ. с поправками автора. В РП опубликовано в полосе, посвященной началу культурной революции. Через всю полосу шел призыв: «Давайте практически разрешать большие и малые дела культурной революции».

239. П, с. 59, с подзаг. «Шуточное стихотворение». Печ. по С-59, т. 1, с. 240.

240. П, с. 65. Печ. по СПП-47, с. 264.

241. «На литературном посту», 1930, № 17, с. 104. Печ. с поправками автора.

242. Печ. впервые.

243. РП, 1930, 16 июля, под загл. «Лицом к свинье» и с подзаг. «Письмо сельсовету»; Зап. обл., 1930, № 1, с. 23, под загл. «Письмо сельсовету». Печ. по С-35, с. 134.

244. РП, 1930, 17 октября. Печ. по С-35, с. 137.

*245—246. 1. «Письмо в редакцию от поэта Ивана Безудержного» — РП, 1930, 19 июля и «На литературном посту», 1930, № 15-16, с. 152; С-35, без эпиграфа; СПП-47. *В стране березового ситца ... Не жалею, Не зову* и т. д. — строки из стихотворения Есенина «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921). 2. «Молодой поэтик...» — «Журнал крестьянской молодежи», 1931, № 21, с. 12, под загл. «О цветиках» и с эпиграфом: «Многие начинающие поэты до сих пор продолжают писать о птичках, о цветочках и т. п.»; С-35, под загл. «Роза из колхоза»; СПП-47. Впервые в цикле — С-51, т. 1, с. 119. Печ. по этому изд.

247. «Наступление», 1931, № 3, с. 76, под загл. «Об одном поэте»; «Журнал крестьянской молодежи», 1931, № 21, под загл. «О горе-поэтах», с эпиграфом: «У нас еще много поэтов-халтурщиков. Эти люди в своей литературной работе не перестраиваются, а „пристраиваются“». Печ. с поправками автора. Вульгаризаторский лозунг «одемьянивания» литературы был горячо поддержан смоленскими рапповцами. Творческая группа «Наступление» опубликовала «Открытое письмо Демьяну Бедному». «„Одемьянивание“, — говорилось в этом письме, — одно из важных звеньев борьбы за генеральную линию» («Наступление», 1931, № 1, с. 55). Тем ценнее было выступление Исаковского, недвусмысленно осмеявшего эту нелепую кампанию. *Авербах* Леопольд Леонидович — один из руководителей РАППа.

248. Зап. обл., 1931, №№ 15-16, с. 39, с пометой: Москва, 1931; С-35. Печ. по СПП-47, с. 268.

249. Жел. пр., 1933, 11 декабря, под загл. «Валенки (Рассказ кондуктора)»; «Вдоль да по дороге»; С-35. Печ. по С-59, т. 1, с. 249.

250. Жел. пр., 1933, 15 ноября, с эпиграфом: «Тов Манешин, переброшенный на ст. Богоявленск в качестве ДС, живет без квартиры и ютится где попало. В таком же положении находятся и два ДСП. Руководство 2-го экспл. района относится к этому с философским спокойствием и не принимает мер к предоставлению квартир»; «Вдоль да по дороге», под загл. «Насчет философии и с сокращ. эпиграфом; С-35, под тем же загл. Печ. по С-59, т. 1, с. 251. *Диоген* — древнегреческий философ, по преданию живший в бочке.

251. Жел. пр., 1933, 16 октября; «Вдоль да по дороге». Печ. по С-35, с. 154.

252. М. Исаковский, Что за славные ребята, М., 1948, с. 58. Печ. с поправками автора.

253—255. Три стихотворения, печатавшиеся ранее отдельно, в настоящем издании объединены автором в цикл: 1. «Поросята» — «Правда», 1941, 21 октября, с подзаг. «Партизанская быль»; отд. изд.: М., 1942; НС. Печ. с поправками автора. 2. «Двести десятин» — «Правда», 1942, 17 августа и «Политпросветработа», 1942, № 21-22, с. 60, под загл. «Партизан». Печ. с новым авторским заглавием. 3. «Ой, ругала я судьбу» — вместе с нотами: В. Захаров <М., 1943>, стеклограф. изд.

256. С-59, т. 1, с. 255. Дата написания уточнена по автографу (см.: Юдкевич, с. 148). *Розанов* Иван Никанорович (1877—1959) — советский литературовед, фольклорист, критик; см. также примеч. № 117.

257. Печ. впервые.

258. «Огонек», 1946, № 11-12, с. 1, с подзаг. «Почти басня». Печ. по сб.: М. Исаковский, Что за славные ребята, М., 1948, с. 52. *К священной жертве Аполлон* — строка из стихотворения Пушкина «Поэт».

259. «Крокодил», 1947, № 11, с. 3.

260. С-59, т. 1, с. 258. П. *Глебка* и П. *Бровка* — современные белорусские поэты.

261—262. 1. «Н. Семенову» — печ. впервые. 2. «А. К. Тарасенкову» — С-59, т. 1, с. 260. *Тарасенков* Анатолий Константинович (1909—1956) — критик, работавший главным образом в области советской поэзии.

263. «Литература и жизнь», 1958, 18 мая.

ИЗ ПЕСЕН ПРОШЛОГО

264. БМ, 1936, 11 января. Печ. по ЧЖ, с. 53. Сопоставление этого и других стихотворений данного раздела с текстами народных песен см.: В. Гельман—Бахтин, Заметки о творчестве М. В. Исаковского («Ученые записки Карело-Финского педагогического института», т. 2, в. 1, Петрозаводск, 1956, с. 177—181).

265. БМ, 1936, 11 января, под загл. «Песня о рекрутчине». Печ. по С-51, т. 2, с. 184.

266. БМ, 1936, 1 января. Печ. по С-51, т. 2, с. 186.

267. БМ, 1936, 1 января. Печ. по С-51, т. 2, с. 188.

268. БМ, 1935, 30 октября, с подзаг. «Отрывок из поэмы о жизни батрака Степана Тимофеевича» (в окончательный текст поэмы не вошел). Печ. по С-51, т. 2, с. 189. См. примеч. № 97.

269. «Молодой колхозник», 1937, № 5, с. 39. Печ. по С-51, т. 2, с. 191. С нотами: Б. Мокроусов, Я хожу по улице, <М.>, 1942; М. Блантер, Я хожу по улице, М., 1947, стеклограф. изд.

ИЗ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

270. «Новь», 1914, 28 ноября, с редакционным примечанием: «Следующее стихотворение мы получили с припиской: „Автору 14 лет. Он окончил народное училище. Живет в деревне. Стихи переписал и отослал учитель <М. Сельницкий>...“». Дата уточнена по «Нови». Принято было считать, что «Просьба солдата» является вольным переложением известной песни «Степь да степь кругом» (в свою очередь эта песня — народная переделка стихотворения И. Сурикова «В степи»). Между тем по этому поводу сам автор сообщает следующее. В одной из газет, вспоминает он, «я прочел стихотворение, которое помню и до сих пор, хотя прошло уже более пятидесяти лет. Кто автор стихотворения — я, к стыду своему, не знаю...

Вот оно (воспроизвожу по памяти, поэтому возможны некоторые неточности):

Ночь порвет наболевшие нити,
Вряд ли их дотянуть до утра...
Об одном вас прошу: напишите,
Напишите три строчки, сестра.

Напишите жене моей бедной,
Напишите ей несколько слов,
Что я в руку был ранен безвредно,
Поправляюсь и буду здоров.

Напишите, что мальчика Вову
Я целую — как только могу
И австрийскую каску из Львова
Я в подарок ему берегу.

А отцу напишите отдельно,
Как прославлен наш доблестный полк
И что в грудь я был ранен смертельно,
Исполняя свой воинский долг.

...Меня потрясло то — как достойно и мужественно ведет себя человек, смертельно раненный в грудь, человек, которого завтра утром уже не будет. Но еще больше меня потрясли его «наказы» — кому и что писать. Я понял, как он любит свою жену, как он не хочет, чтобы весть о его гибели дошла до нее, и потому он пускается на «святую ложь». А с отцом — уже другое дело. Отцу он хочет сказать все прямо. Отец, наверно, стойкий и вынесет горе, хотя тяжесть его огромна, хотя случившееся непоправимо... Но вот что мне показалось тогда обидным. Стихи написаны об офицере, т. е., по тогдашним моим представлениям, о богатом человеке. И жить ему было хорошо, и когда он умирает, о нем пишут стихи. А вот о простом солдате, каких на войне многие тысячи, никто не написал таких стихов. И я решил восполнить этот «пробел». Я написал стихи об умирающем солдате. Почему мой солдат получился похожим на суриковского ямщика, умирающего в снежной степи, я до сих пор не могу понять. Суриковских стихов я не знал, а получилось, что я подражаю ему. Может быть, так объяснить: ...ко мне этот сюжет пришел (незаметно для меня самого) от каких-либо фольклорных рассказов, от каких-либо народных песен. И в результате получились стихи, похожие на суриковские».

271. СПП-47, с. 58.

272. СПП-47, с. 57.

273. С-51, т. 2, с. 177.

274. СПП-47, с. 59.

* 275. РП, 1924, 18 июня (др. ред.); П. Печ. по СПП-47, с. 60. Дата уточнена по РП.

276. С-51, т. 2, с. 181.

ПЕРЕВОДЫ

С УКРАИНСКОГО

Тарас Шевченко

277. «Лит. газета», 1938, 20 октября. Печ. по изд.: Т. Шевченко, Собр. соч. в 5-ти томах, т. 1, М., 1949, с. 376. Перевод стих. «Ой, три шляхи широкії...» (1847), из цикла «В казематі».

278. И-50, с. 307. Перевод стих. «Думка» («Тяжко-важко в світі жити...», 1838).

279. С-56, т. 2, с. 187. Перевод стих. «Не молилася за мене...» (1850).

280. С-56, т. 2, с. 188. Перевод стих. «Я не нездужаю, ні вроку...» (1858).

Иван Франко

281. «Тридцать дней», 1941, № 5, с. 22. Печ. по С 61, т. 2, с. 231. Перевод стих. «Ще щебече у садочку соловій...»

282. «Тридцать дней», 1941, № 5, с. 22. Перевод стих. «В шинку».

С БЕЛОРУССКОГО

Янка Купала

283. М. Исаковский, Избранные стихи и переводы, Смоленск, 1948, с. 93. Перевод стих. «Паляці ты лесом, полем...» (между 1910 и 1912) из цикла «З песень беззямельнага».

284—285. Я. Купала, Стихи и поэмы, М., 1948, с. 353 и 334. Перевод стих. «З цыкла вершау „Аб мужицкай долі“»: 1. «За сахой, бараной...» (1908). 2. «Як выйду за хату...» (1908).

286. Я. Купала, Избранные стихи и поэмы, М. — Л, 1950, с. 145. Перевод стих. «Песня. З народнай. „Каб была я перапёлкай...“» (1913).

287. С-56, с. 305. Перевод стих. «А хто там ідзе?..» (1905—1907).

Якуб Колас

288. Я. Колас, Собр. соч. в 4-х томах, т. 1, М., 1951, с. 53. Перевод стих. «Ворагам» (1906).

289. Я. Колас, Собр. соч. в 4-х томах, т. 1, М., 1951, с. 99. Перевод стих. «Мужык» (1909).

290. Я. Колас, Собр. соч. в 4-х томах, т. 1, М., 1951, с. 138. Перевод стих. «Пясняр» (1910).

291. С-56, с. 321. Перевод стих. «Увосень» (1914).

Петрусь Бровка

292. «Дружба народов», 1958, № 4, с. 43. Перевод стих. «Дубовы ліст» (1956).

293. «Огонек», 1962, № 14, с. 16. Перевод стих. «Александрина» (1962). *На Муромской дороге* и т. д. Начальные строки русской народной песни.

294. «Правда», 1962, 23 апреля. Перевод стих. «Камунары жывуць» (1962).

Аркадий Кулешов

295. «Новый мир», 1946, № 12, с. 7. Перевод стих. «Бюро даведак» (1939).

296. «Новый мир», 1946, № 12, с. 4. Перевод стих. «Бярозка» (1944).

297. М. Исаковский, Избранные песни и переводы, Смоленск, 1948, с. 125. Перевод стих. «Млын» (1939).

298. И-50, с. 356. Перевод стих. «Балада аб чатырох заложніках» (1942).

Адам Русак

* 299. «Правда», 1937, 9 сентября; П-38; «Избранные песни и переводы», Смоленск, 1948, с. 175. Печ. по И-50, с 372. Перевод стих. «Бывайце здаровы...» (1936). С нотами: В. Захаров, Три песни, М., 1938. Широчайшую популярность получила песня после того, как она была положена на музыку белорусским композитором И. Любаном (отд. изд.: М., 1949). Песня была записана фольклористами от самого Русака и поначалу печаталась без имени автора. М. Исаковский, считая, что это текст народный, обработал его в 1936 г. (см. с. 451). Когда недоразумение выяснилось, поэт перестал публиковать свою обработку. 10 февраля 1939 г. М. Исаковский напечатал в «Лит. газете» статью «Пишите богато», указав, что такое пожелание получил он от писателей Белоруссии. А через месяц, 10 марта 1939 г., там же появилась шуточная «Писательская застольная»:

Будьте здоровы,
Пишите богато,
А мы уезжаем
До Гослитиздата...

«Все помнят чудесную белорусскую песню «Будьте здоровы, живите богато», — говорил недавно поэт С. Граховский. — Ее текст написал член нашей группы белорусский поэт Адам Русак, а крылья ей дал Михаил Васильевич Исаковский. Чуть ли не в один день эту песню подхватила и запела вся страна» («Лит. Россия», 1964,

17 июля). Там же приведены слова А. Твардовского: «Одна эта песня, которую больно было услыхать в дни, когда вся белорусская земля лежала за чертой фронта, одна эта простая, задушевная и шуточно-ласковая песня — лучшее свидетельство красоты земли и народа, населяющего ее, народа с щедрым, честным и веселым сердцем».

С ОСЕТИНСКОГО

Коста Хетагуров

300. Коста Хетагуров, Собр. соч. в 3-х томах, т. 1, М., 1951, с. 124. Перевод стих. «Катай» (ок. 1906).

301. Коста Хетагуров, Собр. соч. в 3-х томах, т. 1, М., 1951, с. 83. Перевод стих. «Зонын». *Арака* — водка из фруктов.

ИЗ СЕРБСКОГО ЭПОСА

302. С-59, т. 2, с. 333. Печ. по кн.: Сербский эпос, в 2-х томах, т. 1, М., 1960, с. 325. Перевод песни «Орање Марка Краљевића».

303. С-59, т. 2, с. 334. Печ. по кн.: Эпос сербского народа, М., 1963, с. 68. Марко Краљевић и БегКоста́дин. *Бег* — господин. *Дмитров день* — 26 октября по ст. стилю. *Ракия* — водка из фруктов или выжимок винограда.

С ВЕНГЕРСКОГО

Шандор Петефи

304. «Новый мир», 1951, № 8, с. 158. Перевод стих. «Rákoczi» (1848). Ференц *Ра́коци* (1676—1735) — руководитель венгерского национально-освободительного движения, после низложения Габсбургов (1707) — глава государства. В 1711 г. был вынужден эмигрировать; умер в Турции.

305. «Новый мир», 1951, № 8, с. 160. Перевод стих. «A kisbéres».

306. Ш. Петефи, Собр. соч. в 2-х томах, т. 2, М., 1952, с. 202. Перевод стих. «A scabad sághoz» (1848).

Венгерские народные песни и баллады

307. «Огонек», 1948, № 27, с. 15. Перевод песни «Szegenylegény dala».

308. «Огонек», 1948, № 27, с. 15. Перевод песни «Becsaptál te engem».

309. «Новый мир», 1950, № 2, с. 171. Перевод песни «Harom páva». С нотами: Васильев-Буглай.

310. «Новый мир», 1950, № 2, с. 169. Перевод песни «Szegèny molnarlegeny».

311. С-51, т. 2, с. 256. Перевод песни «Kesei lakodalom».

312. С-51, т. 2, с. 242. Перевод баллады «Kömüves Kelemen».

313. С-51, т. 2, с. 244. Перевод баллады «Gergö Istvan balladeja».

С ИТАЛЬЯНСКОГО

Антонио Гуерра

314. «Иностранная литература», 1958, № 5, с. 95. Перевод стих. «Mattone».

315. «Иностранная литература», 1958, № 5, с. 95. Перевод стих. «Ghetto».

Джакомо Новента

316. «Иностранная литература», 1958, № 5, с. 95. Перевод стих. «Par vardardentro i cieli sereni...».

Франческо Масала

317. «Новый мир», 1958, № 4, с. 79. Перевод стих. «Lettera della moglie all'emigrato del Sarrabus».

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ[1]

---

[1] Стихотворения, заглавия которых совпадают с первой строкой, в алфавитном указателе даются только по названию.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* М. В. Исаковский в январе 1960 г. Фотография.

2. *Между с. 64 и 65.* Михаил Исаковский осенью 1913 г. Фотография.

3. *Между с. 96 и 97.* М. В. Исаковский в 1930—1931 гг. Фотография.

4. *Между с. 224 и 225.* Плакат-иллюстрация Д. Моора к тексту стихотворения М. В. Исаковского «Партизанка» (1942); отпечатан в 1943 г.

5. *Между с. 256 и 257.* М. В. Исаковский. Фотография конца 40-х гг.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ФЕЛЬЕТОНЫ. ШУТКИ. СТИХИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕМЫ

ИЗ ПЕСЕН ПРОШЛОГО

ИЗ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ
1914—1923

ПЕРЕВОДЫ

С УКРАИНСКОГО

Тарас Шевченко

Иван Франко

С БЕЛОРУССКОГО

Янка Купала

Якуб Колас

Петрусь Бровка

Исаковский Михаил Васильевич
СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1965 г. 512 стр.
Тем. план вып. 1965 г., № 515.

Редактор *В. С. Киселев*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. Н. Аврунина*

Сдано в набор 25/X 1965 г. Подписано в печать 15/XII 1965 г. М 50668. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 16+5 вкл. (27,4). Уч.-изд. л. 24,29. Тираж 40 000. Зак. № 1703.
Цена 93 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати,
Красная ул., 1/3